

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 3

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. — председатель (Барнаул), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.Д. Цветкова, к.ф.н, доцент (Казахстан, Павлодар), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

П.В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), К.И. Бринев, М.П. Гребнева, В.В. Десятов, В.Н. Карпухина, Л.М. Комиссарова, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, Л.Н. Тыбыкова

Секретариат

О.А. Ковалев, С.Б. Сарбашева

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук, оф. 405а.
Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: <http://journal.asu.ru/pm/>

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992–7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

О. В. Спачиль. Рефлекс свободы в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин»	7
Ю. В. Маликова. Роль пушкинской традиции в организации системы персонажей романа К. Г. Паустовского «Дым отечества»	23
Цзе Лин. Шолоховские аллюзии и реминисценции в творчестве Чжоу Либо	39
А. А. Косарева. Биографии Арлекина и Пьеро в Англии и Франции XVIII–XIX веков.....	54
Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая. Рассказы сборника «You Like It Darker» С. Кинга: мистика и реальность.	65
Ю. В. Климук. Терминологический состав макрополя «Геология россыпных и рудных месторождений» терминологии золотодобычи в современном русском языке	78
Е. А. Косых. Терминологизация колоризмов в русском языке	96
Т. В. Чернышова, Х. Н. угли Самадов. Функционально-стилевая и эмоционально-экспрессивная градация оценочных значений зооморфизмов в русском языке	112
Г. В. Ануфриева. Тропеическая система в идиостиле Е. Д. Айпина (на материале романа «В поисках Первоземли»)	129
М. В. Румянцева. Концепт-колоратив <i>жёлтый</i> в художественной картине мира В. Личутина: многообразие смыслов	142
Ван Чуньму. Сопоставление музыкально-исполнительской терминологии в русском и китайском языках	159
В. С. Коваленко. Профессиональные англицизмы в общении IT-специалистов (на материале опроса тестировщиков)	178
С. М. Пашков. Категория сакральности в контексте образования гомилетических текстов (на материале английского языка).....	191
Ю. М. Коняева. Искусственный интеллект как медийная персона: речевая репрезентация.....	209

Научные сообщения

А. В. Марков, О. А. Штайн. Зеркало Гоголя: скрытый мотив книги М. М. Бахтина о Рабле.	221
М. В. Устинова. Образ перцептивного автора в новостном контенте официального сайта (на материале лингвистического эксперимента).....	230
А. Д. Цкриалашвили. Фрейминг, речевые стратегии и тактики американских политических лидеров (на примере президентских кампаний электорального цикла 2020–2024.....	244

Люди. Факты. События

Е. С. Кара-Мурза, Т. В. Чернышова. Правовые и коммуникативные риски в современном медиадискурсе: о взаимодействии медиалингвистического и лингвоэкспертного подходов к анализу конфликтных медиатекстов (обзор итогов пленарной сессии «Коммуникативные риски в медиапространстве и их актуализация в образовательном, просветительском и лингвоэкспертном дискурсах», Санкт-Петербург, 2025)	255
Резюме	263
Наши авторы	280

CONTENTS

Articles

O. V. Spachil. “Freedom Reflex” in A. P. Chekhov's <i>Sakhalin Island</i>	7
J. V. Malikova. The role of Pushkin Tradition in the Organization of the System of Characters in K. G. Paustovsky's Novel <i>Smoke of Fatherland</i>	23
Jie Lin. The Sholokhovian Traditions in Zhou Libo's Literary Works	39
A. A. Kosareva. Biographies of Harlequin and Pierrot in England and France in the 18 th –19 th Centuries	54
G. I. Lushnikova, T. Iu. Osadchaia. Short Stories from <i>You Like It Darker</i> by S. King: Mysticism and Reality.	65
Yu. V. Klimuk. The Terminological Composition of the Macrofield <i>Geology of Placer and Ore Deposits</i> in Gold Mining Terminology in the Russian language.	78
E. A. Kosykh. Terminologization of Colorisms in the Russian Language.	96
T. V. Chernyshova, Kh. N. ugli Samadov. Functional-Stylistic and Emotional-Expressive Gradation of Evaluative Meanings of Zoomorphisms in the Russian Language.	112
G. V. Anufrieva. The System of Tropes in the Idiostyle of E. D. Aipin (Based on the Novel <i>in Search of the First Earth</i>)	129
M. V. Rumyantseva. Concept Color Name <i>Yellow</i> in the Artistic Worldview of V. Lichutin: Variety of Senses	142
Wang Chunmu. Matching Music and Performance Terminology in the Russian and Chinese Languages	159
V. S. Kovalenko. Professional Anglicisms in IT-Professional Communication (Case-Study of IT-Professionals Poll)	178
S. M. Pashkov. Representation of the Category of Sacredness in Homiletic Texts (as Exemplified in the English Language)	191
Yu. M. Konyaeva. Artificial Intelligence as Media Personality: Speech Representation	209

Scientific reports

A. V. Markov, O. A. Shtayn. Gogol's Mirror: Hidden Motif of M. M. Bakhtin's Book on Rabelais	221
M. V. Ustinova. The Image of a Perceptual Author in the News Content of the Official Website (Based on a Linguistic Experiment)	230
A. D. Tskrialashvili. Framing, Speech Strategies and Tactics of American Political Leaders (Case Study of the Presidential Campaigns of the Electoral Cycle 2020–2024)	244

People. Facts. Events

E. S. Kara-Murza, T. V. Chernyshova. Legal and Communicative Risks in Modern Media Discourse: on the Interaction of Media-Linguistic and Linguistic Expert Approaches to the Analysis of Conflict Media Texts (on the Results of the Plenary Session “Communicative Risks in the Media Space and Their Urgency in Educational, Enlightening and Linguistic Expert Discourses”, St. Petersburg, 2025)	255
Summary	263
Our authors	280

СТАТЬИ

РЕФЛЕКС СВОБОДЫ В КНИГЕ А.П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХЛИН»

О.В. Спачиль

Ключевые слова: А.П. Чехов, «Остров Сахалин», И.П. Павлов, рефлекс свободы, беглые каторжане, медицинская гуманитаристика

Keywords: A. P. Chekhov, "Sakhalin Island", I. P. Pavlov, Freedom Reflex, runaway convicts, Medical Humanistics

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3-01](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3-01)

Введение

Проблема свободы и несвободы, воли и рабства во второй половине XIX века занимает центральное место в общественной и философской мысли Российской империи. Крестьянская реформа 1861 года, несмотря на свою ограниченность [Базанова, 2018], активизировала дискуссии о природе личной свободы, что отразилось в работах Л.Н. Толстого [Гельфонд, 2015], Ф.М. Достоевского [Ерина, 2012], Н.Г. Чернышевского [Астафьева, 2013; Судоргина, 2019] и других писателей, исследующих границы автономии человека в условиях социального и политического давления [Нарежный, Завьялова, 2021].

Стремление личности к свободе занимает центральное место в творчестве А.П. Чехова. Его поездка на Сахалин в 1890 году становится важнейшим этапом в осмыслении этой проблемы: писатель получает уникальную возможность наблюдать не только чудовищные условия каторжного быта, но и удивительный феномен — упорное, часто иррациональное стремление заключенных к побегу.

Проблема беглых остается острой на всех этапах использования Сахалина и Сибири в качестве места каторги и ссылки преступников в России. Обратимся к литературным источникам середины XIX века. Последовавшая за мужем-декабристом в Сибирь княгиня М.Н. Волконская в своих записках вспоминает Благодатск (сегодня — город в Забайкальском крае) и тоску, которая овладевала по весне каторжанами. На свои расспросы княжна получала такое разъяснение: «...с при-

ближением весны ими (каторжанами. — О.С.) овладевало неотразимое желание бежать... они встречали радостно таяние снега: не имея ни шубы, ни сапог, они не могли зимою отважиться на побег, весною же большая часть их убегала; некоторые из них доходили до России: их никогда не выдавали, и они доживали там свой век» (Мария Волконская. Записки княгини... 1960. С. 71). Упоминает беглых, активность которых возрастала с наступлением теплых дней, в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевский: «в тепле, среди яркого солнца, когда слышишь и ощущаешь всей душою, всем существом своим воскресающую вокруг себя с необъятной силой природу, еще тяжелее становится запертая тюрьма, конвой и чужая воля; кроме того, в это весеннее время по Сибири и по всей России с первым жаворонком начинается бродяжество: бегут божьи люди из острогов и спасаются в лесах» (Федор Достоевский. 1979. Т. 4. С. 174).

Отправляясь в Сибирь и на сахалинскую каторгу, А.П. Чехов сознательно вступает в диалог с изображением каторги Ф.М. Достоевским [Кибальник, 2020], привнося новые документальные и художественные подходы, принципиально отличающиеся от исповедальной манеры автора «Записок из Мертвого дома». Мотив «неволи» и «бегства» некоторыми учеными признается одним из основных мотивов книги «Остров Сахалин» [Кибальник, 2022, с. 41]. А.П. Чехов фиксирует парадоксальную закономерность: многие побегі заведомо обречены на провал, а их участники прекрасно осознают это. Однако сама потребность хотя бы ненадолго ощутить себя свободным человеком оказывается сильнее инстинкта самосохранения. Эти наблюдения, по сути, предвосхищают более поздние научные концепции, в частности учение И.П. Павлова о «рефлексе свободы» как основной биологической реакции на принуждение.

Цель данной статьи — рассмотреть чеховские наблюдения за мотивами побегов через призму павловской концепции, доказав, что эмпирические выводы писателя имеют не только гуманитарную, но и научно-экспериментальную ценность. В фокусе исследования — пересечение литературного и физиологического (медицинского) дискурсов о свободе как базовой потребности человека.

Результаты исследования

Беглые на Сахалине. Причины побегов

В главе XXII книги «Остров Сахалин» представлено целостное рассмотрение проблемы беглых каторжан. Завершая работу над указанной главой 30 августа 1891 года, А.П. Чехов в эпистолярном обращении

к А.С. Суворину отмечает: «У меня вышла интересною и поучительною глава о беглых и бродягах» (Антон Чехов. Письма. Т. IV. С. 267)¹. Данное высказывание представляет собой исключительный в чеховской переписке пример позитивной авторской рефлексии относительно собственного текста. В связи с этим возникает исследовательский вопрос: какие именно аспекты данной главы обусловили ее познавательную ценность и дидактический потенциал, отмеченные самим автором?

На каторжном острове судьбы беглых складываются драматично. Сахалин, как пишет А.П. Чехов, теряет одну треть беглецов убитыми, найденными мертвыми или пропавшими без вести, и это, несмотря на то что островное положение каторжан, казалось бы, должно свети к минимуму количество побегов из-за их заведомой обреченности на неудачу. Несмотря на чрезвычайную трудность побега с острова, окруженного холодным морем, непроходимость сахалинской тайги летом, мошку, медведей, а зимой — морозы, метели, голод и безлюдье, количество беглецов остается стабильным. Высокая вероятность гибели и неотвратимость наказания при поимке не уменьшают число побегов.

Что же заставляет людей пускаться в бега? А.П. Чехов подошел к ответу на этот вопрос как статистик и санитарный врач-гигиенист, поскольку планировал представить свои исследования на кандалном острове в виде научной диссертации, которая позволила бы ему занять место среди профессоров Императорского Московского университета [Катаев, 2015]. Чехов-врач указывает на несколько причин, выделяя из них главную: *«Причиной, побуждающею преступников искать спасения в бегах, а не в труде и не в покаянии, служит, главным образом, не засыпающее в нём сознание жизни»*². Если он не философ, которому везде и при всех обстоятельствах живётся одинаково хорошо, то не хотеть бежать он не может и не должен» (Антон Чехов. Сочинения. Т. XIV–XV. С. 343).

Обращает на себя внимание признание нормальности и даже обязательности наличия желания убежать с каторги и понятно, что слово «философ» здесь звучит с определенной долей иронии. В повести «Палата № 6», написанной по следам поездки на Сахалин и опубликованной в 1892 году, один из персонажей, доморощенный любомудр Андрей Ефимыч Рагин, в размышлениях которого причудливо смешаны

¹ Здесь и далее все произведения А.П. Чехова цитируются по изданию: «Полное собрание сочинений и писем»: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.

² Здесь и далее в цитатах из книги «Остров Сахалин» выделение полужирным шрифтом наше. — О.С.

философии Марка Аврелия, А. Шопенгауэра и Л.Н. Толстого, признает, что чувство жизни — это способность реагировать, отвечать на раздражение, что сопротивление естественно. Первоначально Рагин пытался убедить страдальцев омерзительно грязной палаты № 6, где их избивали и полностью игнорировали их человеческое достоинство, что разницы между нею и теплым, уютным кабинетом не существует, что на самом деле эта разница — умозрительна. В финале герой протестует против заключения уже его самого в палату № 6, сопротивляется причиняемым ему страданиям³. Человек, которого мучают и ограничивают в свободе, стремится вырваться, и это нормально, это и есть *сознание жизни*.

Важным мотивационным фактором побегов каторжан является психоэмоциональное тяготение к местам их происхождения: *«Прежде всего ссыльного гонит из Сахалина его страстная любовь к родине»* (Антон Чехов. Сочинения. Т. XIV–XV. С. 343). Случаи ностальгии фиксируются Чеховым не только среди заключенных, но и среди чиновников и моряков. Проявляются эти состояния прежде всего в полной идеализации жизни в России — и земли, и людей, и воздуха, и растительности, и климата. Любовь и благоговейное отношение распространяется даже на то, что привезено из России: одеяло, книги и чемодан А.П. Чехова вызывали восторг у старушки, случайно встреченной писателем на Сахалине (Антон Чехов. Сочинения. Т. XIV–XV. С. 344). Среди жителей острова были твердыми убеждения, что только там, в России, все было настоящим — даже священники, а потому старушки не брали благословения у местных священнослужителей. Чехов-медик понимает адаптивный характер тоски по родине, помогающей людям смириться со своим положением. Грамотный врач одновременно ясно описывает невротические и психопатологические последствия ностальгии, оставленной без внимания. Тяжелые депрессивные состояния приводят к необратимым последствиям и в конечном итоге разрушают психику: *«Тоска по родине выражается в форме постоянных воспоминаний, печальных и трогательных, сопровождаемых жалобами и горькими слезами, или в форме несбыточных надежд, поражающих часто своею нелепостью и похожих на сумасшествие, или же в форме ясно выраженного, несомненного умопомешательства»* (Антон Чехов. Сочинения. Т. XIV–XV. С. 344).

В приведенной выше цитате А.П. Чехов демонстрирует профессиональные знания в области психиатрии и психологии, обнаруженные в ряде рассказов, написанных на рубеже 1890-х годов, — «Припадок»

³ См. комментарий А.П. Чудакова к «Палате № 6» (Антон Чехов. Сочинения. Т. VIII. С. 449).

(1889), «Палата № 6» (1892), «Черный монах» (1893) [Коренькова, 2025, с. 69; Кубасов, 2025, с. 78; Шубин, 1979, с. 86–89]. Писатель компетентен также в вопросах организации лечебных учреждений для душевнобольных [Ахметшин, 2019, с. 9]. Еще в 1887 году, за три года до своей сахалинской экспедиции, в беседе с врачом Воскресенской земской больницы П.А. Архангельским А.П. Чехов высказал замечание по поводу материалов, собранных доктором для «Отчета по осмотру русских психиатрических заведений»: «А ведь хорошо бы описать также тюрьмы, как вы думаете?» [Архангельский, 2019, с. 26]. Эта реплика-пожелание, возникшая в профессиональном диалоге, впоследствии нашла свое полное воплощение в ходе исследования сахалинской каторжной системы.

Вернемся к причинам побегов. Какие еще побуждения и мотивы подмечает внимательный доктор? *«Гонит ссыльных из Сахалина также стремление к свободе, присущее человеку и составляющее, при нормальных условиях, одно из его благородных свойств»* (Антон Чехов. Сочинения. Т. XIV–XV. С. 344). Оговорка *«при нормальных условиях»* в данном случае мало что меняет, поскольку симпатии писателя на стороне заключенных на острове каторжан. Проницательность А.П. Чехова идет дальше общих утверждений о наличии стремления к свободе, он говорит о роли наследственности в вере в *«легкость, безнаказанность и почти законность побегов»* (Антон Чехов. Сочинения. Т. XIV–XV. С. 346). Писатель не исследует происхождение этой веры, но подчеркивает ее всеобщий и потомственный характер: *«Эта странная вера воспитывается в людях поколениями, и начало ее теряется в тумане...»* (Там же).

А.П. Чехов указывает на *сознание жизни и стремление к свободе*, присущие человеку и составляющие его неотъемлемую и положительную черту. Более того, Чехов понимает, что это стремление может быть подавлено изнутри философскими рассуждениями, т.е. целенаправленной умственной деятельностью, но истребить его полностью нельзя. По мере физического ослабления, наступающего с годами в тяжелых условиях сахалинской неволи, каторжане уже бегут не на континент, а *«уже куда-то поближе, на Амур или даже в тайгу, или на гору, только бы подальше от тюрьмы...»* (Там же, с. 344–345). Писатель приводит пример живущего в Корсаковском посту шестидесятилетнего Алтухова, который берет с собой небольшой кусок хлеба, запирает свое жилище, взбирается на небольшую гору в полуверстах и оттуда глядит вдаль — на тайгу, на море и на небо. По прошествии трех дней Алтухов возвращается, снова берет хлеб и снова уходит. Алтухова секли, но он не изменил своего поведения и постепенно стал объектом всеобщих насмешек (с. 344–345).

У каждого конкретного побега есть непосредственные частные причины и мотивы, к которым относятся и плохая пища, и жестокость тюремных порядков, и желание отомстить (убийство беглоторжным рядового Белого), и любовь (ссылнокаторжный Артем и аинка). Сюда же относятся и побеги, организованные для обмана и грабежа новичков побогаче или из желания получить вознаграждение в три рубля, выдаваемые казной за поимку беглого, и многое другое. Однако ясно, что какими бы ни были частные побуждения, они ложатся на почву врожденных инстинктов. Чехов не только констатирует наличие побегов, но напрямую признает их естественность и неизбежность, исходящую из того факта, что человек ощущает себя живым и не может вести себя иначе в силу своей природы. Сахалинские чиновники признавались Чехову, что удерживает людей на каторге страх перед физическими препятствиями, уברי его и *«на острове оставались бы только те, кому нравится здесь жить, то есть никто»* (с. 343).

А.П. Чехов в своих работах раскрывает закономерности психических процессов, утверждая, что экстремальные репрессивные меры, достигшие состояния «идеального совершенства» (Т. XIV–XV. С. 355), способны спровоцировать обратный эффект — масштабный протест, способный подавить даже базовые инстинкты, включая инстинкт самосохранения.

А.П. Чехов анализирует феномен побегов с каторги через призму профессионального медицинского знания, формулируя закономерность: побег выступает естественной реакцией личности на систематическое ограничение свободы и применение насилия. Проведя статистический анализ (Антон Чехов. Сочинения. Т. XIV–XV. С. 356), автор приходит к выводу о тотальности и деструктивности данного явления, отмечая его распространенность среди всех социальных страт. Важнейшим психологическим аспектом, по Чехову, является сам факт наличия идеи побега как защитного механизма, предотвращающего деструктивные формы эскапизма в условиях экстремальной среды.

В контексте эпистолярного дискурса с А.С. Сувориным, упомянутого выше, особую значимость приобретает прагматический аспект чеховского анализа — разработка конкретных мер по минимизации негативных последствий побегов. Писатель-гуманист последовательно развивает тезис о каторге как институте коррекции, а не репрессии, предупреждая, что ужесточение карательной системы, экстремальные репрессивные меры, достигшие состояния «идеального совершенства» (Там же, с. 355), неминуемо ведут к *«трансформации заключённого в животное, а пениitenciарного учреждения — в зверинец ... что легло бы непосильным бременем на невинное население»* (Там же). Единственно

эффективным решением проблемы А.П. Чехов считает гуманизацию условий содержания, что предполагает: 1) улучшение материального положения каторжан; 2) формирование перспектив ресоциализации; 3) поддержание когнитивного конструкта «надежды на будущее». Данный комплекс мер, по его мнению, способен существенно снизить частоту побегов, если не полностью их искоренить.

Открытие академика И.П. Павлова

Профессиональные врачебные навыки позволяют А.П. Чехову дать подробный анализ проблемы, вплотную подойти к практически полному и подробному описанию врожденного рефлекса или инстинкта свободы. Спустя четверть века после посещения писателем каторжного острова в работах академика И.П. Павлова было зафиксировано систематическое описание данного фундаментального рефлекса высшей нервной деятельности. И.П. Павлов предоставляет физиологическое обоснование феномена, который ранее эмпирически наблюдал и описал А.П. Чехов.

Одним из значительных открытий начала XX века, сделанным в лабораториях И.П. Павлова на животных, стало открытие рефлекса свободы и рефлекса рабства. Размышляя о необходимости установить и систематизировать все прирожденные рефлексы, как основной, неизменный фундамент, на котором строится огромное здание приобретенных рефлексов, И.П. Павлов с сотрудниками в условиях лаборатории тщательно описывали все проявления общевидовых и свойственных отдельным особям рефлексов. В докладе, сделанном в Петроградском биологическом обществе в мае 1917 года И.П. Павловым совместно с доктором М.М. Губергрицем⁴, сформулировано открытие рефлекса свободы. Следует оговориться, что в терминологическом плане И.П. Павлов и М.М. Губергриц не делают принципиальной разницы между тем, что они называют рефлексом, и тем, что обозначают словом инстинкт: «нет ни одной существенной черты, отличающей рефлексы от инстинктов» [Павлов, 2001, с. 161], хотя термину «рефлекс» отдается предпочтение как, с их точки зрения, строго научному, декартовскому. Этим же термином обозначаются как приобретенные реакции организма, так и прирожденные.

⁴ «Рефлекс свободы» — под таким названием статья была опубликована в журнале Русский врач 1918. № 1–4. С. 1–2. Соавтором статьи вместе с И.П. Павловым указан Макс Моисеевич Губергриц (1886–1951) — советский терапевт, академик АН УССР. В издании статьи 2001 года дан вариант фамилии Убергриц: Рефлекс свободы (совместно с д-ром М.М. Убергрицем) // Павлов И.П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001. С. 75–80.

Выводы, которые делает академик И.П. Павлов, касаются животных и человека. В заключительных абзацах доклада 1917 года И.П. Павлов также говорит о существовании наряду с рефлексом свободы «прирожденного рефлекса рабской покорности». Яркий пример из жизни собак — опрокидывание маленьких по размеру собачек и щенков перед большими собаками на спину. В человеческом обществе Павлов сравнивает это с падением ниц, бросанием на колени. Такое поведение имеет защитную функцию, поскольку «Нарочитая пассивная поза слабейшего, естественно, ведет к падению агрессивной реакции сильнейшего, тогда как, хотя бы и бессильное, сопротивление слабейшего только усиливает разрушительное возбуждение сильнейшего» [Павлов, 2001, с. 79–80]. Следует особо отметить, что ввиду этических ограничений, исключающих возможность использования реальных клинических случаев для демонстрации рефлекса рабства, исследователь вынужден прибегнуть к литературному материалу. В данном контексте И.П. Павлов апеллирует к художественному произведению А.И. Куприна «Река жизни» [Павлов, 2001, с. 80], используя его в качестве иллюстративного материала для верификации своих теоретических положений.

Анализ архивных материалов и научных трудов И.П. Павлова позволяет реконструировать его концептуальное отношение к русской литературе как к значимому феномену познания действительности. Как свидетельствуют мемуарные источники [Воронин, 1989, с. 293–299], физиолог признавал существенный вклад литературы в развитие научного мышления, о чем красноречиво свидетельствует его диалог с М. Горьким [Воронин, 1989, с. 293]. Примечательна проводимая И.П. Павловым параллель между художественными и научными методами познания.

В работе «Проба физиологического понимания симптомологии истории» [Павлов, 2001, с. 234–255] ученый развивает методологическую дихотомию, противопоставляя два способа постижения действительности: художественный (целостный, синтетический) и научный (аналитический, редукционистский). Эта антиномия отражает фундаментальное различие эпистемологических стратегий, где литература выступает как способ «захвата действительности целиком» [Павлов, 2001, с. 250], тогда как наука неизбежно дробит изучаемый объект. Однако, как следует из лекционных материалов, физиолог критически оценивал ограниченность субъективных методов психологического анализа, характерных для литературы: «Миллионы страниц заняты изображением внутреннего мира человека, а результатов этого труда — законов душевной жизни человека — мы до сих пор не имеем. И поныне вполне справедлива пословица: “чужая душа — потемки”. Наши же объ-

ективные исследования сложно-нервных явлений у высших животных дают основательную надежду, что основные законы, лежащие под этой страшной сложностью, в виде которой нам представляется внутренний мир человека, будут найдены физиологами и не в отдаленном будущем» [Павлов, 1951, с. 106]. Парадоксальным образом в павловской концепции сочетаются признание эвристической ценности литературного познания, критика его ненаучного характера и убежденность в превосходстве объективных физиологических методов.

Прямых свидетельств о знакомстве И.П. Павлова с книгой А.П. Чехова «Остров Сахалин» нами не обнаружено. Однако, согласно официальному ответу Музея-квартиры академика И.П. Павлова ИФ РАН (Письмо Музея-квартиры академика И.П. Павлова ИФ РАН⁵), в личной библиотеке физиолога хранится полное собрание сочинений А.П. Чехова в 14 томах (издание «Товарищества А.Ф. Маркс»). Это косвенно свидетельствует о возможном знакомстве И.П. Павлова с чеховским творчеством.

Проведя сравнительный анализ концептуальных положений академика-физиолога и писателя, можно констатировать существенное сходство между павловским «рефлексом свободы» и чеховскими категориями «*сознание жизни*» и «*стремление к свободе*». Как демонстрируют экспериментальные данные И.П. Павлова, степень выраженности данных свойств психики находится в прямой корреляции с двумя фундаментальными факторами: 1) наследственной предрасположенностью и 2) индивидуальными психофизиологическими особенностями индивида. В ходе экспериментов И.П. Павлов эмпирически доказал, что рефлекс свободы обладает следующими ключевыми характеристиками: 1) способность доминировать над базовыми биологическими потребностями (в частности, превосходить по силе пищевой рефлекс); 2) возможность временного подавления; 3) принципиальная неуничтожимость, проявляющаяся в способности к спонтанному восстановлению после продолжительных периодов угнетения.

Важнейшим теоретическим достижением И.П. Павлова стало выделение диалектической пары «рефлекс свободы — рефлекс рабства». Согласно полученным данным, рефлекс рабства: 1) имеет аналогичную генетическую природу; 2) поддается коррекции посредством систематической и целенаправленной работы; 3) находится в обратно пропорциональной зависимости от проявлений рефлекса свободы.

⁵ См.: Письмо № 2115/001–885 от 01.12.2022, подп. зам. директора по научной работе Е.А. Рыбниковой.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать формирование устойчивой междисциплинарной парадигмы на стыке медицины и гуманитарного знания, где творчество А.П. Чехова занимает особое место. В 2020 и 2022 годах в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук прошли Международные научные конференции «Русские писатели и медицина: двести лет вместе (1820–2020)» [Кибальник, 2022]. Со всеми на то основаниями сформировался и используется термин «медицинский текст» в русской литературе⁶. Продолжают появляться медико-филологические исследования об А.П. Чехове, враче и писателе [Логинов, 2010]. Точность описаний психопатологических состояний героев чеховских произведений позволяет использовать их в современном медицинском научном дискурсе [Михайленко, 2013].

В ведущих медицинских вузах в нашей стране и за рубежом появились курсы, которые можно объединить под названием «Медицинская гуманитаристика» [Бутурлина, 2014]. Этот термин, еще достаточно новый в русском языке, является калькой с английского Medical Humanistics [Starikov, Miller, 2021] и относится к появившимся в медицинских вузах курсах биоэтики, включающих элементы таких гуманитарных дисциплин, как антропология, философская этика, психология, история, литература, право, искусство. Русская литература (прежде всего произведения А.П. Чехова, М.А. Булгакова, В.В. Вересаева) широко используется в медицинских вузах в нашей стране и за рубежом и противостоит тенденции дегуманизации медицинского образования.

Особенно значимо, что в книге «Остров Сахалин» эмпирически зафиксированы те самые формы сопротивления тотальной несвободе, которые позже получили экспериментальное подтверждение в работах И.П. Павлова: феномен «побега» как базовой формы реализации рефлекса свободы, парадоксальные реакции длительного угнетения, механизмы компенсаторного поведения.

Этот концептуальный параллелизм подтверждает необходимость дальнейшего изучения литературного наследия А.П. Чехова через призму современных нейрофизиологических исследований, что соответствует принципам медицинской гуманитаристики. Таким образом, чеховские наблюдения за рефлексом свободы в экстремальных условиях

⁶ См. публикацию статей О.Л. Фетисенко, С.А. Кибальника, Н.Ю. Грякаловой, И.А. Кравчука, В.М. Дмитриева в рубрике «Медицинский текст» в русской литературе // Русская литература. 2022. № 3. С. 27–73.

сахалинской каторги и их последующее научное осмысление И.П. Павловым создают уникальную исследовательскую модель для разработки междисциплинарных учебных курсов и развития гуманистических подходов в общей и пенитенциарной медицине.

Художественная рефлексия А.П. Чехова в «Острове Сахалин» уникальна: его документально-этнографическое исследование каторжной системы раскрывает не только социальные, но и биосоциальные механизмы сопротивления несвободе. Анализируя побег сахалинских каторжан, Чехов фиксирует универсальные паттерны поведения, предвосхищающие идеи И.П. Павлова о рефлексе свободы — врожденном стремлении живого существа преодолевать принуждение.

Анализ главы о беглых на Сахалине, выяснение не только социальных, но и психоэмоциональных причин и реакций на несвободу убедительно свидетельствуют о тщательности научного исследовательского подхода, который лежит в основе книги «Остров Сахалин».

Вопрос личной независимости и свободы как отсутствие ограничений, накладываемых как социумом (тюрьма, заключение в психиатрическую лечебницу и т.п.), так и привычкой к неволе, к рабскому состоянию, партийными интересами и ярлыками, страхам и заискиваниям, оставался центральным для А.П. Чехова. Свобода — важнейший концепт художественного мира писателя [Терехова, 2009] и один из основных лейтмотивов переписки. Сюда относится многократно цитируемое высказывание из письма А.П. Чехова А.Н. Плещееву от 4 октября 1888 года: «Мое святыня святынь — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались» (Антон Чехов. Письма. Т. III. С. 11).

Рефлекс свободы, описанный А.П. Чеховым и сформулированный И.П. Павловым, наглядно демонстрирует, как одно и то же явление жизни осмысливается художником и ученым. Очевидно, что оба рефлекса существуют в животных и в человеке изначально, но их выраженность зависит от наследственности, от воспитания, от систематической работы по его поддержанию и развитию или, напротив, от усилий по их подавлению. Вспоминая широко известное письмо А.П. Чехова к А.С. Суворину от 7 января 1888 года (П III, 131–133), где речь идет о рабской крови, превращающейся в человеческую, следует сказать о метафорической точности выражения «выдавливает из себя раба» как высказывании о кропотливой работе по самовоспитанию и формированию устойчивого рефлекса свободы, даже если и по наследству был передан рефлекс рабства.

Библиографический список

Архангельский П.А. Из воспоминаний об Антоне Павловиче Чехове / публикация Р.Б. Ахметшина // Мелихово. Альманах. М.: Мелихово, 2019. С. 23–30.

Астафьева Е.Н. Об образовании народа и педагогике свободы (рецензия Н.Г. Чернышевского на журнал «Ясная Поляна») // Историко-педагогический журнал. 2013. № 3. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obrazovanii-naroda-i-pedagogike-svobody-retsenziya-n-g-chernyshevskogo-na-zhurnal-yasnaya-polyana>

Ахметшин Р.Б. «Вопрос молодой, для врачей и земцев интересный» (Земская медицина и психиатрия в чеховской биографии) // Мелихово. Альманах. М.: Мелихово, 2019. С. 9–22.

Базанова Ю.А. Отмена крепостного права: положительные и отрицательные последствия // Инновационная наука. 2018. № 9. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/otmena-krepostnogo-prava-polozhitelnye-i-otritsatelnye-posledstviya>

Бурлина Е.Я. Парадигмы медицинской гуманитаристики. Международная междисциплинарная конференция «Гуманитарное обеспечение инновационной деятельности в биологии и медицине» // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 2–2. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmy-meditsinskoy-gumanitaristiki-mezhdunarodnaya-mezhdistsiplinarnaya-konferentsiya-gumanitarnoe-obespechenie>

Воронин С.А. Жизнеописание Ивана Петровича Павлова: Повесть. М.: Сов. Россия, 1989. 352 с.

Гельфонд М.Л. Этика Л.Н. Толстого: дилемма свободы и закона // Этическая мысль. 2015. № 1. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-l-n-tolstogo-dilemma-svobody-i-zakona>

Ерина Е.Б. Грани свободы в творчестве Ф.М. Достоевского // Соловьевские исследования. 2012. № 2 (34). Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/grani-svobody-v-tvorchestve-f-m-dostoevskogo>

Катаев В.Б. Чехов и Московский университет // А. П. Чехов — воспитанник Московского университета. М.: ИПО «У Никитских ворот», издательство «Литературный музей», 2015. С. 7–27.

Кибальник С.А. Отзвуки книги А.П. Чехова «Остров Сахалин» в его последующих произведениях // XXV Чеховские чтения: материалы региональной научной конференции, 28 января 2022 г. Ижевск: ООО «Принт», 2022. С. 39–45.

Кибальник С.А. «Остров Сахалин» А.П. Чехова и «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // «Остров Сахалин» А.П. Чехова в XXI

веке: материалы VII Международной научной конференции 14–20 сентября 2020 года. Южно-Сахалинск: Эйкон, 2020. С. 54–61.

Кибальник. С.А. Международная научная конференция «Русские писатели и медицина: двести лет вместе (1820–2020)» // Русская литература. 2022. № 2. С. 269–274.

Коренькова Т.В. Отражение идей Ж.М. Шарко в журналистике А.С. Суворина и прозе А.П. Чехова // Чеховские чтения в Ялте. Вып. 29: «Портрет писателя на фоне эпохи: к 125-летию новоселья Чеховых на Белой Даче»: сб. научн. трудов. Симферополь: Н. Орианда, 2025. С. 61–75.

Кубасов А.В. Фрейдист А.С. Суворин и его оппонент А.П. Чехов // Чеховские чтения в Ялте. Вып. 29: «Портрет писателя на фоне эпохи: к 125-летию новоселья Чеховых на Белой Даче»: сб. научн. трудов. Симферополь: Н. Орианда, 2025. С. 76–91.

Логинов В.А. А.П. Чехов — диагност в медицине и литературе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 48 с.

Михайленко А.А. Вопросы неврологии и психиатрии в некоторых произведениях писателя и врача А.П. Чехова / А.А. Михайленко, В.В. Нечипоренко, А.Н. Кузнецов, С.Н. Янишевский, Н.С. Ильинский // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова. 2013. Т. 8. № 1. С. 137–140.

Нарежный А.И., Завьялова О.О. Власть и общество во второй четверти XIX века: особенности взаимодействия // Historia provinciae — журнал региональной истории. 2021. № 3. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-obschestvo-vo-vtoroy-chetverti-hih-veka-osobennosti-vzaimodeystviya>

Павлов И.П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001. 432 с.

Павлов И.П. Полное собрание сочинений в 6 томах / АН СССР. Изд. 2-е, доп. М.: Изд-во АН СССР, 1951–1954. Т. 3. Кн. 1: Физиология высшей нервной деятельности (работы 1903–1916)] / ред. Э.Ш. Айрапетянц. 1951. 392 с.

Судоргина И.С. Социально-правовые идеи Н.Г. Чернышевского в романе «Что делать?» // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pravovye-idei-n-g-chernyshevskogo-v-romane-chto-delat>

Терехова Г.Х. Концепт «Свобода» // Концептосфера А.П. Чехова: сб. ст. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. С. 283–299.

Шубин Б.М. Доктор А.П. Чехов. М.: Знание, 1979. 128 с.

The Russian Medical Humanities: Past, Present and Future / Konstantin Starikov, Melissa L. Miller editors. Lanham, Maryland: LexingtonBooks, 2021. 214 p.

Источники

Волконская М.Н. Записки княгини М.Н. Волконской. Чита: Читинское книжное издательство, 1960. 159 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 4. Записки из мертвого дома / текст подгот. и примеч. сост. И.Д. Якубович и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 326 с.

Письмо Музея-квартиры академика И.П. Павлова ИФ РАН № 2115/001–885 от 01.12.2022 // Личный архив автора.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.

References

Akhmetshin R.B. “A Young Question, Interesting for Doctors and Zemstvo Members” (Zemstvo Medicine and Psychiatry in Chekhov's Biography). *Melikhovo. Al'manakh* = Melikhovo, Almanac Moscow, 2019, pp. 9–22. (In Russian).

Arkhangel'sky P.A. From memories of Anton Pavlovich Chekhov. *Melikhovo. Al'manakh* = Melikhovo. Almanac, Moscow, Melikhovo, 2019, pp. 23–30. (In Russian).

Astaf'ieva E.N. On the Education of the People and the Pedagogy of Freedom (review by N.G. Chernyshevsky of the journal “Yasnaya Polyana”). *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal* = Historical and Pedagogical Journal, 2013, no. 3. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obrazovanii-naroda-i-pedagogike-svobody-retsenziya-n-g-chernyshevskogo-na-zhurnal-yasnaya-polyana> (In Russian).

Bazanov Yu.A. Abolition of serfdom: positive and negative consequences. *Innovatsionnaya nauka* = Innovative science, 2018, no. 9. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/otmena-krepostnogo-prava-polozhitelnye-i-otritsatelnye-posledstviya> (In Russian).

Burlina E.Ya. Paradigms of medical humanities. International interdisciplinary conference “Humanitarian support for innovative activities in biology and medicine”. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* = Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2014, no. 2–2. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmy->

meditsinskoy-gumanitaristiki-mezhdunarodnaya-mezhdistsiplinarnaya-konferentsiya-gumanitarnoe-obespechenie (In Russian).

Erina E.B. Facets of Freedom in the Works of F. M. Dostoevsky. *Solov'evskie issledovaniya* = Soloviev Studies, 2012, no. 2 (34). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/grani-svobody-v-tvorchestve-f-m-dostoevskogo> (In Russian).

Gelfond M.L. Ethics of L.N. Tolstoy: the dilemma of freedom and law. *Eticheskaya mysl'* = Ethical Thought, 2015, no. 1. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-l-n-tolstogo-dilemma-svobody-i-zakona>. (In Russian).

Kataev V.B. Chekhov and Moscow University. *A.P. Chekhov — vospitannik Moskovskogo universiteta* = A.P. Chekhov is a graduate of Moscow University, Moscow, 2015, p. 7-27. (In Russian).

Kibalnik S.A. Echoes of the Book of A. P. Chekhov's "Sakhalin Island" in his subsequent works. *XXV Chekhovskie chteniya: materialy regional'noy nauchnoy konferentsii* = XXV Chekhov Readings, 2022, pp. 39-45. (In Russian).

Kibalnik S.A. "Sakhalin Island" by A.P. Chekhov and "Notes from the House of the Dead" by F.M. Dostoevsky. "Ostrov Sakhalin" *A.P. Chekhova v XXI veke* = "Sakhalin Island" by A.P. Chekhov in the 21st Century, 2020, pp. 54-61. (In Russian).

Kibalnik. S.A. International Scientific Conference "Russian Writers and Medicine: Two Hundred Years Together (1820-2020)". *Russkaya literatura* = Russian Literature, 2022, no. 2, pp. 269-274. (In Russian).

Korenkova T.V. Reflection of J.M. Charcot's ideas in the journalism of A.S. Suvorin and the prose of A.P. Chekhov. *Chekhovskie chteniya v Yalte*. = Chekhov readings in Yalta, Simferopol, 2025, iss. 29, pp. 61-75. (In Russian).

Kubasov A.V. "Freudian" A.S. Suvorin and his opponent A.P. Chekhov. *Chekhovskie chteniya v Yalte* = Chekhov readings in Yalta, Simferopol, 2025, iss. 29, pp. 76-91. (In Russian).

Loginov V.A. A.P. Chekhov as a diagnostician in medicine and literature, Moscow, 2010, 48 p. (In Russian).

Mikhailenko A.A., Nechiporenko V.V., Kuznetsov A.N., Yanishevsky S.N., Ilyinsky N.S. Issues of neurology and psychiatry in some works of the writer and physician A.P. Chekhov. *Vestnik Natsional'nogo mediko-khirurgicheskogo tsentra im. N.I. Pirogova* = Bulletin of the National Medical and Surgical Center named after N.I. Pirogov, 2013, vol. 8, no. 1, pp. 137-140. (In Russian).

Narezhny A.I., Zavyalova O.O. Power and society in the second quarter of the 19th century: features of interaction *Historia provinciae — zhurnal regional'noy istorii* = Historia provinciae — journal of regional history, 2021,

no. 3. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-obschestvo-vo-vtoroy-chetverti-hih-veka-osobennosti-vzaimodeystviya> (In Russian).

Pavlov I.P. Complete works in 6 volumes, Moscow, 1951–1954, vol. 3, book 1, 392 p. (In Russian).

Pavlov I.P. Reflex of freedom, St. Petersburg, Piter, 2001, 432 p. (In Russian).

Shubin B.M. Doctor A.P. Chekhov, Moscow, 1979, 128 p. (In Russian).

Sudorgina I.S. Social and legal ideas of N.G. Chernyshevsky in the novel “What is to be done?”. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* = Legal policy and legal life, 2019, no. 4. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pravovye-idei-n-g-chernyshevskogo-v-romane-chto-delat> (In Russian).

Terekhova G.Kh. The Concept of “Freedom”. *Kontseptosfera A.P. Chekhova* = Concept Sphere of A.P. Chekhov, Rostov on Don, 2009, p. 283–299. (In Russian).

The Russian Medical Humanities: Past, Present and Future, Lexington Books, 2021, 214 p.

Voronin S.A. Biography of Ivan Petrovich Pavlov: A Tale, Moscow, 1989, 352 p. (In Russian).

List of Sources

Chekhov A.P. Complete Works and Letters, in 30 vols, Moscow, 1974–1983. (In Russian).

Dostoevsky F. M. Complete Works, vol. 4, Leningrad, 1972, 326 p. (In Russian).

Letter from the Museum-apartment of Academician I.P. Pavlov IF RAS no. 2115/001–885 dated 01.12.2022. Personal archive of the author. (In Russian).

Volkonskaya M.N. Notes of Princess M.N. Volkonskaya, Chita, 1960. 159 p. (In Russian).

РОЛЬ ПУШКИНСКОЙ ТРАДИЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА К.Г. ПАУСТОВСКОГО «ДЫМ ОТЕЧЕСТВА»

Ю.В. Маликова

Ключевые слова. А.С. Пушкин, К.Г. Паустовский, система персонажей, роман, традиция, мотив

Keywords: A.S. Pushkin, K.G. Paustovsky, character system, novel, tradition, motive

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–02](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–02)

Введение

Роман «Дым отечества» был написан Паустовским в 1944 году. По объективным причинам во время войны рукопись романа была потеряна, вследствие чего его публикация случилась лишь через 20 лет и была сопровождена следующим замечанием автора: *«Конечно, если бы мне пришлось писать роман на эту тему сейчас, я написал бы его по-иному — кругозор писателя с каждым прожитым годом становится шире, оттачивается и его литературное мастерство. Но я печатаю роман без значительных изменений, как одно из свидетельств эпохи, своего тогдашнего восприятия и понимания людей и событий»* (Константин Паустовский. Т. 2. Романы и повести. 1967. С. 308). Данный комментарий подчеркивает, что для Паустовского роман состоялся как целостное художественное произведение, явился отражением военной эпохи.

История публикации романа во многом спровоцировала полемику о нем. Так, в 2023 году вышла книга К. Трунина «Паустовский. Критика и анализ литературного наследия», в которой автор говорит о художественной несостоятельности романа, аргументируя свою мысль так: «Произведения не забываются, если им есть цена. О „Дыме отечества“ Паустовский забыл на двадцать лет» (Трунин, 2023, с. 55). Незадолго до этого в 2020 году на сайте журнала «Юность» была опубликована статья М. Бутова «Самый потерянный роман о войне. И обретенный», в которой автор указывает на один важный биографический факт: в 1962 году, до обнаружения потерянной рукописи, Паустовский издал книгу «Потерянные романы», в которую включил сохранившиеся фрагменты различных утраченных текстов, в том числе «Дыма отечества». Исходя из этого, называть роман забытым некорректно. Бо-

лее того, сам Паустовский в предисловии к «Потерянным романам» написал следующее:

«На протяжении своей довольно долгой и сложной писательской жизни я потерял всего только три романа. Я пишу „всего только три“ потому, что мог бы потерять и больше. Потерял я эти романы не потому, что небрежен и не ценю свой труд. Нет! Просто жизнь сложилась так беспокойно, что беречь рукописи стало делом неверным, а иной раз и невозможным.

Наше поколение пережило первую мировую войну, потом величайшую революцию, гражданскую войну, голод, непрерывные скитания и, наконец, последнюю войну, когда рукописи странствовали сами по себе, спасаясь от военных бедствий» (Константин Паустовский. Потерянные романы. 1962. С. 5).

Тот факт, что Паустовский опубликовал фрагмент романа до обнаружения его полной рукописи, говорит о его ценности для самого автора.

Тем не менее роман «Дым отечества» остается одним из самых малоизученных произведений Паустовского. В крупных диссертационных исследованиях роман упоминается лишь упоминания, что отчасти объясняется устоявшимся мифом о его художественном несовершенстве, сложившимся в результате более чем полувековой исследовательской практики. Как отмечала еще Л.С. Ачкасова: «Нет единства мнений о его [Паустовского] творчестве во время Великой Отечественной войны и в последние десятилетия. <...> Неоднократны были упреки в адрес „созерцательности“, „социальной пассивности“, „идейной инертности“ Паустовского, отошедшего якобы от больших проблем литературы и переключившего главное свое внимание на художественные миниатюры, на профессиональную технику» [Ачкасова, 1972, с. 29]. Иными словами, в литературоведческой среде «Дым отечества» не получил высокой оценки, что отражается в отсутствии полноценных научных исследований, посвященных ему. Появляющиеся в последние десятилетия работы содержат в себе наблюдения над отдельными аспектами поэтики романа [Девиатирова, 2011; Чувакин, 2016; Борисова, 2022]. Исходя из того факта, что роман до сих пор вызывает противоречивые оценки, его изучение представляется актуальным. Новизна данной статьи обосновывается тем, что попыток исследования поэтики романа в контексте классической русской культуры до сих пор не предпринималось.

Методология исследования

Цель работы — выявление художественного функционирования пушкинской традиции в организации системы персонажей романа —

побуждает нас обратиться к историко-литературному подходу. Методика анализа литературной традиции осуществляется нами с опорой на труды В.В. Мусатова «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века», Н.В. Налегач «Пушкинская традиция в лирике И. Анненского». Изучение произведения в рамках историко-литературного подхода сочетается с анализом поэтики, методика которого обнаруживается в трудах Ю.Н. Тынянова, В.М. Жирмунского, а также развито и продолжено представителями московско-тартуской структурно-семиотической школы, и представителями структурализма. Также важным применяемым нами в связи с выполнением исследования в рамках историко-литературной методологии является принцип контекстуального и сопоставительного анализов и комментирования конкретных эпизодов романа, соотносимых с историческими событиями и ситуациями, поскольку событийный план четко соотнесен с конкретно-историческим событием Великой Отечественной войны.

Результаты исследования

Приступая к анализу романа, следует в первую очередь обратить внимание на его заглавие. По утверждению многих исследователей, название художественного текста задает определенные координаты его прочтения. Заглавие «Дыма отечества» содержит отсылки сразу к нескольким поэтическим текстам и является крылатой фразой, распространившейся на территории Западной Европы, а также России [Васильев, Жаткин, 2019, с. 63]. Во-первых, цитата используется в стихотворении Г.Р. Державина «Арфа», заканчивающемся стихом: *«Отечества и дым нам сладок и приятен»* (Гавриил Державин. Сочинения. 1985. С. 202–203), который, в свою очередь, как указано в комментариях Я. Грота, является отсылкой к описанной в «Одиссее» Гомера ситуации невозможности героя попасть домой и его готовности погибнуть, лишь увидев родные места [Грот, 1865, с. 189–194]. Заглавие «Дым отечества» в данном случае символизирует родную землю, представляющую ценность для человека, лишенного возможности пребывать дома. Во-вторых, данная цитата появляется в «Горе от ума» А.С. Грибоедова, где становится частью реплики главного действующего лица пьесы — Чацкого: *Когда ж постранствуешь, воротисься домой, — И дым отечества нам сладок и приятен* (Александр Грибоедов. Горе от ума. 1963. С. 24).

Позднее цитата используется Тютчевым в стихотворении 1867 года: *«И дым отечества нам сладок и приятен!»* —

Так поэтически век прошлый говорит.

*А в наш — и сам талант всё ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит!* (Федор Тютчев. Т. 2. 2003. С. 173).

Данное стихотворение является откликом Тютчева на роман Тургенева «Дым», впервые опубликованный в 1867 году. В нем поэт, безусловно, признает талант Тургенева, но обращает внимание на то, что в романе автор неоправданно критикует Россию. Как отмечает И.А. Семухина, в тургеньевском «Дыме», «характеризуя атмосферу пореформенного общества и внутреннее состояние героя, мотив дыма открыт связям с большинством составляющих мотивной структуры романа: с мотивами театральности (через мотивный вариант „мнимости“, „фальши“), с мотивами рулетки (посредством образов повторяемости, случайности, вращения), с мотивами хаоса („смесь“, „спутанность“, „темнота“, „холод“, „пустота“, „кружение“) и т.д.» [Семухина, 2018, с. 31]. Учитывая данный комментарий, а также то, что описываемые в «Дыме отечества» события происходят в канун и во время Великой Отечественной войны, дым в заглавии романа Паустовского символизирует не только тепло домашнего очага, но огонь войны, охватившей отечество, наступление тревожных времен хаоса и неразберихи, разрыв с прошлым, представляющим ценность [Голованевский, 2018, с. 22–28].

Обращая внимание на актуализацию темы войны, а также на устоявшееся в историографии наименование событий, роман может быть соотнесен с эпопеей Толстого «Война и мир», сюжет которой разворачивается вокруг Отечественной войны 1812 года, а также в значительной степени ориентирован на пушкинскую традицию в плане развития идеи противопоставления наполеоновского начала народному [Артамонова, 2021, с. 49–54]. Безусловно, масштабы изображаемого в произведениях несопоставимы¹, при этом их соотношение возможно благодаря сходству системы персонажей романов, в которых невозможно выделить одного главного героя. В случае с «Войной и миром», как отмечает Т.П. Шарыпова, используется термин «любимые герои»: в романе «нет деления на положительных и отрицательных, есть герои „любимые“ и „нелюбимые“, но причем „любимые“ иногда показаны нелицеприятно, автор испытывает их на человечность, на способность понять душу простого русского человека» [Шарыпова, 2021, с. 221]. В «Дыме отече-

¹ Данная ассоциация возникает и в упомянутой выше статье М. Бутова: «Роман Паустовского — своего рода „Война и мир“, но труба, конечно, пониже, дым пожиже, и масштаб замысла поскромнее» (Михаил Бутов. Самый потерянный роман о войне. И обретенный. 13 октября 2020 г.).

ства» в центре внимания оказываются сразу несколько героев: пушкинист Швейцер, актриса Татьяна Андреевна, а также художники Вермель и Пахомов. Все они в романе имеют равное значение, объединены в первую очередь мотивами одаренности и приобщения к русской культуре, а также проверяются испытаниями, спровоцированными войной. Ключевым символом культуры в романе становится Пушкин².

Как отмечает Л.А. Карпушкина: «Образ Пушкина к концу XIX века практически стал играть роль архетипического в русской культуре. В литературе он образовал постоянный фонд мотивов и сюжетов, который пополняется и творчески перерабатывается писателями» [Карпушкина, 2000, с. 32]. Данный архетип представляет собой концентрацию черт и признаков истинного писателя, которыми, по мнению многих, обладал Пушкин. Л.Ф. Киселева обращает внимание, что в советской литературе XX века обращение к Пушкину стало особенно остро чувствоваться к концу 1930-х годов. Это во многом было связано со 100-летней годовщиной гибели поэта, «павшей на сложнейший, можно сказать, антипушкинский период острейшей дисгармонии в самой действительности» [Киселева, 1999, с. 7]. Пушкин в этом смысле воспринимался как эталон писателя, символ гармонии: «У каждого и для каждого из писателей той поры, уже заметно становящихся классиками нового времени, Пушкин выступал в качестве своего рода „прояснителя“ и „вожатого“» [Киселева, 1999, с. 7]. В романе «Дым отечества» изображается судьба героев, переживающих испытания, вызванные войной, нуждающихся в своеобразной путеводной звезде, которой и становится Пушкин.

Как отмечает Р.Г. Круглов: «Закономерно, что при изучении пушкинской традиции в поле внимания исследователей попадает, прежде всего, пушкинский текст в его буквальных проявлениях — номинальных отсылках, явных реминисценциях и цитатах» [Круглов, 2024, с. 2733]. В романе «Дым отечества» образ поэта возникает уже с появлением одного из центральных персонажей — пушкиниста Швейцера. Герой всю жизнь занимается исследованием биографии и творчества классика, при этом осознание и реализация его подлинного жизненного предназначения случается только после решения покинуть стены кабинета и отправиться в Михайловское: *«Бессмысленный я человек, — думал Швейцер. — Зарылся в архивную пыль и прозевал жизнь. Теперь*

² У Паустовского пушкинской теме посвящены также очерк «Михайловские рощи» (1935), повесть об искусстве «Золотая роза» (глава «Молния»), статьи «Пушкин на театральных подмостках» (1969), «Наш Пушкин», пьеса «Наш современник».

не наверстаешь. И о Пушкине надо было писать не по чужим книгам, а хотя бы по ощущению этой зимы»³ (Константин Паустовский. Т. 2. 1967. С. 333). Самым серьезным испытанием в судьбе Швейцера становится Великая Отечественная война, которая побуждает его к решительным действиям и заставляет остаться в Михайловском для охраны музейных ценностей, несмотря на угрозу смерти: *«Швейцер решил, что останется в Михайловском, сделает все, что в его силах, чтобы спасти пушкинский музей, уйдет отсюда последним. Эти мысли были еще не очень ясными, но главное он уже решил: он должен спасти от разрушения эти милые каждому русскому сердцу места, охранять могилу Пушкина»* (с. 463). Через преодоление этого испытания Швейцер обретает истинное предназначение, осознавая своей жизненной целью сохранение наследия Пушкина. В связи с ощущением катастрофичности времени появляется мотив возможной гибели культуры, источником которой становятся гитлеровские захватчики. Осознавая значимость фигуры Пушкина, Гитлер, по слухам, планирует собственноручно разрушить его могилу, нанеся тем самым русскому народу серьезный моральный удар. Вероятно, вводя данный эпизод в сюжет романа, Паустовский опирался на исторический факт, описанный в газете «Правда»: *«Злодеяния немецких извергов на могиле Пушкина» (первая половина): «Оккупанты хорошо знали, что, войдя в Пушкинские Горы, бойцы и офицеры Красной Армии прежде всего посетят могилу поэта, и потому немцы превратили её в западню для патриотов. На территории монастыря и близлежащей местности обнаружено и извлечено советскими саперами подразделений Смирнова и Сачкевиуса до трех тысяч мин»* (Правда. № 208/9665. 30 августа 1944 года). Благодаря возможности видеть, каким образом о событиях, связанных с разорением могилы Пушкина, писали в прессе тех лет, становится понятно, что в тяжелый для страны период поэт оставался национальным героем, символом патриотизма. Попытка же врагов уничтожить памятник культуры и народное стремление сохранить его в целостности говорят о его глобальной значимости для народа.

Еще одной героиней, безусловно, имеющей большое значение в системе персонажей романа, является актриса Татьяна Андреевна Боброва. Ее характер формировался под воздействием прочитанных книг: *«Тургенев рассказал ей о Лизе Калитиной, Лермонтов — о черкешенке*

³ Здесь и далее цитаты из романа «Дым отечества» приводятся по источнику: Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Романы и повести. М.: Издательство «Художественная литература», 1967.

Бэле, Флобер — о госпоже Бовари, Петрарка — о Лауре. Но разве она, застенчивая девочка, могла быть в жизни такой, как эти женщины! Разве о ней мог написать рассказ Лермонтов или грустить Флобер! Только в театре, на подмостках, в разноцветных огнях, она могла бы сделаться одной из этих полных силы и изящества, любящих и страдающих женщин» (с. 320). Показательно также, что имя героини объединяет ее с одной из любимых героинь Пушкина, Татьяной Лариной, чему особенно способствует мотив чтения, актуализируемый в обоих романах. Так же, как и пушкинская героиня, полюбившая Евгения под воздействием прочитанных книг, Татьяна Андреевна склонна растворяться в мире литературы, что подтверждается упреком ее подруги: «Ты, дочь моя, — сказала она басом, — книги читай, а живи не по книгам. Фантазии брось!» (с. 320). Своей дочери героиня признается в юношеской любви к Пушкину:

Татьяна Андреевна нащупала на перилах вырезанные буквы «Т» и «А» и усмехнулась.

— *Какая я была глупая, Маша, — сказала она. — Изрезала всю беседку. Эти буквы вырезала, когда мне было пятнадцать лет.*

— *А что они значат?*

— *«Т» — это Татьяна, «А» — это Александр. Имя Пушкина.*

— *Зачем же ты его вырезала?*

— *Любила. И ты когда-нибудь полюбишь* (с. 324).

Любовь к человеку, которого Татьяна Андреевна не могла видеть и знать лично, но была знакома через творческое наследие и воспоминания современников, подчеркивает ее отношение к выдуманному миру литературы как к чему-то более реальному, чем ее жизнь, видимая и осязаемая. История замужества героини говорит о ее искреннем стремлении разглядеть в человеке нечто особенное, о готовности порой выдумать черты характера, не присущие ему в реальности: «Уже через год Татьяна Андреевна смотрела на мужа с недоумением и не могла понять, как это случилось, что она вышла за него замуж. Ей казалось, что раньше он был совсем другим — внимательным, умным, веселым. Неужели все это оказалось притворством?» (с. 321). Нечто похожее происходило и с Татьяной Лариной: «Татьяна думала, что нашла свою вторую половину, и прониклась глубокой любовью к Онегину» [Жэнь Сытун, 2024, с. 447]. Однако развязка романа говорит о переживании пушкинской героиней глубокого разочарования вследствие самообмана.

Связь с Пушкиным в жизни Татьяны Андреевны обнаруживается также в ее родственной связи с Каролиной Сабанской, красавицей

полькой, в которую в период южной ссылки были влюблены Пушкин и А. Мицкевич. Сходство обнаруживается во внешности женщин, а также в их характерах: *«Говорят, что Сабанская была эксцентричная женщина, настоящая авантюристка»* (с. 359). Красивая и обаятельная Татьяна Андреевна привлекает к себе внимание мужчин так же, как и ее дальняя родственница. В героиню влюблены художник Пахомов и молодой испанец Рамон Перейро. Швейцер, подробно знающий биографию многих близких Пушкину людей, сообщает Татьяне Андреевне, что она является также дальней родственницей Бальзака: *«позвольте вам сообщить, что у Каролины Сабанской была сестра, графиня Ганская. После смерти своего первого мужа она вышла замуж за Бальзака!»* (с. 360). Глубокая связь с миром литературы в совокупности с актерской деятельностью сделала Татьяну Андреевну укорененной в пространстве мировой культуры.

События Великой Отечественной войны, как и в случае со Швейцером, раскрыли в Татьяне Андреевне ее лучшие стороны. Во время блокады Ленинграда героиня остается в городе и продолжает работать в театре, поддерживая тем самым боевой дух его жителей. Показательно, что в самые тяжелые моменты блокады вновь актуализируется творчество Пушкина: *«Как только Татьяна Андреевна произносила первые слова „Роняет лес багряный свой убор...“, наступала мертвая тишина. В этой тишине переливались звоном бессмертные слова: „Куда бы нас ни бросила судьбина и счастие куда б ни повело, всё те же мы: нам целый мир чужбина; отечество нам Царское Село”»* (с. 485). Стихи действуют на слушателей оживляюще, вновь подчеркивая важность искусства для народа. Неслучайно и то, что отечеством в данном стихотворении Пушкина называется Царское Село, место, в котором свои лицейские годы провел великий русский поэт, где формировалась его личность. Как отмечает А.Ю. Арьев, Царское Село было местом притяжения для таких поэтов, как Тютчев, Ахматова, Анненский, Цветаева, Мандельштам и многих других, оно явилось колыбелью русской поэзии: *«Таким это „отечество“ и осталось в русской литературе — загадочным символом нашей лирической и призрачной земли обетованной»* [Арьев, 1999, с. 220]. Русская литература и культура в целом, Пушкин как личность, несущая в себе народный дух, — это то, что символизирует Россию, ее лучшие традиции, а также то, что способно спасти страну от гибели.

Оживляющая сила искусства видна в момент, когда замерзающий и буквально погибающий в блокадном Ленинграде Швейцер выживает благодаря организованной Татьяной Андреевной лекции для ра-

ботников театра, необходимой в связи с постановкой в театре «Войны и мира»:

— Семен Львович, — внятно сказал высокий человек, — я режиссер драматического театра. Вы слышите меня? Мы ставим «Войну и мир» Толстого. Вы — единственный оставшийся в Ленинграде знаток Толстого и Пушкина. И вот я пришел к вам за помощью (с. 511).

С одной стороны, герой понимает, что в нем как в специалисте в области литературоведения есть нужда даже в самые страшные и холодные времена. С другой стороны, прикосновение к культуре через чтение лекции буквально растапливает заledenевшее на время сердце Швейцера, и это же согревает всех присутствующих: «Он говорил о будущем, о том, что оно не может не быть прекрасным, об искусстве, о жажде счастья, свойственной человеческому сердцу, о грозном времени, ставшем уделом нашего поколения, о приближении полной социальнойсправедливости, о величии культуры — самом гениальном, что создано человеком на протяжении многих веков» (с. 545).

Важной составляющей системы персонажей романа являются художники Вермель и Пахомов. Так же, как и Швейцер и Татьяна Андреевна, герои непосредственно связаны с миром искусства. В Новгород они приезжают для того, чтобы изучить фрески Феофана Грека и других древних живописцев. Здесь же происходит знакомство художников с Татьяной Андреевной. Вермель, как представитель старшего поколения, придерживается мнения о том, что созданию произведений искусства необходимо уделять большое количество времени, полагаясь при этом на опыт и знания предшественников, что противоречит мнению его ученика Пахомова, который привык полагаться на чувства и вдохновение: «Придирчивый, всем недовольный, он [Вермель] мирился только с Пахомовым, но все же не пропускал случая, чтобы не сказать, что Пахомов лентяй, мечтатель и, откровенно говоря, у него нет настоящего отношения к искусству. Вермель считал, что оно заключается в постоянном недовольстве своей работой, в спорах из-за каждой линии и каждого мазка. Пахомов же думал, что искусство начинается там, где исчезает напряжение» (с. 311). При этом Вермель является обладателем взрывного характера, он эмоционален и категоричен в своих высказываниях. Жена Швейцера, Серафима Максимовна, недолюбливает Вермеля за его прямолинейность, называя его «фантазером» из-за его авантюризма: «Люблю цыганскую жизнь! — воскликнул Вермель. — Люблю болтаться по России!» (К.Г. Паустовский. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. 1967. С. 339). Она не одобряет тот факт, что в Михайловское Швейцера приглашает именно Вермель. Художник же, отвечая на по-

добное отношение к себе, приводит в пример Пушкина как образец творческой личности: *«Зачем же Швейцер занимается жизнью этого кипучего, беспечно, склонного к мальчишеству поэта, если не считает, что эти свойства Пушкина заслуживают подражания?»* (с. 332).

Пахомов эмоционален и чувствителен, но, в отличие от Вермеля, любит тишину и спокойствие. Его матерью была обрусевшая гречанка, дочь одесского контрабандиста, любившая разгульную и отчаянную жизнь. Она, по мнению самого Пахомова, лишила его детства: *«Каж-дый раз, когда Пахомов слышал слова „у него не было детства“, он вспоминал о себе. Детства у него действительно не было... Что осталось в памяти? Пышные холодные комнаты, развешанные на стенах поучительные изречения»* (с. 312). Непростое детство оказало на Пахомова влияние, но сделало его добрым, открытым и сопереживающим человеком. То, как он воспринимает действительность, дает право называть его взгляд на жизнь поэтическим: *«Да так... Все кажется, что стоит крикнуть — и эта ночь сразу превратится в глыбу черного льда. И мы окажемся внутри ледяной глыбы»* (с. 358). Неслучайно именно Пахомова полюбила Татьяна Андреевна, увидевшая в нем образ, напоминающий Пушкина.

Внезапно начавшаяся война оказывает на художников большое влияние, испытывая их. Вермель, узнав о наступлении врага, восклицает: *«Конечно, Миша! Теперь нам осталось только драться. И не оглядываться назад. И ни о чем не жалеть. Не жалеть! — крикнул Вермель. — А когда окончится война, мы соберем все, что осталось»* (с. 446). Подобно тому, как Швейцер остается в Михайловском, чтобы спасти музей Пушкина, Вермель оправляется в Новгород, чтобы сохранить культурные ценности, находящиеся там. Там же он спасает дочь Татьяны Андреевны, Машу, вступив в бой с немецким солдатом. Его слова о стремлении сохранить русскую культуру в веках превращаются в реальные действия. Пахомов, узнав о начале войны, сразу собирается в военкомат: *«Мое место там, среди миллионов бойцов»* (с. 446). Его готовность riskнуть жизнью ради многочисленных незнакомых ему соотечественников говорит о храбрости героя, его способности на деле доказать слова о любви к родине.

Заключение

В системе персонажей романа выделяются как персонажи, ориентирующиеся на Пушкина, так и противостоящие ему. К первому типу относятся все главные герои — Швейцер, Татьяна Андреевна, Вермель, Пахомов, объединенные помимо этого своей связью с творческой де-

тельностью и способностью к созиданию нового. Героями противоположного типа становятся гитлеровские захватчики, основной функцией которых является разрушение русской национальной культуры. Сюжет романа постепенно раскрывает процесс преодоления героями сложнейших испытаний войны, показывает развитие их характеров и то, как они осознают свое предназначение, заключающееся в восстановлении культурного богатства страны, разрушенного врагом. Показательно, что в завершении романа Вермель произносит речь о будущей жизни: *«Мы восстановим всё. Всё! Снова будет жить под этим небом нетленная красота. <...> Я хочу увидеть вековые парки там, где они были, на месте теперешних порубок и пожарищ. А для этого нужно не меньше ста лет. Я хочу войти в их „священный сумрак“, — простите меня, что я не нахожу других слов и повторяю слова Пушкина. Я хочу увидеть их зеленые громады, освещённые солнцем. Тогда я смогу спокойно умереть, зная, что жизнь чертовски хороша!»* (с. 558). Образ Пушкина, вновь возникающий в размышлениях о будущем, говорит о вневременной ценности поэта как символа национальной культуры.

Актуализация образа Пушкина в судьбе каждого из четырех главных героев романа является важнейшим элементом их характеристики. Татьяна Андреевна, любящая, как Татьяна Ларина, мир литературы, переносит испытания блокадного Ленинграда, читая стихи Пушкина, и поддерживает тем самым множество соотечественников. Ее выбор в пользу Пахомова подчеркивает ее тягу к поэтической личности, образцом которой для героини является Пушкин. Для Вермеля поэт становится примером творческой личности, живой и деятельной. Пахомов видит в Пушкине образец гражданина, восстающего против врага на защиту отечества. Для Швейцера поэт является фигурой, определяющей его жизненный путь и становящейся причиной его главного подвига. Любовь к Пушкину подчеркивает творческое начало личности каждого героя, определяет их преданность родной культуре, пробуждает храбрость и стойкой перед лицом трагической опасности.

Благодаря обращению к пушкинской традиции в романе возникают мотивы любви к родине, верности искусству, готовности к подвигам, мотив дружбы, выражающийся в отношениях главных героев, вновь и вновь встречающихся и спасающих друг друга, несмотря на смертельную опасность. Отношение героев к творчеству как к силе, способной сохранить жизнь целой нации даже перед лицом катастрофической опасности, актуализирует один из ведущих мотивов лирики Пушкина — мотив поэтического бессмертия [Налегач, 2017, с. 135], наиболее ёмко запечатленный в стихах:

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит*

(Александр Пушкин. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. 1959. С. 460).

Библиографический список

Артамонова И.В. «Мы почитаем всех нулями, а единицами — себя» (к вопросу о Пушкинской традиции в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого) // Пушкинские чтения: сб. науч. ст. по итогам Международной научно-практической конференции. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. С. 49–54.

Арьев А.Ю. «Великолепный мрак чужого сада». Царское Село в русской поэтической традиции и «Царскосельская ода» Ахматовой // Звезда. 1999. № 6. С. 220–238.

Ачкасова Л.С. Гуманизм в творчестве К. Паустовского. Казань: Издательство Казанского университета, 1972. 202 с.

Борисова Д.М. Мотив грозы в творчестве К.Г. Паустовского // Вопросы культурологии. 2022. № 8. С. 655–659. DOI: 10.33920/nik-01-2208-06

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Метафора *дым отечества* в прошлом и настоящем: литературные истоки, семантика, речевые функции // Русская речь. 2019. № 3. С. 60–72. <https://doi.org/10.31857/S013161170005211-1>.

Голованевский А.Л. Дым в прозе И.С. Тургенева и поэзии Ф.И. Тютчева // Русская речь. 2018. № 6. С. 22–28. <https://doi.org/10.31857/S013161170003002-1>.

Грот Я.К. Примечания. Державин Г.Р. Сочинения: в 9 т. с объяснительными примечаниями Я.К. Грота. СПб.: Типография императорской Академии наук (1864–1883).

Деятярова О.Я. Нравственные искания героев романа К.Г. Паустовского «Дым отечества» // Актуальные вопросы филологических наук: мат-лы Междунар. науч. конф. Чита, 20–23 ноября 2011 года. Чита, 2011. С. 47–49.

Жэнь Сытун. Сравнительное исследование образов Анны Карениной и Татьяны Лариной в аспекте «беглых» женщин в русской литературе XIX века // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 445–447.

Карпушкина Л.А. Образ А.С. Пушкина в русской литературе конца XIX — начала XX века и проблема литературной рецепции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 152 с.

Киселева Л.Ф. Пушкин в мире русской прозы XX века. М.: Наследие, 1999. 362 с.

Круглов Р.Г. Пушкинская традиция, пушкинский миф и пушкинский текст в русской поэзии второй половины XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 8. С. 2728–2734.

Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М.: Издательский центр РГГУ, 1998. 483 с.

Налегач Н.В. Творческое преломление пушкинского мотива поэтического бессмертия в диалогической «поэтике отражений» И. Анненского // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 134–145.

Налегач Н.В. Пушкинская традиция в лирике И. Анненского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 22 с.

Пога Д.С. Система персонажей как способ выражения авторской позиции в повести В. Токаревой «Всё нормально, всё хорошо...» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 1 (80). С. 55–64. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2024.1.055>.

Семухина И.А. «...Словно в рулетку проигрался»: мотивно-тематический комплекс азартной игры в романе И.С. Тургенева «Дым» // Филологический класс. 2018. № 1 (51). С. 25–32. <https://doi.org/10.26710/fk18-01-04>.

Скороходов М.В. К.Г. Паустовский — читатель: к вопросу о круге чтения и библиотеках писателя и героев его произведений // Русская словесность. 2023. № 3. С. 55–62. https://doi.org/10.47639/0868-9539_2023_3_55.

Трунин К. Паустовский. Критика и анализ литературного наследия. Ridero. 2023. 150 с.

Федорова Е.А. Пушкинское слово в произведениях Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова как способ характеристики героя. Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11 № 2. С. 47–57.

Чувакин А.А. Концепт АЛТАЙ в художественной прозе К.Г. Паустовского // Филология и человек. 2016. № 2. С. 11–20.

Шарыпова Т.П. Работа над анализом романа «Война и мир» Л.Н. Толстого с целью рассмотрения эпохи и исторических личностей на занятиях по литературе со студентами первого курса факультета непрерывного образования // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 2. С. 219–223. <https://doi.org/10.17513/snt.38522>.

Источники

Грибоедов А.С. Горе от ума. М.: Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1963. 190 с.

Державин Г.Р. Сочинения. М.: «Правда», 1985. 578 с.

Злодеяния немецких извергов на могиле Пушкина. М.: «Правда». № 208 (9665). 30 августа 1944 г.

Михаил Бутов. Самый потерянный роман о войне. И обретенный. 13 октября 2020. Электронный ресурс <https://unost.org/authors/mihail-butov/samyj-poteryannyj-roman-o-vojne-i-obretennyj/>

Паустовский К. Г. Потерянные романы. Калуга: Калужское книжное издательство, 1962. 259 с.

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т 2. Романы и повести. М.: Художественная литература, 1967. 559 с.

Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. М.: ГИХЛ, 1959. 799 с.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. М.: Издательский центр «Классика», 2003. Т. 2. Стихотворения, 1850–1873. 657 с.

References

Artamonova I.V. "We honor everyone with zeros, and ourselves with ones" (on the issue of Pushkin's tradition in the novel "War and Peace" by Leo Tolstoy). *Pushkinskiye chteniya* = Pushkin Readings, Moscow, 2021, pp. 49–54. (In Russian).

Aryev A.Y. "The magnificent darkness of someone else's garden". *Tsarskoye Selo in the Russian poetic tradition and Akhmatova's "Tsarskoye Selo Ode"*. *Zvezda* = Zvezda, 1999, no. 6, pp. 220–238. (In Russian).

Achkasova L.S. Humanism in the works of K. Paustovsky, Kazan, 1972, 202 p. (In Russian).

Borisova D.M. The motif of a thunderstorm in the work of K.G. Paustovsky. *Voprosy kulturologii* = Questions of cultural studies, 2022, no. 8, pp. 655–659. (In Russian).

Vasiliev N.L., Zhatkin D.N. The metaphor of the smoke of the Fatherland in the past and present: literary origins, semantics, speech functions. *Russkaya rech'* = Russian Speech, 2019, pp. 60–72. (In Russian).

Golovanevsky A.L. Smoke in the prose of I.S. Turgenev and the poetry of F.I. Tyutchev. *Russkaya rech'* = Russian Speech, 2018, no. 6, pp. 22–28. (In Russian).

Grot Ya.K. Notes. Derzhavin G. R. Essays, St. Petersburg, 1864–1883. (In Russian).

Devyatyarova O.Ya. The moral quest of the heroes of K. G. Paustovsky's novel "The Smoke of the Fatherland". *Aktual'nyye vo-prosy filologicheskikh nauk* = Actual issues of philological sciences, Chita, 2011, pp. 47–49. (In Russian).

Ren Sytong. A comparative study of the images of Anna Karenina and Tatiana Larina in the aspect of "runaway" women in Russian literature of the 19th century. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = *The World of Science, Culture, and Education*, 2024, no. 3(106), pp. 445–447. (In Russian).

Karpushkina L.A. The image of A. S. Pushkin in Russian literature of the late XIX–early XX centuries and the problem of literary reception. Thesis of Cand. Philol. Diss., Moscow, 2000, 152 p. (In Russian).

Kiselyova L.F. Pushkin in the world of Russian prose of the XX century, Moscow, 1999, 362 p. (In Russian)

Kruglov R.G. Pushkin's tradition, Pushkin's myth and Pushkin's text in Russian poetry of the second half of the twentieth century. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Questions of theory and practice of Philology, 2024, vol. 17, iss. 8, pp. 2728–2734 (In Russian).

Musatov V.V. Pushkin tradition in Russian poetry of the first half of the 20th century, Moscow, 1998, 483 p. (In Russian).

Nalegach N.V. The creative refraction of Pushkin's motif of poetic immortality in the dialogic "poetics of reflections" by I. Annensky. *Kritika i semiotika* = Criticism and Semiotics, 2017, no. 2. (In Russian).

Nalegach N.V. Pushkin's tradition in the lyrics of I. Annensky. Abstract of Philol. Cand. Diss., Tomsk, 2000, 22 p. (In Russian).

Poga D.S. The character system as a way of expressing the author's position in V. Tokareva's novel "everything is fine, everything is fine...". *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tver State University, 2024, no. 1(80), pp. 55–64. (In Russian).

Semukhina I.A. "... As if I had lost at roulette": the motive-thematic complex of gambling in I.S. Turgenev's novel "Smoke". *Filologicheskii klass* = Philological class, 2018, no. 1(51), pp. 25–32. (In Russian).

Skorokhodov M.V. K.G. Paustovsky — the reader: on the question of the circle of reading and libraries of the writer and the heroes of his works. *Russkaya slovesnost'* = Russian Literature, 2023, no. 3, pp. 55–62. (In Russian)

Fedorova E. A. Pushkin's word in the works of F.M. Dostoevsky and V.V. Nabokov as a way of characterization of the hero. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* = Word.url: Baltic accent, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 47–57. (In Russian).

Chuvakin A.A. The concept of Altai in the fiction of K.G. Paustovsky. *Filologiya i chelovek* = Philology&Human, 2016, no. 2, pp. 11–20. (In Russian).

Sharypova T.P. Work on the analysis of the novel "War and Peace" by Leo Tolstoy in order to consider the epoch and historical figures in literature classes with first-year students of the Faculty of Continuing Education. *Sovremennyye naukoymkiye tekhnologii* = Modern High-tech Technologies, 2021, no. 2, pp. 219–223. (In Russian).

List of Sources

- Griboyedov A.S. Woe from wit. Moscow, 1963, 190 p. (In Russian).
- Derzhavin G.R. Essays, Moscow, 1985, 578 p. (In Russian).
- Mikhail Butov. The Most Lost Novel About War. And Found. October 13, 2020. Retrieved from: <https://unost.org/authors/mihail-butov/samyj-poteryannyj-roman-o-vojne-i-obretennyj>. (In Russian).
- The atrocities of the German monsters on Pushkin's grave, *Pravda*, no. 208 (9665), August 30, 1944. (In Russian).
- Paustovsky K.G. Lost novels, Kaluga, 1962, 259 p. (In Russian)
- Paustovsky K.G. Collected works in eight volumes, vol. 2 two. Novels and novellas. Publishing house "Fiction", 1967, 559 p. (In Russian).
- Pushkin A. S. Collected Works, vol. 2. Poems 1823–1836, Moscow, 1959, 799 p. (In Russian).
- Trunin K. Paustovsky. Criticism and analysis of literary heritage, Moscow, 2023. (In Russian).
- Tyutchev F.I. Complete works and letters, Moscow, 2003, vol. 2. 657 p. (In Russian).

ШОЛОХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЖОУ ЛИБО

Цзе Лин

Ключевые слова: генетические связи, типологические связи, Михаил Шолохов, Чжоу Либо, «Большие перемены в горной деревне», «Ураган», «Поднятая целина», коллективизация, межкультурная трансформация

Keywords: genetic connections, typological connections, Mikhail Sholokhov, Zhou Libo, "Big Changes in a Mountain Village", "Hurricane", "Virgin Soil Upturned", collectivization, intercultural transformation

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3-03)

Введение
В XX веке литературный диалог между СССР и Китаем стал важным каналом культурного обмена, где творчество Михаила Шолохова заняло ключевое место. Его романы, сочетающие эпический размах с глубоким психологизмом, оказали значительное влияние на китайских писателей, стремившихся осмыслить процессы социалистических преобразований. Среди них выделяется Чжоу Либо, чьи произведения «Ураган» (暴风骤雨) и «Большие перемены в горном селе» (山乡巨变) демонстрируют творческое переосмысление шолоховских традиций в контексте китайской аграрной реформы. Изучение этого влияния представляется особенно важным, так как позволяет проследить, как идеи и образы, возникшие в одной культуре, находят свое отражение и преломление в другой, обогащая мировую литературу новыми смыслами. Целью исследования является выявление конкретных механизмов межкультурной трансформации, позволивших Чжоу Либо адаптировать художественные методы Шолохова к национальному контексту, сохраняя при этом основные принципы идеологической направленности соцреализма.

В рамках достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

Определить основные тематические и мотивные параллели между произведениями Шолохова и Чжоу Либо.

Проанализировать трансформацию шолоховских архетипов и нарративных стратегий в романах Чжоу Либо.

Выявить роль исторического и культурного контекста в процессе адаптации шолоховского наследия.

Оценить вклад Чжоу Либо в развитие китайской литературы и его место в контексте мирового литературного процесса.

Методы и материалы исследования

В качестве теоретической основы исследования используются труды ведущих специалистов в области сравнительного литературоведения, таких как А.Н. Веселовский, разработавший теорию «исторической поэтики» [Веселовский, 1940], и В.М. Жирмунский [Жирмунский, 1979], предложивший типологический подход к изучению межлитературных связей. Особое внимание уделяется концепциям «культурной трансмиссии» и «литературного влияния», позволяющим проследить процесс адаптации и трансформации художественных элементов в инокультурной среде. Выбор этих теоретических подходов неслучаен, так как именно они позволяют наиболее полно раскрыть сложное взаимодействие между творчеством Шолохова и Чжоу Либо, учитывая как общие закономерности литературного развития, так и уникальные особенности каждой культуры.

Основным материалом исследования являются романы М.А. Шолохова «Поднятая целина» и Чжоу Либо «Большие перемены в горной деревне» и «Ураган». Для анализа привлекаются также критические статьи и литературоведческие исследования, посвященные творчеству Шолохова и Чжоу Либо, а также работы по истории китайской и советской литературы. Эти произведения были выбраны потому, что они наиболее ярко демонстрируют влияние Шолохова на Чжоу Либо, позволяя проследить, как шолоховские мотивы и образы переосмысливаются в китайском контексте.

В процессе исследования применяются следующие методы:

Сравнительно-типологический анализ — сопоставление мотивов (например, «убийство — отчуждение», «жертва — возрождение») в «Поднятой целине» и «Больших переменах в горной деревне».

Интертекстуальный анализ — выявление аллюзий на шолоховские сцены (забой скота и вырубка священных рощ).

Историко-культурный метод — изучение влияния конфуцианской этики и политики КПК на нарративные стратегии Чжоу Либо.

Биографический подход — учет переводческой деятельности Чжоу Либо и его идеологических установок.

Материал исследования — художественные тексты: М.А. Шолохова («Поднятая целина», 1932); Чжоу Либо («Ураган», 1948; «Боль-

шие перемены в горной деревне», 1958), а также критические работы: А.Н. Веселовского («Историческая поэтика», 1989); В.М. Жирмунского («Сравнительное литературоведение», 1979); Лю Сяньвэня («Шолохов в Китае», 2014).

Результаты исследования

Чжоу Либо является одним из ключевых представителей китайской литературы, испытавших влияние М.А. Шолохова. Его вклад не ограничивается переводом первой части «Поднятой целины» и очерка И.Г. Лежнева, популяризовавших советского писателя в Китае. Чжоу Либо активно адаптировал творческий метод Шолохова, интегрируя его в свою художественную практику и развивая его эстетические принципы в новом культурном контексте.

Романы Чжоу Либо, такие как «Ураган» и «Большие перемены в горной деревне», несут отпечаток художественного стиля М.А. Шолохова. В. Рудман отмечала влияние перевода «Поднятой целины» на творчество Чжоу Либо [Рудман, 1983, с. 361]. Сам Чжоу Либо признавался: «Мы воспринимаем советскую литературу как нашего лучшего учителя» [Чжоу Либо, 1949, с. 2], и с теплотой отзывался о Шолохове: «Когда я читал эту книгу и переводил её, меня постоянно согревала её тёплая и гармоничная улыбка» [李光华, 1983. С. 58].

Перевод «Поднятой целины» познакомил китайских читателей с исторической панорамой коллективизации в СССР и повлиял на создание Чжоу Либо крупномасштабной эпопеи о земельной реформе в Китае. По словам Чжоу Либо, именно творческий дух Шолохова, «шагавшего в ногу со временем, отражавшего веяния эпохи» [马伟业, 1992, с. 113], вдохновил его на создание произведений, закрепивших его место в истории современной китайской литературы.

Сравнительное литературоведческое исследование произведений Чжоу Либо и Михаила Шолохова выявляет общность в тематике аграрных преобразований. Сравнительный экономический анализ казачьего колхоза в «Поднятой целине» и сельскохозяйственного производственного кооператива в «Больших переменах в горной деревне» демонстрирует, что обе формы хозяйствования, несмотря на различия, способствовали увеличению производства и повышению уровня жизни крестьян. Однако важно отметить, что Чжоу Либо, в отличие от Шолохова, делает больший акцент на добровольном участии и инициативе крестьян, что отражает особенности китайской политики в период земельной реформы.

Рассмотрение этического аспекта осуществляется через анализ конфликта поколений, нашедшего отражение в образах Семена Давыдова и Майданникова, а также Дэн Сяньцзиня и Чэнь Сяньцзиня. Представим этот анализ в виде таблицы 1¹.

Таблица 1

**Тематическая матрица сравнения романов
М. Шолохова и Чжоу Либо**

Аспект анализа	«Поднятая целина» (Михаил Шолохов)	«Большие перемены в горной деревне» (Чжоу Либо)
Конфликт поколений	Семен Давыдов и Кондрат Майданников. Давыдов олицетворяет новый порядок	Дэн Сяньцзинь и Чэнь Сяньцзинь. Конфликт между модернизацией и традиционными ценностями
Деконструкция патриархата	Коллективизация разрушает казачий уклад. Майданников теряет авторитет	Традиционные иерархии подрываются реформами. Чэнь Сяньцзинь лишается влияния
Ритуализованные практики	Соцсоревнования. Собрания с «разоблачениями». Идеологические кампании	Критико-самокритичные собрания. Продвижение идеи «общего блага»
Интеграция индивида в коллектив	Давыдов использует давление коллектива для подавления сопротивления	Дэн Сяньцзинь продвигает идею «общего блага», переформируя личные интересы
Этический парадокс	Насилие во имя «светлого будущего»	Конфликт между гуманизмом и революционной необходимостью

Представленный сравнительный анализ этических аспектов и конфликта поколений в романах «Поднятая целина» М.А. Шолохова и «Большие перемены в горной деревне» Чжоу Либо демонстрирует преемственность шолоховской традиции в творчестве китайского писателя. Она выражается в общности тематики аграрных преобразований, сходстве архетипов персонажей, отражающих столкновение старого и нового мира, и в использовании схожих нарративных стратегий для изображения социалистических преобразований. Однако Чжоу Либо не просто копирует шолоховские приемы. Под влиянием китайской идеологии и культурных особенностей он трансформирует эту традицию: смягчает трагизм, избегает откровенного насилия и акцен-

¹ Данные для этой и следующих таблиц взяты из монографии: 刘祥文. 《肖洛霍夫在中国》. 北京: 中国社会科学出版社, 2014年. 第165页. (Лю Сяньвэнь. М.А. Шолохов в Китае / Пер. с кит. Пекин: Изд-во «Социальные науки Китая», 2014. 165 с.).

тирует позитивные аспекты реформ, создавая собственный, адаптированный к китайским реалиям художественный мир.

Творческое взаимодействие Шолохова и Чжоу Либо определялось не только историческим контекстом и рецепцией шолоховского творчества в Китае, но и глубинными особенностями творческой психологии обоих писателей, их личным отношением к аграрным преобразованиям и к своим героям. В частности, это взаимодействие обусловили два ключевых фактора. Во-первых, адаптация тематических элементов «Поднятой целины» Чжоу Либо посредством «творческой переработки», которая проявилась в отказе от прямолинейного идеологического диктата и в стремлении показать сложность и неоднозначность аграрных преобразований в китайской деревне. Это позволило создать более реалистичный нарратив. Во-вторых, историческая гомология социальных структур СССР и Китая, выражавшаяся в наличии сильной крестьянской общины и важности коллективных форм труда. Это облегчило литературную адаптацию шолоховских мотивов и приемов в китайской прозе.

Эта особенность ярко проявляется в анализе творческой психологии обоих писателей. Оба автора испытывали глубокую привязанность к родным местам — Дону и Сянцзяну, — что нашло отражение в детальных и живописных описаниях природы, быта и традиций крестьянства. Эта любовь, преломленная через личный опыт и культурную память, создает связь времен и формирует особую пространственную поэтику их произведений. Однако если у Шолохова донские степи становятся символом свободы и вольницы, то у Чжоу Либо ландшафты Сянцзяна олицетворяют связь с предками и традиционным укладом жизни. Данное различие, по-видимому, отражает специфику исторического развития России и Китая, а также различие в философско-культурных представлениях о месте человека в мире.

Эволюция их роли — от просветителей до активных участников аграрных преобразований (Шолохов — как свидетель и летописец коллективизации, Чжоу Либо — как непосредственный участник земельной реформы) — способствовала созданию уникальных художественных миров. В этих мирах запечатлены не только жизнь и мировоззрение крестьян Дона и Хунани, но и индивидуальное авторское осмысление социальных процессов, обусловленное личным опытом и культурным контекстом.

Типологический анализ позволяет выявить не просто механическую трансформацию, но глубокое творческое переосмысление шолоховских мотивов в произведениях Чжоу Либо. В данном контексте можно гово-

речь о тройной художественной трансформации: во-первых, писатель перенес нарратив о махновском казачестве в контекст «бамбуковой политики» хунаньского горного региона, насытив его спецификой китайской политической культуры; во-вторых, радикальный типаж Нагульнова был переосмыслен через комический образ «Тимяньху», приближенный к менталитету китайского крестьянства; в-третьих, произошел синтез мощной эстетики советской литературы с утонченной поэтикой культуры Чу, что позволило создать уникальный стиль, сочетающий принципы социалистического реализма с традициями китайской классики. Как верно отмечает Этьембль (см. [Дмитриева, 2024, с. 165]), подобная межкультурная интерпретация подтверждает, что подлинное литературное влияние неизменно предполагает эстетическое преломление, что и демонстрирует в своем творчестве Чжоу Либо.

Советский ученый Л. Якименко отмечал, что в романе «Поднятая целина» «основу сюжета составляют события огромного исторического значения в жизни народа» [Якименко, 1982, с. 100]. Это наблюдение в полной мере применимо и к произведениям Чжоу Либо, однако если для Шолохова ключевое значение имеет историческая правда, то для китайского писателя первостепенным становится соответствие идеологическим установкам. Тем не менее влияние сюжетных структур «Поднятой целины» — в частности, изображение становления колхозного строя и руководящей роли партийного работника — прослеживается в произведениях Чжоу Либо, что подтверждается выявленными параллелями.

Для выявления конкретных механизмов влияния обратимся к анализу генетических и типологических связей. С позиций генетического подхода (А.Н. Веселовский) и сравнительной типологии (В.М. Жирмунский) взаимосвязь творчества Чжоу Либо и М.А. Шолохова раскрывает трансвременный диалог, в котором каждый автор осмысляет аграрные преобразования, опираясь на общий культурно-литературный фонд.

На уровне генетической связи в их произведениях разрабатывается мотив «пришелец-преобразователь» (Ивинский, 2015, с. 34–40). Так, Давыдов прибывает в Гремячий Лог по железной дороге, а Дэн Сяопэй — в Цинси на лодке. Однако ключевое различие заключается в их социальном статусе: если Давыдов воплощает тип героя-рабочего, то Дэн Сяопэй представляет интеллигенцию, что отражает различные социальные группы, вовлеченные в процесс преобразований.

Эта архетипическая репликация образа «нарушителя, меняющего миропорядок» (Веселовский, 1989), демонстрирует не только пре-

емственность литературных мотивов, но и их адаптацию к новым историко-культурным контекстам.

Нарративное родство проявляется и в театрализованной структуре сцен «собраний-мобилизаций». Четко структурированная четырехчастная схема — вопросы стариков, расчеты середняков, прозрения бедняков и решения кадров — прослеживается как на собрании бедняков в «Поднятой целине», так и на семейных советах в «Больших переменах в горном селе». Однако если в «Поднятой целине» собрание служит инструментом давления и принуждения, то в китайском произведении оно становится формой диалога и убеждения, что отражает особенности местной культурной традиции.

Схожий нарративный подход наблюдается и в архетипических ролях персонажей (см. табл. 2)², что подчеркивает общую логику вовлечения народа в процесс преобразований.

Таблица 2

Сравнительная таблица архетипов персонажей

Рольевой архетип	«Поднятая целина» (Михаил Шолохов)	«Большие перемены в горной деревне» (Чжоу Либо)	Функция в сцене
Мудрый старейшина	Дед Шукарь	Старик Мэнчэн	Выражает традиционные ценности и опасения
Сомневающийся середняк	Андрей Разметнов	Чэнь Цзяньгун	Представляет прагматический взгляд и колебания
Убежденный активист	Макар Нагульнов	Дэн Сюэмэй	Пропагандирует новую идеологию и призывает к действию

Можно заключить, что Чжоу Либо, изображая народные сцены и используя политические инструменты, находится под влиянием шолоховской традиции. Это влияние проявляется в театрализованной организации массовых сцен, схожих ролевых архетипах, а также в отражении политических решений, определивших ход аграрных преобразований.

Однако важно подчеркнуть, что Чжоу Либо выходит за рамки поверхностного усвоения шолоховских приемов. В его романе политиче-

² Данные для этой и предыдущей таблиц взяты из указанной монографии: 刘祥文. 《肖洛霍夫在中国》. 北京: 中国社会科学出版社, 2014年. 第158页. (Лю Сянвэнь. М.А. Шолохов в Китае / Пер. с кит. Пекин: Изд-во «Социальные науки Китая», 2014. 158 с.).

ские инструменты акцентируют добровольность и инициативу, что соответствует специфике китайской земельной реформы и отличает его подход от шолоховского.

Продолжая типологический анализ в духе В.М. Жирмунского, можно выявить отражение ключевых этапов аграрной коллективизации в китайской и советской литературе. В частности, сходство прослеживается в использовании политических инструментов: если в СССР роль нарративного «двигателя» выполняла резолюция «О темпах коллективизации» [Трагедия советской деревни..., 2000, с. 61–66], то в Китае аналогичную функцию принимал на себя «Примерный устав сельскохозяйственных производственных кооперативов» [Белоглазов, 2019, с. 75]. В обоих случаях разрешение конфликтов, связанных с частным хозяйством, закономерно приводит к коллективизации, формируя общую литературно-идеологическую парадигму.

Эстетика времени в революционном реализме характеризуется феноменом «двойного кодирования» [Лукинова, Глухенькая, 2015, с. 40], проявляющегося в наложении сельскохозяйственных и политических циклов, что создает полифоническую ритмическую структуру повествования. Сельскохозяйственный цикл, с его естественной периодичностью от весеннего сева до осеннего урожая, воплощает поэтику созидательного труда и гармонию с природными процессами. Параллельно политический цикл, развивающийся от этапа мобилизации к подведению итогов, отражает динамику идеологической борьбы и целеустремленное движение к социальным преобразованиям.

Диалектика революционной эстетики, выраженная в контрастном сочетании насилия и человечности, подчеркивает типологическую близость рассматриваемых циклов. Так, в романе «Поднятая целина» сцена убийства лошади Давыдовым символизирует разрушение прежнего уклада, однако этот акт насилия смягчается проявлением гуманизма — попыткой героя утешить осиротевшего ребенка (Михаил Шолохов. 2015). Аналогичный дуализм прослеживается в романе «Ураган» Чжоу Либо: ярость и обличения на пидоухуэй (публичных осуждениях) (批斗会) сочетаются с гуманистическим жестом — распределением конфискованного имущества кулаков (фуцай) среди бедняков (Чжоу Либо. 1952). Именно это единство противоположностей — жестокости и сострадания — формирует уникальную художественную реальность произведений.

Эти примеры, включая образы трактористов и мастеров рисовых полей, олицетворяющих трудовой коллектив и устремленность к построению нового общества, демонстрируют, что, несмотря на присут-

ствие мотивов насилия, центральное место в революционной литературе по-прежнему занимает человек — его судьба, переживания и устремленность к лучшему будущему.

Для выявления конкретных механизмов этого влияния целесообразно применить анализ генетических связей и типологических соответствий. С опорой на методологию А.Н. Веселовского (генетический аспект) и В.М. Жирмунского (типологический подход) можно проследить трансвременной диалог между Чжоу Либо и Шолоховым, в рамках которого каждый из авторов, выражая собственное видение аграрных преобразований, одновременно обращается к общему культурно-литературному фонду. На уровне генетической преемственности особый интерес представляет разрабатываемый обоими писателями мотив «пришлец-преобразователь», что позволяет говорить о художественной рецепции и вариативности его воплощения.

В рамках генетического анализа, основанного на методологических принципах А.Н. Веселовского, прослеживается трансформация шолоховских традиций в творчестве Чжоу Либо, адаптированных к специфике китайского культурного кода. Яркой иллюстрацией этого процесса служит мотив «убийства-отчуждения» [Дюсенгалиева, 2014, с. 258], который в шолоховской «Поднятой целине» реализуется через эпизод массового забоя скота казаками. Данный эпизод символизирует не только разрушение хозяйственного уклада, но и разрыв сакральной связи между человеком и землей. В романе Чжоу Либо «Большие перемены в горной деревне» происходит художественная трансформация этого мотива: вместо забоя скота изображается вырубка священных рощ, где уничтожение природного начала интерпретируется не как акт протеста, а как жертвоприношение во имя прогресса. Такая трактовка находит свое идеологическое обоснование в конфуцианской концепции «общего блага». Если у Шолохова данный мотив выполняет функцию демифологизации коллективизации, то Чжоу Либо, сохраняя драматургическую структуру конфликта, переосмысляет его в контексте традиционного китайского мифологема возрождения через жертву.

Продолжая эту линию анализа, можно проследить, как трансформация мотивов отражается в пространственной символической. В «Поднятой целине» Шолохова бескрайние степные просторы становятся символом свободы и надежды, воплощая веру в прогресс и преодоление. В то же время в прозе Чжоу Либо доминирует образ рисовых террас, олицетворяющий неразрывную связь с землей, цикличность бытия и примирение с судьбой. Это противопоставление отражает глубинные различия в восприятии природы русской и китайской культу-

рами: если степь ассоциируется с безграничностью и волевым началом, то рисовые террасы — с упорным трудом и стремлением к гармонии с естественным порядком вещей.

Хотя образ плуга в творчестве Чжоу Либо действительно может быть интерпретирован в рамках концепции «интернационального стиля социалистической литературы» (В.М. Жирмунский), анализ конкретных эпизодов романа «Ураган» (暴风骤雨) выявляет иную художественную динамику. Чжоу Либо не ограничивается заимствованием шолоховского символизма коллективизации из «Поднятой целины», но творчески перерабатывает его, интегрируя элементы китайской фольклорной традиции. В результате возникает уникальный синтез, обогащающий исходную модель. Если у Шолохова плуг в донской степи служит метафорой насильственного разрыва с прошлым, то у Чжоу Либо плуг, погруженный в красную почву Сянчу, становится инструментом диалога с историей.

Даже описание земли в романе подчеркивает национальную специфику, дополняя шолоховский соцреализм культурными кодами, укорененными в китайской традиции. Таким образом, можно говорить о «творческой измене» Чжоу Либо по отношению к исходному советскому образцу: он не просто имитирует Шолохова, но создает самостоятельный художественный мир, в котором интернациональная соцреалистическая эстетика переосмысливается через призму локального культурного опыта.

Творческое переосмысление Чжоу Либо шолоховских персонажей демонстрирует не просто заимствование, а глубокую трансформацию архетипов в соответствии с китайским культурным кодом при сохранении сути драматического конфликта. Например, образ Майданникова из «Поднятой целины» у Чжоу Либо воплощается в Чэнь Сяньцзине, для которого преданность клану и семье оказывается выше абстрактных идеалов. Если у Шолохова трагедия Майданникова заключается в противоречии между личной жертвенностью и бесчеловечностью системы, то у Чжоу Либо конфликт Чэнь Сяньцзина предстает как столкновение конфуцианского долга с революционным.

Даже комические персонажи, такие как дед Щукарь, претерпевают трансформацию в творчестве Чжоу Либо, обретая новые черты в образе Тин Мяньюху. Если Щукарь использует еду как инструмент манипуляции и выживания, то Тин Мяньюху наделяет тыкву символическим значением, превращая ее в знак общинной гармонии. Эволюция женских образов также прослеживается в рамках шолоховской традиции: так, Марина из «Поднятой целины» у Чжоу Либо перерастает во вдову

Чжан — хранительницу не индивидуального, но родового знания. Подобные трансформации отражают не только влияние китайской культурной парадигмы, но и мировоззренческие установки самого писателя, связанные с его пониманием роли человека в обществе.

Теории Веселовского и Жирмунского позволяют увидеть, как традиция Шолохова не просто переносится, а активно перерабатывается в творчестве Чжоу Либо. Например, хотя партийные лидеры Давыдов и Дэн Сяопин имеют общую структуру власти, Чжоу Либо вносит существенные коррективы. Шолоховские архетипы обретают новую жизнь в творчестве Чжоу Либо, претерпевая принципиальную переоценку. «Желудочный бунт» деда Шукаря сменяется ироничной мудростью «Папаши Тин-Каши», духовные метания Майданникова перерастают в столкновение клановых интересов Чэнь Сяньцзиня.

Даже незначительные детали демонстрируют влияние шолоховских мотивов на творчество Чжоу Либо, одновременно раскрывая глубокие культурные различия. Театрализованное шествие Любишкина в новых штанах находит отголосок в комической сцене с Чжан Цзинсяном, демонстрирующим резиновые сапоги в грязи. Однако если для Любишкина новые штаны символизируют вызов старому миру, то для Чжан Цзинсяна резиновые сапоги — прежде всего практичная вещь.

Типологический подход В.М. Жирмунского позволяет выявить, как Шолохов и Чжоу Либо, описывая аграрную коллективизацию, используют схожие символы, но наполняют их разным культурным содержанием. Чжоу Либо сохраняет шолоховскую драматургию конфликта, однако переосмысливает плуг как символ диалога с традицией.

Исходя из вышесказанного, видим, что Чжоу Либо не воспроизводит шолоховские приемы, а трансплантирует их в почву китайской культуры, сохраняя ядро конфликта, но изменяя его этические координаты. Как и Шолохов, он показывает, что история творится людьми, но эти люди мыслят категориями локальной культуры. Это подтверждает тезис Жирмунского о типологическом сходстве на уровне структуры мотивов при их культурной спецификации в духе Веселовского.

Заключение

Литературный диалог между Чжоу Либо и Шолоховым служит ярким примером культурного обмена между Китаем и СССР в XX веке, демонстрируя транснациональную циркуляцию эстетики социалистического реализма и ее адаптацию к локальным контекстам.

Проведенное исследование, опирающееся на методологию исторической поэтики А.Н. Веселовского и типологический подход

В.М. Жирмунского, демонстрирует: испытавший влияние Шолохова Чжоу Либо не ограничился механическим заимствованием мотивов и образов, но творчески трансформировал их в соответствии с традициями китайской культуры.

Показано, что, сохраняя универсальные архетипы и нарративы о страдании, Чжоу Либо переосмысляет их, отражая специфику китайского мировоззрения и исторического опыта. Анализ мотивной структуры, пространственной символики и системы персонажей позволяет выявить, как шолоховские традиции, преломляясь сквозь призму китайской культуры, обретают новое звучание, обогащая мировую литературу уникальными смыслами.

Таким образом, творчество Чжоу Либо представляет собой удачный пример культурной трансплантации, при которой заимствованные элементы органично интегрируются в национальную литературную традицию, формируя самобытное художественное явление. Изучение данного взаимодействия способствует не только более глубокому пониманию творчества Чжоу Либо, но и раскрытию общих закономерностей межкультурного диалога в литературе.

Настоящее исследование позволяет уточнить механизмы межкультурного взаимодействия в литературе и оценить вклад Чжоу Либо в развитие как китайской, так и мировой литературы. Перспективным направлением дальнейших изысканий могло бы стать расширение анализа за счет изучения влияния других советских писателей на китайскую литературу, а также выявление универсальных и специфических черт этого процесса.

Библиографический список

Белоглазов Г.П. Аграрно-промышленный комплекс КНР и китайская деревня в исторической ретроспективе: этапы и результаты 70-летних реформ (региональный аспект) // Китаеведение. 2019. С. 70-77. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/agrarno-promyshlennyy-kompleks-knr-i-kitayskaya-derevnya-v-istoricheskoy-retrospektive-etapy-i-rezultaty-70-letnih-reform-regionalnyy?ysclid=mdugaa70xy311615089>

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 307 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 65. 1927-1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 - декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 927 с.

Дмитриева Е.Е. Рене Этьембль. Доводы литературной компаративистики, или Сравнение — не довод // Вопросы литературы. 2024. № 6. С. 163–171. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2024-6-163-171>.

Дюсенгалиева А.С. Мотив страданий в творчестве Ф.М. Достоевского // Bulletin KazNU. Filology series. № 2 (148). 2014. С. 256–260.

Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. 493 с.

Ивинский Д.П. Книги пророков и русская литература // Вестник Московского университета. Сер. 9: филология. 2015. № 1. С. 34–48. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/knigi-prorokov-i-russkaya-literatura-1-kniga-proroka-daniila-zametki-k-teme?ysclid=mduhp84yck404590677>

Лукинова М.Ю., Глухенькая. Л.Н. Двойное кодирование в постмодернистской поэзии британского поэта-лауреата Кэрол Энн Даффи // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. С. 37–45. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/dvoynoe-kodirovanie-v-postmodernistskoy-poezii-britanskogo-poeta-laureata-kerol-enn-daffi?ysclid=mduhobld30227694733>

Рудман В. Предисловие к первому русскому изданию «Урагана» // 李华盛, 胡光凡. 周立波研究资料. 长沙: 湖南人民出版社, 1983年.第361页 (Ли Хуашэн, Ху Гуанфань. Материалы исследований о Чжоу Либо. Хунаньское народное издательство, 1983. 361с.).

Якименко Л.Г. О «Поднятой целине» Шолохова. М.: Сов. Писатель, 1960. 134 с. 马伟业. 《论周立波对肖洛霍夫的艺术借鉴》, 《学习与探索》1992年第4期. с. 113–117 (Ма Вэйе. «О художественных заимствованиях Чжоу Либо у Шолохова» // «Учеба и исследование». 1992. № 4. С. 113–117).

Источники

Чжоу Либо. Большие перемены в горной деревне. М.: Изд-во «Писатель», 1958. 432 с.

Чжоу Либо. Ураган. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 460 с.

Шолохов М.А. Поднятая целина. М.: Азбука, 2015. 576 с.

周立波.我们珍爱苏联的文学. // 人民文学.1949年, 第1期. 15–22页. (中文) (Чжоу Либо. «Мы дорожим советской литературой». Народная литература. № 1. 1949. С. 15–22).

References

Beloglazov G.P. The agro-industrial complex of the PRC and the Chinese countryside in historical retrospect: stages and results of 70 years

of reforms (regional aspect). *Kitaevedenie* = Chinese Studies, 2019, pp. 70-77. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/agrarno-promyshlennyy-kompleks-knr-i-kitayskaya-derevnya-v-istoricheskoy-retrospektive-etapy-i-rezultaty-70-letnih-reform-regionalnyy> (In Russian).

Veselovsky A.N. Historical Poetics. Moscow, 1989. 307 p. (In Russian).

The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. Documents and Materials, in 5 vols, vol. 2, November 1929-December 1930. Ed by V. Danilov, R. Manning, L. Viola, Moscow, 2000. 927 p. (In Russian).

Dmitrieva E.E. René Étiemble. The Arguments of Literary Comparativism, or Comparison Is Not an Argument. *Voprosy literatury* = Questions of Literature, no. 6, pp. 163-171. Retrieved from: <https://voplit.ru/article/rene-etembl-dovody-literaturnoj-komparativistiki-ili-sravnenie-ne-dovod/?ysclid=mduhv2ei35398585474> (In Russian).

Diusengalieva A.C. The motif of suffering in the works of F.M. Dostoevsky. *Vestnik KazNU* = Bulletin KazNU, no. 2(148), 2014, p. 258. (In Russian).

Zhirmunsky V.M. Comparative Literature. East and West. Leningrad, 1979. 493 p. (In Russian).

Ivinsky D.P. The Books of the Prophets and Russian Literature. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moscow University, no. 1, 2015, pp. 34-48. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/knigi-prorokov-i-russkaya-literatura-1-kniga-proroka-daniila-zametki-k-teme>. (In Russian).

Lukinova M. Yu., Glukhenkaya L.N. Double Coding in the Postmodern Poetry of British Poet Laureate Carol Ann Duffy. *Mirovaya literatura na perekrestye kultur i tsivilizatsiy* = World Literature at the Crossroads of Cultures and Civilizations, pp. 37-45. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvoynoe-kodirovanie-v-postmodernistskoy-poezii-britanskogo-poeta-laureata-kerol-enn-daffi?ysclid=mduhobld30227694733> (In Russian).

Rudman V. Preface to the First Russian Edition of "Hurricane". *Li Huasheng, Hu Guangfan. Research Materials on Zhou Libo* = 李华盛, 胡光凡. 周立波研究资料. 长沙: 湖南人民出版社, 1983年.第361页, 1983, 361 p. (In Russian).

Yakimenko, L.G. About Sholokhov's "Virgin Soil Upturned", Moscow, 1960, 134 p. (In Russian).

李华盛, 胡光凡. 周立波的研究资料. 长沙: 湖南人民出版社, 1983年.第361页. *Li Huasheng, Hu Guang fan. Research Materials on Zhou Libo. Changsha, 1983, p. 361.* (In Chinese).

马伟业.论周立波对肖洛霍夫的艺术借鉴.//.学习与探索.1992年第4期. c.113-117. Ma Weiye. On Zhou Libo's Artistic Borrowings from Sholokhov. *Study & Exploration* (学习与探索), no. 4, 1992, pp. 113-117. (In Chinese).

List of Sources

Zhou Libo. *Great Changes in a Mountain Village*, Moscow, 1958, 432 p.

Zhou Libo. *The Hurricane*. Moscow, 1952, 460 p.

Sholokhov M.A. *Virgin Soil Upturned*, Moscow, 2015, 576 pp.

周立波.我们珍爱苏联的文学. // 人民文学.1949年, 第1期. 15-22页
(中文)

БИОГРАФИИ АРЛЕКИНА И ПЬЕРО В АНГЛИИ И ФРАНЦИИ XVIII–XIX ВЕКОВ

А.А. Косарева

Ключевые слова: биография, Арлекин, Пьеро, пантомима, Дюма, Ассолан

Keywords: biography, Harlequin, Pierrot, pantomime, Dumas, Assolant

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–04](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–04)

Введение

Изучение истории отдельных трупп и биографий актеров — одно из самых популярных на сегодняшний день направлений в изучении истории комедии дель арте, в то время как биографии самих дельартовских персонажей еще никем не изучались. Между тем в XVIII и XIX веках во Франции и Англии были созданы жизнеописания Арлекина и Пьеро, полностью удовлетворявшие критериям полноценной биографии: в них присутствовала имитация фактической точности, хронологическая последовательность, описание значимых событий в жизни героев, анализ их личностных характеристик, контекстуализация (биографии Арлекина и Пьеро были вписаны в широкий контекст — реальный или выдуманный — и прописано влияние социально-культурных и исторических факторов на личностное развитие героев), а также повествователи-летописцы. Оба персонажа преподносились в биографиях как великие люди: авторы произведений ставили целью описать историю их успеха, напоминая тем самым американских биографов XX–XXI веков, описывающих героя-celebrity, осуществившего американскую мечту, т.е. разбогатевшего и ставшего знаменитым [Иванова, 2016, с. 45–46]. Цель данного исследования — сравнить вышеупомянутые биографии и обозначить существующие между ними сходства в изображении Арлекина и Пьеро.

«История и комические приключения Арлекина и его прекрасной спутницы Коломбины» (1790)

Образ Арлекина имеет античные корни: прототипами этого персонажа были греческие и римские рабы, носившие негроидные маски и пестрые одеяния [Sand, 1915, p. 57]. В эпоху Возрождения Арлекин обрел черты дзанны — простолюдина и лакея, склонного к авантюрам, а во Франции XVI–XVII веков усилиями Тристано Мартинелли и До-

менико Бьянколелли из простака превратился в галантного трикстера и философа, чей яркий костюм, украшенный блестками, стал узнаваемым символом [Green and Swan, 1993, с. 11]. Постепенно образ стал сложным, с ярко выраженной внутренней амбивалентностью: он был одновременно наивным и коварным, щедрым и алчным [Janik, 1998, р. 337]. В Италии XVIII–XIX веков Арлекин был в большей степени популярен в театре марионеток, однако в английской пантомиме сохранял мифологический статус героя-победителя [Clayton, 1993, с. 9]. Англичане любили Арлекина так же сильно, как итальянцы эпохи Ренессанса [Beaumont, 1967, с. 91], и, как мы увидим далее, их желание создать жизнеописание любимого героя было более чем закономерным следствием всенародного обожания.

В Англии биография как таковая стала модной лишь во второй половине XVIII века и ориентировалась на разработанную французами традицию: если английские биографы XVII века изображали исторических деятелей и художников такими, какими они хотели бы их видеть, то их потомки в XVIII веке стремились изобразить реального человека со всеми его недостатками. Во многом рождению фактологически точной биографии способствовала и английская сатирическая традиция, которая заявила о себе в XVII веке [Longtaker, 1931, р. 70]. Биография Арлекина «История и комические приключения Арлекина и его прекрасной спутницы Коломбины» была издана в Лондоне анонимным автором в 1790 году и написана в соответствии с биографическим каноном того времени: «великий» Арлекин описывался как обычный человек, и его недостатки освещались в не меньшей степени, чем достоинства.

В «Истории» представлено жизнеописание деревенского паренька из многодетной крестьянской семьи, который благодаря врожденному артистизму становится богатым и знаменитым. Посмотрим на начало этой биографии: «Большинство великих героев мира сего начинали с малого. Отец героя этой книги был всего лишь бедным крестьянином, обремененным большой семьей. Дети в этой семье были вынуждены трудиться с юных лет, чтобы заработать на жизнь. Младшего сына прозвали „Подрыгунчик“, потому что он постоянно дрыгал руками и ногами. Он работал пастухом, и пока его овцы паслись, пытался подражать прыжкам ягнят. Также он любил забираться на вершину холма и спускаться вниз, кувыркаясь; любил он и садиться на шпагат на ветках дуба — иногда казалось, что он вот-вот расколется на две части и рухнет вниз. Он был не менее проворным, чем обезьяна» (Anonymous. 1790. P. 3). В интонации рассказчика — смесь иронии, юмора и восхищения:

повествователь с самого начала сообщает читателю, что тому предстоит ознакомиться с историей «великого героя», обладавшего незаурядной акробатической подготовкой еще в юношеские годы. Очевидно, что во вступлении пародируются панегирики XVII века, часто идеализировавшие успешных людей.

Далее мы узнаем о тех злоключениях, через которые пришлось пройти Подрыгунчику, прежде чем стать Арлекином. Неприятности героя начинаются в тот день, когда, получив у работодателя выходной, он отправляется на ярмарку. Там его взору предстает кукольное представление с участием Клоуна и Арлекина, и под впечатлением от спектакля Подрыгунчик начинает подражать Арлекину везде — в частности, на работе. Подрыгунчика увольняют, и он отправляется искать работу в Лондон: в качестве перегонщика скота он оказывается бесполезен, зато проявляет себя как хороший швейцар в гостинице. Герой начинает ходить на представления театра «Сэдлерс Уэллс», знаменитого пантомимами с участием Арлекина, и в скором времени заводит за кулисами знакомства. Там же, за кулисами, он подражает акробатам и танцорам и в итоге занимает место старого Арлекина. Став богатым и знаменитым, Арлекин-Подрыгунчик остается простым и добросердечным: родителей он перевозит из деревни в город, братьям и сестрам дарит дорогие подарки, а бывших работодателей прощает, позволив им ходить на пантомимы в «Сэдлерс Уэллс» бесплатно. Также в театре Арлекин встречает любовь всей его жизни, Коломбину, и от брака с ней рождаются Пьеро, Панталоне, Скарамуш и Панч. Арлекин и Коломбина в «Истории» описываются как своего рода сверхлюди, сказочные персонажи: Коломбина, сверхъестественно гибкая и легкая, умеет подражать голосам всех животных и танцевать на острие иглы, а Арлекин ради знакомства с Коломбиной залезает в бутылку вина и выскакивает из нее, оказавшись в комнате девушки. Есть в повести и элементы сатиры: родители Арлекина, простые крестьяне, так радуют о статусе сына, что пытаются уговорить его сменить пестрое трико на костюм респектабельного джентльмена. Их филистерское, приземленное отношение к театру высмеивается, а преданность Арлекина своему образу и профессии — возвышается.

Биографией повесть об Арлекине делает наличие летописца, невозможно сплетающего нити сказочного и реального, серьезного и смешного. В повести изложены основные вехи жизненного и творческого пути Арлекина: рождение в малообеспеченной семье, неудачные попытки заработать ремеслом, которое не соответствует его артистическому складу, последовавшая за неудачами творческая реализация,

успех, примирение с прошлыми врагами, женитьба и рождение детей. Можно сказать, что Арлекин в этой биографии — сказочный герой, живущий в более чем реальной Англии, преуспеть которому помогают вера в себя, добродушие и любовь к театру. Почему из всех популярных в XVIII веке английских театральных персонажей именно Арлекин удостоился подробного жизнеописания?

Арлекин — персонаж, которому удалось стать народным героем еще в начале XVIII века в Англии по двум причинам. Во-первых, в начале XVIII века в Англии появился массовый зритель, который был представлен посещавшими театры подмастерьями, отождествлявшими себя с Арлекином и другими героями-трикстерами и мошенниками. Во-вторых, Арлекин отличался многогранностью и пользовался необычайной популярностью: XVIII век подарил английскому театру Арлекина-Фауста, Арлекина-Меркурия, Арлекина-волшебника, Арлекина-мятежника, Арлекина-Катона, Арлекина-Джека Шеппарда, Арлекина-Макхита, Арлекина-Горация, Арлекина-протестанта, Арлекина-Шеридана [O'Brien, 2004, p. 4]. Помимо многоликости обладал Арлекин и сверхъестественной мобильностью: он спускался в ад, погружался на дно океана, летал на Луну, совершал подвиги Мюнхгаузена и Дон Кихота — для него не существовало ограничений во времени и пространстве [Niklaus, 1956, c. 136]. Пантомима являлась носителем английского коллективного бессознательного, а Арлекин был своего рода воплощением всех слоев населения Англии, их голосом. Именно поэтому он удостоился собственной биографии в 1790 году и был показан в ней как поднявшийся из низов хороший парень, талантливый, удачливый и бесконечно симпатичный.

«Юность Пьеро» (1853)

Прототипом Пьеро был Педролино — белолицый дзанни, неуклюжий и влюбчивый, появившийся на итальянской сцене в XVI веке [Duchartre, 1966, p. 252]. Начиная с XVIII века, образ претерпел ряд изменений: белое лицо, свободная рубаша и склонность героя к одиночеству стали символами поэтической меланхолии и разочарования [Froehlich, 2022, p. 6]. Благодаря гениальному французскому комедианту Жану-Батисту-Гаспару Дебюро Пьеро из комического персонажа превратился в трагическую фигуру, одержимую неразделенной любовью и внутренними противоречиями, воплотил весь спектр человеческих эмоций — от наивности до мстительности, от искренности до безумия [Janik, 1998, p. 339]. Пьеро превратился в своего рода лунного странника, что подчеркивалось в пьесах и пантомимах как с по-

мощью символики, так и посредством многочисленных лунных мотивов [Jones, 1984, p. 10]. Европа XIX века любила этого героя, ведь культура той эпохи все более ориентировалась на внутренний мир человека, его личные переживания, и Пьеро, задумчивый и чувствительный, как нельзя лучше вписывался в этот культурный контекст. В конце XIX века персонаж приобрел андрогинные черты, стал символом декадентской утонченности и творческой изоляции, а в XX веке искусство модерна синтезировало в нем лунную мечтательность и метафизическую тревогу: «Одетый по традиции в длинные белые одежды, Пьеро эпохи модернизма стал меланхоличным неудачником, поэтом и пророком, безнадежно влюбленным в пленительную Коломбину» [Симонова-Партан, 2021, с. 143].

В 1853 году, более полувека спустя после публикации первой биографии Арлекина, во французском журнале «Мушкетер» было опубликовано жизнеописание Пьеро — роман «Юность Пьеро» Александра Дюма. В предисловии автор сообщал читателю, что написана книга мушкетером Арамисом для детей герцогини де Лонгвиль. В романе Дюма юный читатель (автор в предисловии подчеркивал, что «Юность Пьеро» — книга для детей, а не для взрослых) узнавал и о родословной персонажа, и о его великих подвигах. Интересно, что местом рождения Пьеро писатель сделал Богемию — родину Дебюро [Storey, 1978, p. 94], а название романа представляло собой отсылку к пантомиме «Рождение Пьеро», поставленной в театре Фюнамбюль в 1843 году, когда Дюма жил в Париже [Nye, 2022, p. 202].

Обратимся к сюжету романа (Alexandre Dumas. 1975). Дровосек и его жена находят маленького Пьеро в снегу. Отогрев ребенка, они обнаруживают, что у него отменный аппетит — он съедает весь их ужин. Пьеро растет не по дням, а по часам, и вскоре об удивительном ребенке, который очень много ест, распространяется масса слухов по всему королевству. Самая страшная легенда гласит, что дровосеки подобрали в снегу страшного монстра, который их съел. Люди боятся выходить из своих домов, и королю приходится лично вмешаться. Он знакомится с Пьеро и приглашает семью дровосека во дворец. Выясняется, что Пьеро прекрасно танцует, поет и очень высоко прыгает. Трюки Пьеро смешат короля, и он оставляет юношу при дворе. Вскоре благодаря вежливости, юмору и доброте Пьеро становится премьер-министром, вытеснив злодея Ренардино, а также срывает помолвку жестокого Азора и принцессы Флёр Д'Амандье. Все положительные персонажи в романе обретают счастье: Флёр Д'Амандье (с французского — «цветок миндального дерева») выходит замуж за королевского конюха по имени Кёр Д'Ор

(«золотое сердце»), а Пьеро, по совету Феи Озера, отходит от политики и становится актером детского театра. Подобно анонимному автору, написавшему «Историю» Арлекина, Дюма высмеивает персонажей, далеких от искусства: глупых короля и королеву Богемии, коварного интригана Ренардино и беспощадного Азора. По мысли писателя, по-настоящему нелепы и смешны политики и обыватели, а не Пьеро, которого изначально приглашают ко двору в качестве шута.

«Юность Пьеро» напоминает фьябы (театральные сказки с участием персонажей комедии дель арте) Карло Гоцци, венецианского Аристофана: здесь есть и простофиля (Пьеро), которому удастся обвести вокруг пальца всех своих недоброжелателей, и коварный премьер-министр, и заморский злодей Азор, и Фея, которая помогает влюбленным воссоединиться. Пьеро в романе Дюма несколько не меланхолик. Напротив, он жизнерадостен, энергичен и гораздо больше напоминает Арлекина, чем своего театрального тезку. Пожалуй, единственная черта, которая отличает его от Арлекина, это отсутствие взаимности в любви: Пьеро влюблен в принцессу, но вынужден отступить, потому что ей по душе Кёр Д'Ор. В романе чувствуется любовь автора к своему персонажу, и это не случайность: до того, как Дюма начал писать романы, он мечтал стать драматургом и был завсегдатаем парижских театров, звездой которых в первой половине XIX века был именно Пьеро. Печальный клоун комедии дель арте в интерпретации Дюма, несомненно, герой, но от эпических героев и рыцарей его отличает присущее ему чувство юмора. Он не относится чересчур серьезно ни к себе, ни к окружающим, и легкое, по-детски непосредственное восприятие действительности помогает ему не только адаптироваться к самым сложным обстоятельствам, но и победить в них. Белый цвет Пьеро в данном контексте ассоциируется не с луной, безумием и печалью, а с душевной чистотой и светом. Он воплощение силы искусства, способной влиять на ход истории и делать людей лучше.

«История знаменитого Пьеро» (1875)

Семь лет спустя во Франции выходит еще одна биография Пьеро: это роман Альфреда Ассолана «История знаменитого Пьеро» (*«Histoire du célèbre Pierrot»*, 1860) (Alfred Assollant. 1875). Роман состоит из шести глав: «Как Пьеро стал великим воином», «Пьеро восстанавливает династии», «Пьеро занимается реформой злоупотреблений и обязуется вскапывать сады», «Пьеро обращает в бегство пятьсот тысяч татар», «Пьеро сражается с Вельзевулом и демонами», «Хоррибилис обнаруживает, что существуют великие генералы, которые не являются

принцами, и принцы, которые не являются великими генералами». Пьеро в этой биографии предстает в роли юноши, стремящегося обрести свое истинное призвание, и его жизнеописание выстроено в соответствии с традицией романа воспитания. Пьеро Ассолана одновременно напоминает и Парцифалья (добросердечного, но наивного юношу, который стремится стать доблестным воином и постепенно приходит к пониманию ценности христианской любви и добродетели), и Генриха фон Офтердингена (романтика-поэта в поиске истинной красоты).

Подобно Пьеро из «Юности Пьеро» герой Ассолана — сын простых крестьян (его отец — мельник), которому помогает крестная Фея. В романе Ассолана имя волшебницы — Аврора, и она младшая дочь царя Соломона, повелителя джиннов. Так же, как Фея Озера в романе Дюма, Аврора является наставницей Пьеро, обучающей и выручающей его, когда он оказывается в беде. То, что Пьеро в итоге становится доблестным воином, политиком и достойным человеком, — ее заслуга. Роман «История знаменитого Пьеро» начинается с панегирика: «Мой друг Пьеро, твое образование теперь закончено; ты знаешь все, что должен знать, ты говоришь на латыни, как Цицерон, по-гречески, как Демосфен; ты знаешь английский, немецкий, итальянский, коптский, древне-еврейский, санскрит и халдейский; ты в совершенстве понимаешь физику, метафизику, химию, хиромантию, магию, метеорологию, диалектику, софистику, клинику и гидростатику. Ты прочитал всех философов и можешь цитировать всех поэтов. Ты быстрый, как паровая машина, а твои запястья настолько сильны, что ты мог бы нести на вытянутых руках лестницу с человеком, сидящим на ней, при этом удерживая Страсбургский собор на кончике своего носа. У тебя хорошие зубы, ноги и глаза» (Alfred Assollant. 1875. P. 5). В этом фрагменте — тот же синтез восторга, иронии и юмора, что и в анонимной английской биографии Арлекина, которую мы рассматривали ранее. Это сочетание героического и комического пронизывает весь роман Ассолана, при этом романтическая ирония повсеместно касается как самого «великого» Пьеро, отважного рыцаря, так и его злых мелочных недоброжелателей.

Важно отметить и то, что в романе представлены два рассказчика: всезнающий повествователь, комментирующий поступки действующих лиц, а также летописец — волшебник Алькофрибас, цель которого — максимально объективно и достоверно описать жизненный путь великого Пьеро. Для летописца Алькофрибаса характерны занудство, пристальное внимание к деталям и пространные описания: он историк и энциклопедист, описывающий события прошлого с торжественной серьезностью. Всезнающий повествователь — современный француз,

ироничный и остроумный: его Пьеро — не идол, как в рукописи Алькофрибаса, а живой человек — отзывчивый, честный, справедливый, но подверженный гневу. Вспыльчивость Пьеро часто становится поводом для незапланированных схваток и сражений, и эта гневливость объединяет его с эпическими героями (Кухулин, Сигурд, Ахилл) и героями рыцарских романов (Роланд, Ланселот).

То, что в произведениях Дюма и Ассолана Пьеро из неудачника и жертвы превратился в доблестного воина и борца за справедливость, неожиданно. Возможное объяснение этой метаморфозы — народная любовь: в начале XIX века Пьеро переживал пик своей славы во Франции благодаря Жану-Батисту Дебюро, игравшему в театре пантомимы и водевиля под названием «Фюнамбюль». Пьеро в исполнении Дебюро стал любимцем таких писателей, как Шарль Нодье, Шарль Бодлер, Жерар де Нерваль, Теодор Банвиль. Гюстав Флобер воспел Пьеро в пьесе «Пьеро в серале» (1840), Теофиль Готье — в пьесе «Пьеро после смерти» (1847), а Ватто выставлял свои полотна с изображением персонажей комедии дель арте в портретной галерее «Школа Пьеро» [Green, 1993, p. 6]. Став лицом французского искусства эпохи романтизма, Пьеро одновременно стал символом потенциала этого искусства, его созидательного и реформирующего начала. Неудивительно, что Дюма и Ассолан также решили создать жизнеописания симпатичного им персонажа, наделив его качествами, доселе присущими лишь Арлекину. Из пародии на героя он превратился в настоящего героя, способного составить конкуренцию Гераклу и Ахиллу.

Заключение

Итак, перед нами три «биографии» персонажей комедии дель арте Арлекина и Пьеро. Первые две повествуют о пути Арлекина и Пьеро к театральной славе, о том, что предшествовало их восхождению и успеху в мире искусства. Ни анонимный автор XVIII века, ни Дюма не дают читателю забыть о том, что перед ним истории артистов, пусть и сказочные. Театральная карьера преподносится обоими авторами как единственно верное предназначение для Арлекина и Пьеро, их миссия. «История знаменитого Пьеро» Ассолана в этом смысле отличается от вышеупомянутых произведений: Пьеро в этом романе — рыцарь, эпический герой, дело жизни которого — бороться со злом, восстанавливать справедливость и помогать нуждающимся. Как отмечает в финале романа летописец Алькофрибас, Пьеро ничуть не похож на того ярмарочного Пьеро, над которым привыкли смеяться французы: «Никогда не верьте, что Пьеро когда-либо был обжорой, трусом, лжецом,

мошенником или шутом, каким его часто выставляют глупые люди, чья единственная цель — заставить вас смеяться. Несомненно, этого Пьеро путают с поддельными Пьеро, недостойными носить его славное имя. Что касается меня, то моя цель — рассказать полную правду, и я могу вас заверить, что Пьеро жил как хороший гражданин и умер как святой» (Alfred Assollant. 1875. P. 261–262). Объединяет английскую биографию с двумя французскими интонация и подход к изображению главных героев: ирония и юмор перемежаются с пародиями на панегирики, сатирическое сочетается со сказочным. Можно с уверенностью сказать, что все три биографии были вдохновлены: 1) фьябами Карло Гоцци, в которых волшебство и сатира идут рука об руку; 2) национальными театральными традициями — английской и французской пантомимами; 3) панегириками XVII века, а также французской и английской биографическими традициями XVIII–XIX веков, в рамках которых допускались юмор, ирония и изображение недостатков великих героев и политических деятелей.

Библиографический список

Иванова Е.В. Жанр биографии в русской литературе: западноевропейские влияния // *Studia Litterarum*. 2016. № 3. С. 43–59.

Симонова-Партан О. Итальянская комедия дель арте в русской культуре. Бостон; СПб.: Academic Studies Press, Библиороссика, 2021. 252 с.

Beaumont Cyril W. *The History of Harlequin*. New York: Benjamin Blom, 1967. 413 p.

Clayton Douglas. *Pierrot in Petrograd: Commedia dell'Arte*. Balagan in Twentieth-Century Russian Theatre and Drama. Canada: McGill-Queen's University Press, 1993. P. 335–348.

Duchartre Pierre-Louis. *The Italian comedy; the improvisation, scenarios, lives, attributes, portraits, and masks of the illustrious characters of the commedia dell'arte*. New York: Dover Publications, 1966. 24 p.

Froehlich A. *Outer Space and Popular Culture: Influences and Interrelations, Part 2*. Switzerland: Springer Nature, 2022. 111 p.

Green M., Swan J. *The Triumph of Pierrot: The Commedia dell'Arte and the Modern Imagination*. University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 1993. 309 p.

Janik Vicki K. *Fools and Jeaters in Literature, Art, and History: a bibliographical sourcebook*. Greenwood Press: USA, 1998. 576 p.

Jones Louisa E. *Pierrot-Watteau: A Nineteenth Century Myth*. Tubingen: Narr; Paris: Editions Place, 1984. 92 p.

Longtaker Mark. English Biography in the Eighteenth Century. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1931. 542 p.

Niklaus Thelma. Harlequin: or The Rise and Fall of a Bergamask Rogue. New York: Braziller, 1956. 260 p.

Nye Edward. Deburau: Pierrot, Mime, and Culture. London and New York: Routledge, 2022. 290 p.

O'Brien John. Harlequin Britain: pantomime and entertainment, 1690–1760. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 2004. 304 p.

Sand Maurice. The History of the Harlequinade. London: Martin Secker, 1915. 311 p.

Storey Robert. Pierrot: a Critical History of a Mask. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1978. 274 p.

Источники

Anonymous. The History and Comical Adventures of Harlequin: And His Pleasing Companion, Columbine. London: London and Middlesex Printing Office, no. 81, Shoe-Lane, Holborn., 1790. 24 p.

Assollant Alfred. The Fantastic History of the Celebrated Pierrot. London: S. Low, Marston, Low, and Searle, 1875. 328 p.

Dumas Alexandre. When Pierrot Was Young. London: Oxford University Press, 1975. 88 p.

References

Beaumont Cyril W. The History of Harlequin, New York, 1967, 413 p.

Clayton Douglas. Pierrot in Petrograd: Commedia dell'Arte/Balagan in Twentieth-Century Russian Theatre and Drama, Canada, 1993, pp. 335–348.

Duchartre Pierre-Louis. The Italian comedy; the improvisation, scenarios, lives, attributes, portraits, and masks of the illustrious characters of the commedia dell'arte, New York, 1966, 24 p.

Froehlich A. Outer Space and Popular Culture: Influences and Interrelations, part 2, Switzerland, 2022, 111 p.

Green M., Swan J. The Triumph of Pierrot: The Commedia dell'Arte and the Modern Imagination, University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 1993, 309 p.

Ivanova Ye.V. The genre of biography in Russian literature: Western European influences. *Studia Litterarum*, 2016. no. 3, pp. 43–59. (In Russian).

Janik Vicki K. Fools and Jeaters in Literature, Art, and History: a bibliographical sourcebook, USA, 1998, 576 p.

Jones Louisa E. Pierrot-Watteau: A Nineteenth Century Myth. Tubingen: Narr; Paris, 1984, 92 p.

Longtaker Mark. English Biography in the Eighteenth Century. Philadelphia, 1931, 542 p.

Niklaus Thelma. Harlequin: or The Rise and Fall of a Bergamask Rogue, New York, 1956, 260 p.

Nye Edward. Deburau: Pierrot, Mime, and Culture, London and New York, 2022, 290 p.

O'Brien John. Harlequin Britain: pantomime and entertainment, 1690–1760, Baltimore, 2004, 304 p.

Sand Maurice. The History of the Harlequinade. London: Martin Secker, 1915, 311 p.

Simonova-Partan O. Italian Commedia dell'arte in Russian Culture, Boston, St. Petersburg, Bibliorossika, 2021, 252 c. (In Russian).

Storey Robert. Pierrot: A Critical History of a Mask. Princeton, 1978, 274 p.

List of Sources

Anonymous. The History and Comical Adventures of Harlequin: And His Pleasing Companion, Columbine. London, no. 81, Shoe-Lane, Holborn, 1790, 24 p.

Assollant Alfred. The Fantastic History of the Celebrated Pierrot. London: S. Low, Marston, Low, and Searle, 1875. 328 p.

Dumas Alexandre. When Pierrot Was Young, London, 1975, 88 p.

РАССКАЗЫ СБОРНИКА «YOU LIKE IT DARKER» С. КИНГА: МИСТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ

Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая

Ключевые слова: магический реализм, мистический реализм, взаимодействие реального и ирреального, Стивен Кинг, сборник рассказов «You Like it Darker»

Keywords: magical realism, mystical realism, interaction between real and unreal, Stephen King, the collection of stories “You Like It Darker”

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–05](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–05)

Введение
В современном литературоведении предлагаются разные термины для обозначения нереалистических (магических, мистических, волшебных) элементов в тексте художественного произведения: нереалистическая проза, магический реализм, мистический реализм, мифологическая фантастика и другие.

Чаще других используется термин «магический или мистический реализм». Данное явление, как правило, рассматривается как литературное направление, которое характеризуется сочетанием реалистических и магических элементов в тексте повествования, соединением обыденного и фантастического, которое персонажами воспринимается как обычное положение вещей. По мнению исследователей, «“магический” реализм радикальным образом меняет и дополняет метод реализма, так как использует иные основные принципы репрезентации. При сочетании реализма и фантастики в произведениях данного метода создается впечатление того, что “чудесное” органично произрастает из обычного» [Шамсутдинова, 2008, с. 3]. Другими словами, маркером принадлежности произведения к направлению магического реализма следует считать «... одинаково правдоподобное и детальное описание магического и реалистического, невозможность для персонажей отличить факты магической и реалистической действительности» [Осадчая, Потылицына, 2023, с. 192], при этом реальный мир изображается автором максимально точно, передавая многие черты хорошо знакомой читателю действительности, в частности, реалии жизни общества определенной страны в определенный исторический период.

Термин «мистический реализм» используется в работах Л.Г. Кихней и В.А. Гаврикова, в частности, в их монографии «Проза Льва Наумова

в контексте “мистического реализма” в русской литературе XX–XXI веков» [Кихней, Гавриков, 2020]. Как указывают исследователи, данный термин представляется более подходящим, так как магический реализм традиционно ассоциируется с латиноамериканскими писателями А. Карпентьером, Х.Л. Борхесом, Г.Г. Маркесом и их соотечественниками. Кроме того, по мнению авторов, термин «мистический реализм» является более широким или корневым по отношению к другим подобным терминам.

По словам Е.В. Васильевой, традиционно выделяют два варианта магического реализма: латиноамериканский и европейский, причем европейский отличается от латиноамериканского тем, что в нем «... фантастика носит преимущественно субъективный характер: сознание автора, персонажа, рассказчика деформирует, трансформирует изображаемую реальность» [Васильева, 2024, с. 178]. Однако, как справедливо указывает О.И. Осипова, анализ тенденций современного литературного процесса позволяет заключить, что «... магический реализм — это международное явление, преодолевающее национальные и языковые границы, уходящее корнями во множество литературных традиций» [Осипова, 2020, с. 255].

В англоязычном литературоведении используются термины «magic realism», «magical realism», «marvellous realism» [Bowers, 2004], это явление рассматривают как нарративный модус, стиль или жанр, при этом трактовка данного понятия совпадает с аналогичной трактовкой отечественных исследователей: «magical realism refers to a mode or a style — sometimes a genre — of writing in which magical elements are presented alongside realistic ones as if there were no difference of kind between them» [Warners, Sasser, 2020, p. 1]; «magical realism is normally defined as the portrayal of magical or supernatural events in a dead-pan style as if they were real» [Hart, Hart, 2021, p. 160].

Необходимо отметить, что в произведениях англоязычных авторов принципы магического реализма нередко используются для тематизирования личностных и социальных проблем: «magical realism becomes a tool that allows authors to explore deep themes such as identity, class conflicts and human relationships, etc.» [Safarova, Kadyrova, 2024, p. 76].

Следует подчеркнуть подчиненную роль магического начала в произведениях данного направления: «фантастическое начало активно реализуется в произведениях магического реализма, но играет подчиненную роль. Переплетение действительности и легенды, фантастических aberrаций и обыденного приводит к тому, что невероятное становится правдоподобным, но и наоборот — обыденное кажется чудесным» [Кислицин, 2011, с. 275].

Важно отметить, что соединение магического и реалистического может быть представлено в художественном произведении по-разному. Например, реалистическая эстетика может сочетаться с магическим / мистическим мировосприятием или мировидением, в этом случае в художественном пространстве присутствуют два мира, которые взаимно проникают друг в друга, в целом не нарушая принципа жизнеподобия. При этом магическое мировидение может быть представлено разными способами: «„нереалистическим“ может быть назван 1) особый внутренний мир героя; 2) некая сущность, связанная с действительностью тайными знаками, пророчеством; 3) вторжение „прямого чуда“ (необъяснимое исцеление, перемещение во времени)» [Данилова, 2023, с. 255].

Еще один вариант сочетания магического и реалистического предполагает отказ автора от реалистической эстетики и рационалистического мышления, создание особого мира, который живет по своим законам, время в этом мире субъективно и относительно, при этом для реального мира этот мир представляет какую-то скрытую, доступную только избранным действительность. По словам исследователей, «инструментами реализации такого приема выступают сны, галлюцинации, предсказания и иные элементы, которые обеспечивают двойственность, нереальность и оставляют место для интерпретации» [Цвирко, Прокопчик, 2021, с. 304]. Можно сказать, что в данном случае присутствует соединение магической / мистической эстетики и реалистического мировосприятия.

Говоря о конкретных способах сочетания магического и реалистического в художественном пространстве произведения, необходимо отметить, что здесь наблюдается разнообразие, обусловленное творческими задачами автора. Все способы, однако, можно описать как тщательно продуманное и даже гармонизированное сосуществование (симбиоз) этих двух начал, наделенное равной валидностью, в первую очередь, для персонажей произведения, которое достигается следующим образом: «сбалансированностью объема магических и реальных феноменов, избираемых в тексте, „двойной утилизацией“ отдельных образов, а также фузионностью реального и ирреального кодов» [Биякаева, 2017, с. 70].

Литературное творчество писателей разных стран демонстрирует развитие направления магический реализм (хотя исследователи нередко рассматривают данное явление как «особый тип художественного мышления» [Маслова, 2012, с. 255]; «особый способ мировидения» [Осипова, 2020, с. 255]), его модификации как на уровне нарративных стратегий, так и в специфике реализации реального и ирреального, их переплетения и результирующего эффекта.

Особый интерес в исследовании произведений такого типа вызывает сборник рассказов известного современного американского писателя С. Кинга, который был опубликован в 2024 году под названием «You Like it Darker» [King, 2024] (в русском переводе — «Мрачные истории, как вы любите», перевод Е. Шамбаева, книга представлена только в интернет-версии). Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью изучения своеобразия жанровых модификаций в современной прозе, в том числе прозе малых форм, новизна определяется материалом исследования, поскольку рассказы С. Кинга данного сборника еще не подвергались изучению в отечественных и зарубежных литературоведческих работах.

Цель, методы и материал исследования

Цель статьи заключается в выявлении магического / мистического и реалистического начал, рассмотрении специфики их взаимодействия и способов их интерпретации в рассказах сборника «You Like it Darker» С. Кинга.

Ведущим методом выступил интерпретационный анализ, позволяющий рассмотреть реализацию указанных начал в создании образов персонажей, описании событий, выражении проблематики.

Сборник состоит из двенадцати рассказов, каждый из которых может быть прочитан как отдельное самостоятельное произведение. Однако объединение их в цикл самим автором предполагает их рассмотрение и восприятие как единого целого. Кроме того, что более важно, все рассказы обладают рядом общих черт. Прежде всего, во всех рассказах имеет место глубокий психологический анализ разнообразных характеров персонажей, т.е. все рассказы можно назвать своеобразными психологическими исследованиями, облаченными в художественную форму. Еще один существенный момент — каждый из главных героев является неординарной, крайне необычной личностью, выдающиеся качества которой граничат с аномальными либо ирреальными. И, наконец, во всех рассказах описываются драматические или трагические события, шокирующие читателя.

Однако наиболее важной чертой, объединяющей все рассказы сборника, считаем проблематику, которую можно сформулировать в форме философского вопроса: что можно считать правдивым или истинным, каковы критерии определения реальности происходящего вокруг нас, если принимать во внимание тот факт, что восприятие каждого человека индивидуально и отличается от восприятия других. По словам исследователей, реальный мир находится внутри сознания каждой лич-

ности: «„реальный мир” личности — лингвистически организованный способ восприятия всего того, что личностью позиционируется как внеличностное. Или — иными словами — „реальный мир” есть совокупность фактических высказываний и связанных с ними образов» [Сиверцев, 2018, с. 98].

Исследователи полагают, что именно в рамках произведений с элементами магического реализма данную проблематику можно реализовать наиболее ярко и выразительно: «what magical realism has the capacity to do, and what makes it a serious form of philosophical inquiry, is call upon its readers to reflect on the ways claims to truth function in literary domains» [Warners, Sasser, 2020, p. 4].

Результаты исследования

Остановимся кратко на каждой из черт, которые объединяют рассказы сборника.

Автор рисует психологические портреты разных персонажей, отличающихся по возрасту, профессии, социальному статусу, среди них писатель и художник в рассказе «Two Talented Bastids», преступники в рассказах «The Fifth Step» и «Red Screen», подросток в рассказе «Willie the Weirdo», полицейские в рассказах «Danny Coughlin's Bad Dream» и «The Dreamers», 75-летний мужчина в рассказе «On Slide Inn Road», стенографист и ученый в рассказе «The Dreamers» и другие.

Неординарные черты героев рассказов цикла также разнообразны. Главный герой рассказа «Danny Coughlin's Bad Dream» видит вещие сны, подросток рассказа «Willie the Weird» и маньяк-убийца рассказа «The Fifth Step» демонстрируют признаки больной психики, старый человек рассказа «On Slide Inn Road» обнаруживает удивительную находчивость и храбрость в экстремальной ситуации, герой рассказа «The Turbulence Expert» обладает уникальной способностью воздействовать на турбулентность, предотвращая авиакатастрофы, стенографист из рассказа «The Dreamers» обладает эйдетической памятью. Другие персонажи также характеризуются теми или иными особенностями, выходящими за рамки обычных.

События, показанные в рассказах, отличаются острым драматизмом. Среди них нападение бандитов на ни в чем неповинных людей (рассказы «On Slide Inn Road» и «Finn»), убийства (рассказы «The Fifth Step», «Red Screen», «The Dreamers»), смерть персонажей (рассказы «Laurie» и «Rattlesnakes»).

Ключевым, связующим все рассказы моментом считаем то, что в них прослеживается своеобразное сочетание мистического и реалистиче-

ского начал. Можно выделить следующие группы рассказов на основании такого параметра, как наличие мистики и реальности: 1) реалистические рассказы, 2) мистические рассказы, 3) взаимодействие в одном и том же рассказе мистики и реальности, 4) неоднозначность определения того или иного начала, когда трудно сказать, какое из них реализовано.

Рассмотрим эти варианты более подробно.

1. Пять рассказов написаны в реалистическом ключе, в них представлены события, которые, хотя и отличаются экстремальностью, могут происходить в реальной жизни, и персонажи, которые, хотя и характеризуются своими выдающимися способностями или некоторыми психическими отклонениями, также могут встретиться в реальной жизни. Это рассказы «The Fifth Step», «Willie the Weirdo», «Finn», «On Slide Inn Road», «Laurie». Несмотря на единство в плане реалистичности, они значительно отличаются друг от друга по тематике и жанровым характеристикам.

Первый рассказ этой группы «The Fifth Step» можно отнести к криминальному жанру, в нем описано убийство, которое совершает маньяк, притворившийся членом общества Анонимных Алкоголиков, который проходит пятую ступень излечения от алкоголизма. Упоминание этой пятой ступени проливает свет на название рассказа. Он втирается в доверие к незнакомому человеку и убивает его.

Второй рассказ «Willie the Weirdo» принадлежит к психологической прозе, он повествует о подростке со странной психикой, любимым занятием которого было наблюдать за гибелью живых существ.

В рассказе «Finn» главный герой все время попадает в какие-то истории, которые влекут за собой неприятности и несчастные случаи.

Рассказ «On Slide Inn Road» повествует о семье, в которой царит атмосфера взаимного неприятия: муж мечтает бросить семью и убежать в какую-нибудь далекую страну, жена разочарована в муже, строит в своем воображении картины лучшей жизни, их обоих раздражает отец мужа, который даже в присутствии внуков использует сленг, сниженную лексику, все время ворчит, настаивает на своем, зачастую вопреки здравому смыслу. Только его внуки, к большому удивлению родителей, очень его любят. Развязка рассказа имеет эффект обманутого ожидания — в столкновении с бандитами, напавшими на семью, старый и физически слабый дед неожиданно для всех побеждает бандитов, а помогает ему 11-летний внук, тогда как здоровый и уверенный в себе муж теряется и проявляет непростительную трусость. Так экстремальная ситуация выявляет истинную сущность персонажей, а также по-

казывает, что дети были правы в своей интуитивной любви к внешне непривлекательному и даже неприятному человеку.

Рассказ «Laurie» можно отнести к психологическому жанру с элементами сентиментальности. Главный герой глубоко скорбит по поводу смерти жены, его сестра заботится о нем, старается поддержать его, и чтобы помочь преодолеть душевную боль, дарит ему собаку, к которой неожиданно для себя самого ее новый хозяин привязывается, а ее трогательная верность помогает ему вернуться к жизни.

Почти во всех рассказах этой группы присутствует момент случайности — жертва из рассказа «The Fifth Step» случайно оказывается на пути убийцы, Финн из одноименного рассказа случайно попадает в нелепые ситуации и случайно из них выпутывается, семья из рассказа «On Slide Inn Road», выехавшая на пикник, случайно наталкивается на грабителей. Автор имплицитно задает вопрос о том, на самом ли деле наша жизнь зависит от случая или существует некая закономерность в событиях, которые с нами происходят, а также является ли случай способом проявления в нашем мире некой высшей сверхъестественной сущности. Героиня рассказа «Finn» считает, что все в судьбе человека предопределено, запрограммировано и, самое главное, она убеждена в том, что Бог на каждый несчастный случай дает два счастливых. Ее оптимистическая точка зрения не подтверждается, но и не опровергается автором, он оставляет этот вопрос открытым, предоставляя возможность читателю ответить на него по-своему.

2. Ко второй группе относятся мистические рассказы, в них либо происходят ирреальные события, либо действуют ирреальные герои, либо наличествует и то и другое. Сюда относятся рассказы «The Turbulence Expert» и «Rattlesnakes».

В первом из этих рассказов представлен герой команды спасателей, в функции которой входит предотвращение авиакатастроф. Но их спасательные операции весьма необычны, силой своих чувств, страхов, эмоций они воздействуют на ход самолета, попадающего в сильный фронт турбулентности. Применение этой магической способности требует от спасателей большого психологического напряжения, доводит их до изнеможения. Но отказаться от этой миссии они не могут по моральным соображениям — долг перед самим собой и даже перед человечеством обязывает их продолжать это благородное дело. Более того, в их задачи входит и привлечение в свои ряды новых членов, если они угадывают в ком-нибудь наличие таких уникальных способностей.

Во втором из этих рассказов характер мистического другого плана. Здесь действуют потусторонние силы, неведомо кем управляемые. Ге-

роиня рассказа — пожилая женщина, которая перенесла тяжелую психическую травму после гибели ее двух детей-близнецов. Вследствие этой травмы она сходит с ума и на протяжении 40 лет продолжает верить, что ее дети живы. Жители города привыкли, что она разговаривает с воображаемыми ею детьми, ухаживает за ними, кормит, в определенные часы катает коляску, в которой лежит их одежда, представляя, что она вывозит детей на прогулку. Автор в типичной для него манере выступает исследователем аномальной психики человека. Мистика начинается после смерти главной героини, когда детская коляска преследует человека, которому, как выяснилось, женщина завещала все свое имущество. Постепенно он приходит к пониманию, что вместе с унаследованными материальными благами ему было завещано «ухаживать» за мистическими близнецами. Ценой невероятных усилий ему удается избавиться от такого ужасного наследства. Этот рассказ примечателен еще и тем, что он связан с другим произведением С. Кинга, он является сиквелом романа «Куджо» («Cujo»), опубликованного в 1981 году. В русле изучения элементов взаимодействия реального и ирреального в произведениях автора следует сказать, что роман написан в реалистическом ключе, тогда как в его сиквеле присутствуют мистические элементы, т.е. один и тот же герой оказывается то в реальных, то в ирреальных обстоятельствах, помещается автором то в реальные, то в ирреальные декорации.

3. К третьему типу рассказов сборника относятся рассказы, в которых преобладает реалистическое начало, однако имеется лишь один мистический элемент, а именно — одно или несколько действующих лиц оказываются ирреальными, что неожиданно и кардинально меняет изначальный взгляд на описываемых персонажей и события, которые с ними происходят. Это имеет место в рассказах «Two Talented Bastids» и «The Answer Man».

В рассказе «Two Talented Bastids» показаны два друга, которые имеют далекие от искусства профессии, а в возрасте около сорока лет совершенно неожиданно для окружающих становятся знаменитыми в области искусства личностями, один из них — писателем, другой — живописцем. И только в конце рассказа раскрывается загадка такого удивительного поворота в их судьбах: оказывается, этому превращению обычных людей в талантливых способствовали спустившиеся на землю инопланетяне.

В рассказе «The Answer Man» единственным мистическим элементом является некий человек-ответ, который может дать ответ на любой жизненно важный вопрос оказавшегося в сложной ситуации человека, все остальные персонажи и события вполне реалистичны.

Ирреальным элементам в том и другом рассказе отведено мало места, о них говорится очень кратко, однако они играют существенную сюжетообразующую роль, на них, по сути, строится все повествование.

4. Особый интерес представляет еще одна группа рассказов, которые невозможно или, по крайней мере, трудно отнести к реалистическим или мистическим, поскольку представленное в них может быть объяснено либо реальными причинами, либо считаться полнейшей мистикой. В связи с этим сочетание реалистических и мистических элементов данных рассказов сложно определить однозначно.

К данной группе относятся рассказы «Danny Coughlin's Bad Dream», «Red Screen», «The Dreamers».

Главный герой рассказа «Danny Coughlin's Bad Dream» во сне видит место преступления, о котором он не имеет ни малейшего понятия. Одни читатели могут отнести этот факт к возможному, хотя и крайне удивительному событию реального мира, поскольку, как известно, способности человеческого сознания до конца не изучены. Другие читатели могут трактовать этот факт как магическое, ирреальное.

Сходным свойством обладает рассказ «Red Screen». Осужденный за убийство своей жены человек утверждает, что он убил не жену, а другую женщину, поскольку был убежден, что его настоящую жену подменили инопланетяне. Это объяснение также можно толковать двояко — либо как уловку стремящегося оправдать себя преступника, либо как вмешательство потусторонних сил, заменивших одну женщину на другую. В последнем случае можно говорить о том, что автор использует свой излюбленный мистический прием. Как это часто случается при чтении произведений С. Кинга, совсем непросто выбрать ту или иную версию. События, описываемые в рассказе, придают лишь больше загадочности — осужденный кончает жизнь самоубийством, а адвокат, занимающийся этим делом, начинает замечать признаки «подмены» в своей жене. Эти факты также могут служить доказательством или опровержением как реалистичного, так и мистического объяснения событий. Самоубийство можно объяснить муками совести и раскаянием преступника в совершенном преступлении или опять же вмешательством некой силы, а изменения в характерах жен их физическим состоянием или появлением загадочного *красного экрана*, о котором говорится в рассказе.

Либо с реалистических, либо с мистических позиций можно рассматривать и рассказ «The Dreamers», в котором некий ученый проводит эксперименты с людьми, погружая их в сон. То, что происходит с их сознанием, воспринимается на границе реального и ирреального. Интер-

претация этого рассказа зависит от того, насколько читатель осведомлен и насколько он верит в достижения современной медицинской науки.

Выводы

На основании вышеизложенного можно заключить, что в рассказах сборника «You Like it Darker» наблюдается сложное взаимодействие реального и ирреального начал. Во-первых, в цикл включены как реалистические, так и мистические рассказы, такое соединение оказывает определенное влияние на интерпретацию каждого из них: события реалистических рассказов приобретают некий ореол мистики, события мистических воспринимаются как приближенные к реалистическим. Во-вторых, в тексте ряда рассказов наличествует тонкое переплетение мистики и реальности. В-третьих, элементы некоторых рассказов можно отнести и к реалистическим, и к мистическим в зависимости от точки зрения читателя на представленные автором факты.

Таким образом, проблематика определения реальности / ирреальности событий окружающей нас действительности представлена в исследуемом сборнике довольно выразительно в первую очередь за счет своеобразного соединения элементов реалистического и мистического в художественном пространстве каждого рассказа.

Библиографический список

Биякаева А.В. Взаимосвязь уровней художественной реальности в текстах современного магического реализма // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 70–73.

Васильева Е.В. Специфика фантастического в романах С. Рушди (на материале произведений «Дети полуночи» и «Стыд») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 175–193. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/87/10>.

Данилова Н.К. Мистический реализм в современной прозе // Art Logos (искусство слова). 2023. № 3. С. 254–258. https://www.doi.org/10.35231/25419803_2023_3_254.

Кислицын К.Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 274–277.

Кихней Л.Г., Гавриков В.А. Проза Льва Наумова в контексте «мистического реализма» в русской литературе XX–XXI веков: монография. М.; Амстердам: Тардис, 2020. 240 с.

Маслова Е.Г. Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества // Вестник Челя-

бинского государственного педагогического университета. 2012. № 10. С. 254–269.

Осадчая Т.Ю., Потылицына Е.Н. Магическое и реалистическое в художественном пространстве романа С. Кинга «Воспламеняющая взглядом» // Филологический аспект. 2023. № 5 (97). С. 190–196.

Осипова О.И. Магический реализм сквозь призму художественного конфликта // Научный диалог. 2020. № 11. С. 254–268. <https://www.doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-254-268>.

Сиверцев Е.Ю. Эскапизм как одно из проявлений экзистенциальности человека // Манускрипт. 2018. № 3 (89). С. 96–100. <https://www.doi.org/10.30853/manuscript.2018-3.18>.

Цвирко Е.И., Прокопчик А.В. Особенности жанра «магический реализм» и его роль в разрешении конфликта в цикле произведений М. Стивотер «Вороновыи круг» // Язык, общество, личность и творчество Низами Гянджеви: международная научная конференция (Сумгаит, 28–29 октября 2021 г.). Сумгаит: Сумгаитский государственный университет, 2021. С. 303–306.

Шамсутдинова Н.З. «Магический» реализм в современной британской литературе (Анжела Картер, Салман Рушди): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.

Bowers M.A. Magic(al) realism. New York: Routledge, 2004. 150 p.

Hart S.M., Hart J. Magical realism is the language of the emergent Post-Truth world // Orbis Litterarum. 2021. Vol. 76. № 4. P. 158–168. <https://www.doi.org/10.1111/oli.12297>.

Safarova Z.A.G., Kadyrova A.I. The evolution of magical realism in English literature: from fiction to social commentary // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. 2024. № 2. С. 72–77.

Warnes C., Sasser K.A. Introduction // *Magical Realism and Literature*. Ed. by C. Warnes, K. A. Sasser. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 1–10.

Источник

King S. *You Like It Darker*. New York: Scribner, 2024. 512 p.

References

Biyakaeva A.V. Interrelation of Art Reality Levels in Texts of Modern Magic Realism. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research, 2017, no. 2 (15), pp. 70–73. (In Russian).

Bowers M.A. *Magic(al) realism*, New York, 2004.

Danilova N.K. Mystical Realism in Modern Prose. *Art Logos (iskusstvo slova)* = Art Logos — The Art of Word, 2023, no. 3, pp. 254–258. https://www.doi.org/10.35231/25419803_2023_3_254. (In Russian).

Hart S.M., Hart J. Magical realism is the language of the emergent Post-Truth world, *Orbis Litterarum*, 2021, vol. 76, no. 4. <https://www.doi.org/1111/oli.12297>.

Kislitsyn K.N. Magical Realism. *Znanie. Ponimanie. Umenie* = Knowledge. Understanding. Skill, 2011, no. 1, pp. 274–277. (In Russian).

Kikhney L.G., Gavrikov V.A. Lev Naumov's Prose in the Context of “Mystical Realism” in Russian Literature of the 20th–21st Centuries: Monograph. Moscow, 2020. 240 pp. (In Russian).

Maslova E.G. Magical Realism as a Cultural and Artistic Process Paradigm of Modern Society. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University, 2012, no. 10, pp. 254–269. (In Russian).

Osadchaya T.Yu., Potylitsyna E.N. Magical and Realistic in the Artistic Space of S. King's Novel «Firestarter». *Filologicheskiiy aspekt* = Philological Aspect, 2023, no. 5 (97). pp. 190–196. (In Russian).

Osipova O.I. Magical Realism through the Prism of Artistic Conflict. *Nauchnyy dialog* = Scientific Dialogue, 2020, no. 11, pp. 254–268. <https://www.doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-254-268>. (In Russian).

Safarova Z.A.G., Kadyrova A.I. The evolution of magical realism in English literature: from fiction to social commentary. *Uchenyye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Istoriya* = Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University, 2024, no. 2, pp. 72–77.

Sivertsev E.Yu. Escapism as of the Manifestations of Human Existentiality. *Manuskript* = Manuscript, 2018, no. 3 (89), pp. 96–100. <https://www.doi.org/10.30853/manuskript.2018-3.18>. (In Russian).

Shamsutdinova N.Z. “Magical” Realism in Contemporary British Literature (Angela Carter, Salman Rushdie). Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2008, 23 pp. (In Russian).

Tsvirko E.I., Prokopchik A.V. Peculiarities of “Magical Realism” Genre and its Role in Disclosing the Conflict in the Cycle of Works “The Raven Cycle” by M. Stiefvater. *Yazyk, obshchestvo, lichnost' i tvorchestvo Nizami Gyandzhevi: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* = Language, Society, Personality and Works of Nizami Gengawi, Sumgait, 2021, pp. 303–306. (In Russian).

Vasileva E.V. Specifics of the Fantastic in Salman Rushdie's Novels (on the Material of *Midnight's Children* and *Shame*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* = Tomsk State University Journal of Philology, 2024, no. 87, pp. 175–193. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/87/10> (In Russian).

Warnes C., Sasser K.A. Introduction. In *Magical Realism and Literature*, Cambridge, 2020.

Source

King S. *You Like It Darker*, New York, 2024.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ МАКРОПОЛЯ «ГЕОЛОГИЯ РОССЫПНЫХ И РУДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ» ТЕРМИНОЛОГИИ ЗОЛОТОДОБЫЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ю.В. Климук

Ключевые слова: термин, терминологическое поле, терминологическое макрополе, терминологическое микрополе, номен

Keywords: term, terminological field, terminological macrofield, terminological microfield, nomen

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3-06](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3-06)

Введение

В современном русском языке наблюдается стремительное увеличение числа специализированных терминов, относящихся к области золотодобычи. В условиях глобализации и научно-технического прогресса, когда золотодобыча становится все более технологически сложной международной отраслью, русскоязычная терминология играет важную роль в обеспечении эффективной коммуникации между специалистами. Она не только фиксирует достижения науки и техники, но и способствует стандартизации профессионального языка, что особенно значимо в условиях международного сотрудничества и обмена опытом [Бутенко, 2024]. Поскольку золотодобыча является одной из основных отраслей природопользования, профессиональное общение этой сферы зависит от четкой классификации и интерпретации множества терминообразований, которые активно проникают как в общий словарный состав, так и в другие терминологические сферы. Терминология золотодобычи в русском языке представляет собой интересное лингвистическое явление, отражающее национальные особенности, глобальные тенденции в этой области. Она включает в себя как исконно русские термины, так и заимствования, адаптированные к нормам и правилам русского языка. Актуальность предложенной темы заключается в необходимости системного описания терминосистемы золотодобычи, стандартизации и унификации терминологии.

Целью данного исследования является комплексный анализ состава макрополя «Геология россыпных и рудных месторождений» терминологии золотодобычи в современном русском языке. Исследование на-

правлено на выявление и систематизацию терминов, а также на изучение их структурных, семантических и функциональных особенностей в контексте профессиональной коммуникации.

Задачи исследования состоят в следующем: 1) дать анализ источников формирования терминологии: проанализировать исторические и современные источники формирования терминов, включая заимствования, кальки и исконно русские наименования; исследовать влияние международных стандартов и зарубежных языков на формирование русскоязычной терминологии золотодобычи; 2) систематизировать термины макрополя «Геология россыпных и рудных месторождений»: разработать классификацию терминов на основе их функциональных и семантических характеристик; 3) проанализировать структурные особенности терминов: исследовать их морфологические и синтаксические особенности; 4) изучить семантические особенности терминов, включая многозначность, синонимию и антонимию.

В настоящее время профессиональные языки различных отраслей, научных дисциплин и производственных сфер содержат большое количество специализированных единиц, которые относятся к терминологической лексике. Неоднородность ее состава проявляется в разнообразии понятийного содержания конституирующих ее единиц. Существует множество классификаций терминологической лексики, отражающих эту неоднородность, и различные лексические единицы могут выполнять разные функции и отражать различные аспекты понятия. Например, в состав терминологической лексики могут входить термины, номенклатуры, а также терминоподобные слова (терминоиды), которые описывают понятия, не имеющие четких границ [Sidorkin, 2022, p. 27]. В терминоведении традиционно сопоставляются классы специальной лексики с типами понятий, что включает в себя анализ соотношения между терминами и номенклатурными знаками (номенами), поскольку специфика их функционирования в профессиональных языках требует уточнения критериев дифференциации. Основное различие между терминами и номенами усматривается в степени концептуализации обозначаемых объектов: если термины отражают обобщенные, системно организованные понятия с четкой дефиницией, то номенклатурные знаки служат для именования конкретных объектов, явлений или классификационных единиц в рамках определенной системы (например, бинарные названия видов в биологии или индексы технических деталей) [Kiyasova, Sidiknazarova, 2021, p. 37–39].

Дискуссионным остается вопрос о границах терминологической лексики. Исследователь В.М. Лейчик подчеркивает приоритет системности и дефинитивности как ключевых признаков термина, тогда как

номены, по его мнению, функционируют как элементы классификационных схем без обязательной семантической мотивации [Лейчик, 1987, с. 30]. Подобной точки зрения придерживается и С.В. Гринев-Гриневиц [Гринев-Гриневиц, 2022, с.720]. А.В. Суперанская, Т.Л. Канделаки и др. делают акцент на функциональном аспекте, утверждая, что статус лексической единицы определяется ее ролью в профессиональной коммуникации, а не формальными характеристиками [Канделаки, 1977, с. 167; Суперанская, 1989, с. 246]. Г.О. Винокур в статье 1939 года разделил терминологию и номенклатуру: последнюю он трактовал как систему условных символов, фиксирующих объекты вне их теоретической интерпретации, тогда как термины, по его мнению, должны обладать мотивированной внутренней формой, отражающей понятийные связи [Винокур, 1994, с. 272]. А.И. Моисеев соотнес дихотомию «термин — номен», выделяя вместо этого предметные и понятийные термины, различающиеся ориентацией на объект или концепт, но единые в своей классификационно-идентифицирующей функции [Моисеев, 1970, с. 132]. Полемичность приведенных подходов подчеркивает методологическую сложность категоризации специальной лексики: если подход Г.О. Винокура акцентирует семантико-когнитивную специфику термина, то позиция А.И. Моисеева смещает фокус на функциональное единство обозначений в профессиональной коммуникации. Учет этих разночтений остается значимым для разработки терминологических стандартов, требующих баланса между теоретической строгостью и практической применимостью.

Термин в контексте золотодобычи можно определить как специализированное понятие, используемое для обозначения ключевых процессов, этапов, технологий и объектов, связанных с добычей, переработкой и учетом золота. В данной отрасли термины могут включать геологические, технические, экономические и экологические аспекты, обеспечивая точность и однозначность при описании производственных процессов. Соответственно, терминология золотодобычи представляет собой совокупность терминов, связанных с разведкой, добычей, обогащением, переработкой и использованием золота, а также с геологическими, технологическими, экономическими и экологическими аспектами, сопутствующими этим процессам, и образует полевую структуру, характеризующуюся иерархическими и ассоциативными связями между своими элементами [Алексеева, Мишланова, 2021].

Методы и материалы исследования

В статье используется традиционная методика полевого анализа. Под терминологическим полем понимается совокупность языковых

единиц, объединенных общей смысловой направленностью и отражающих концептуальное, предметное либо функциональное сходство обозначаемых явлений.

Г. Ипсен впервые ввел в лингвистику термин «поле» в 1924 году в работе «Der Alte Orient und die Indogermanen», тем самым сформировав основу для развития полевой теории языка [Ipsen, 1924, s. 30]. Впоследствии данная концепция была развита в трудах таких ученых, как Й. Трир, Ф. Дорнзайф, В. Порциг и др., заложивших основу для дальнейшего развития полевой теории языка. Применяя термин «поле» к понятийным и смысловым сферам языка, исследователи подразумевали, что терминологическая система представляет собой не просто совокупность разрозненных лексических единиц, а структурированную организацию понятий, связанных семантическими отношениями. Концепция поля в данном контексте предполагает, что значение термина определяется не изолированно, а через его взаимосвязи, семантическую аттракцию с другими терминами в рамках определенной понятийной области. Таким образом, анализ терминологии как поля позволяет выявить систему понятий, лежащую в основе специализированной области знаний, и установить иерархические и ассоциативные отношения между этими понятиями, отраженные в соответствующей терминологической системе [Шафиков, 1998, с. 251].

Полевой метод остается ключевым инструментом для изучения системной организации языка, сочетая структурно-семантический и культурно-обусловленный подходы. Его применение подчеркивает важность учета как лингвистических, так и экстралингвистических факторов для холистического описания природы терминологических полей [Шпальченко, 2024, с. 6]. В терминологии золотодобычи полевой метод предоставляет эффективную методологическую основу для систематизации терминологических единиц посредством многоаспектной классификации, базирующейся на разнообразных критериях [Ильин, 2023, с. 118]. Среди них выделяются тематические группы, включающие геологические термины: *золотоносные руды, россыпное золото, самородок*; технологические термины: *амальгамация, цианирование, электролиз* и экономические термины: *золотой резерв, спотовая цена, инвестиционная монета*. Кроме того, термины можно дифференцировать по степени общности, выделяя базовые: *золотодобыча, рудник*; производные: *амальгамация, гравитационное обогащение* и узкоспециальные термины: *тройская унция, шкала Мооса*. Наконец, классификация возможна и по функциональной роли, при этом термины разделяются на основные, описывающие ключевые процессы, такие как *добыча руды,*

очистка золота, и вспомогательные, уточняющие характеристики, например, *зольность*, *концентрация золота*, *родирование*.

Лексическая и терминологическая номинация в области золотодобычи насчитывает порядка 1000 единиц, что отражает сложность и многогранность данной профессиональной области. Основными источниками для отбора и анализа терминологии послужили:

— словари, посвященные горному делу и золотодобыче, содержащие устоявшиеся термины и их определения: Брхвальдт О.В. Словарь золотого промысла Российской империи, 1998; Географический словарь, 1968; Геологический словарь, 1973. Т. 1. 485 с.; Горное дело. Терминологический словарь, 1974, и др.; научные статьи и монографии (Калинин Ю.А. и др. Золотоносные коры выветривания юга Западной Сибири: монография, Новосибирск, 2006, и др.), техническая документация (ГОСТ 3827–47 Горное дело. Горные выработки. Терминология, и др.);

— устная речь и профессиональное общение (устные интервью и наблюдения за профессиональным общением позволили выявить жаргонизмы и профессионализмы, используемые в повседневной практике; полевые наблюдения — непосредственное наблюдение за работой на горнодобывающих предприятиях — позволили зафиксировать живую речь и специфические выражения).

Результаты исследования

В состав терминологии золотодобычи входит 3 макрополя: 1) базовые термины рудных и россыпных месторождений; 2) геология россыпных и рудных месторождений; 3) разведка и освоение месторождений.

Макрополе «Геологии россыпных и рудных месторождений» терминологии золотодобычи современного русского языка содержит в своем составе 517 терминов, которые можно разделить на 4 лексико-семантические группы или микрополя (далее МП): классификации россыпей и руд; россыпеобразование и рудообразование; геологическое строение — параметры полезного компонента; месторождения. В составе МП1 «Классификация россыпей и руд» зафиксировано 136 терминов, которые могут быть проклассифицированы и разделены на тематические подгруппы: генетические типы отложений; классификация россыпей и руд по различным признакам.

Генетико-геологические типы отложений формируются под влиянием различных природных процессов. *Элювий* образуется в результате выветривания коренных пород на месте их залегания, где сочетаются физическое разрушение и химические преобразования. К таким отложениям относятся *галечники*, *гравий* и *пески*, а примерами полезных

ископаемых служат алмазы в кимберлитовых трубках или золото в зонах интенсивного выветривания. *Делювий* формируется при переносе продуктов выветривания к подножию склонов под действием силы тяжести и водного стока, образуя слои глин, суглинков и супесей, которые могут содержать россыпное золото или редкие металлы. *Коллювий* связан с гравитационными процессами — обрушениями, осыпями и оползнями, создающими слабо отсортированные скопления обломков, которые используют, например, как щебень. *Аллювий и пролювий* формируются водными потоками: аллювий — постоянными реками с хорошо отсортированными песками и галечниками (источники золота, олова), а пролювий — временными селевыми потоками, оставляющими угловатые обломки в конусах выноса (*мелкое золото, вольфрам*).

Классификация россыпей опирается на несколько ключевых параметров: по сложности геологического строения: *простые, сложные*; по состоянию слагающего материала россыпи: *рыхлые, цементированные*; по времени образования: *современные россыпи — четвертичного возраста, ископаемые россыпи* (погребенные литологически представляют собою конгломераты), россыпи древнего тальвега; по запасам: *крупные, средние, мелкие*. Генетическая классификация россыпей является наиболее многочисленной в данной микрогруппе, насчитывает 71 термин, среди которых *континентальные россыпи, россыпи аккумулятивных равнин, необогащенные, обогащенные, коллювиальные, автохтонные* и др.

Микрополе охватывает широкий спектр геологических образований, классифицируемых на основе процессов их формирования и условий залегания. Россыпи как скопления обломочного материала, включая золото, образуются в результате различных геологических процессов, что обуславливает их разнообразие и сложность классификации. Структурный анализ выявил преобладание простых терминов, образованных сочетанием прилагательного, определяющего генезис, и существительного «россыпи» (например, *аллювиальные россыпи, элювиальные россыпи*). Насчитывается 48 сложных терминов, в которых два или более прилагательных, соединенных дефисом, указывают на смешанный генезис (*водно-ледниковые россыпи, делювиально-аллювиальные россыпи*). Всего в составе микрополя 82 составных термина образованы словосочетаниями, где прилагательное уточняет характеристики россыпей (например, *погребенные россыпи, береговые россыпи*). Термины анализируемого микрополя находятся в гиперо-гипонимических отношениях, где «россыпи» выступают в качестве гиперонима, а конкретные типы — гипонимами. Частичная синонимия наблюдается у терминов,

отражающих близкие генетические процессы формирования и развития геологических объектов (*флювиальные россыпи* и *аллювиальные россыпи*). Оппозиции между терминами выявляются по различным признакам, таким как место образования (*автохтонные* и *аллохтонные*) или возраст (*современные* и *ископаемые*).

Ономасиологический анализ проводился путем установления связей между понятием (типом генезиса) и термином, его обозначающим, с выявлением мотивирующих признаков. Значительная часть терминов обладает высокой степенью мотивированности, поскольку в их основе лежат названия основных агентов переноса и отложения материала. Так, термины *аллювиальные россыпи*, *флювиальные россыпи*, *дельтовые россыпи* и *морские россыпи* непосредственно указывают на роль воды (речной поток, общая речная деятельность, дельта реки, море) в формировании данных типов россыпей. Термин *эоловые россыпи* отсылает к деятельности ветра, а термины *ледниковые россыпи* и *водноледниковые россыпи* — к деятельности ледника. В других случаях мотивирующим признаком выступает местоположение россыпи. Например, термины *береговые россыпи*, *пляжевые россыпи*, *литоральные россыпи* и *шельфовые россыпи* указывают на связь россыпей с береговой линией и различными зонами морского побережья. Термин *переотложенные россыпи* подчеркивает факт повторного переноса и отложения материала, а термины *антропогенные россыпи* и *техногенные россыпи* указывают на связь с деятельностью человека. Большинство терминов, описывающих типы россыпей по генезису, обладают высокой степенью мотивированности. Это свидетельствует о систематичности и логичности терминологической системы.

Морфологический анализ выявил, что 62% терминов в поле образованы путем добавления прилагательного к слову «россыпи». Прилагательные часто образованы от названий геологических процессов или агентов и могут включать суффиксы, указывающие на процесс, или префиксы, указывающие на перенос материала, например, *литоральные россыпи*, *перлювиальные россыпи*, *перфляционные россыпи*. По данным нашей выборки, приведенная терминологическая группа представлена структурными типами атрибутивных словосочетаний: двухкомпонентные — 38% и многокомпонентные — 62% от общего числа. Термины находятся в различных системных отношениях, таких как синонимия, антонимия, гипонимия и меронимия, ср. синонимы: *многопластовая россыпь* — *многоярусная россыпь*; *двухъярусная россыпь* — *двухпластная россыпь*; антонимы: *докембрийская россыпь* — *древняя россыпь* — *докембрийская россыпь* — *россыпь четвертичного возраста* — *россыпь голо-*

ценового возраста — молодая россыпь; гипонимы *автохтонные россыпи* и *аллохтонные россыпи*, гиперонимы для различных типов россыпей, образованных на месте или перемещенных: *мономинеральные россыпи* и *полиминеральные россыпи* (гипонимы, уточняющие состав россыпей); меронимы: *плотиковые россыпи* могут рассматриваться как часть более общей категории *пластовые россыпи*, так как они относятся к россыпям, связанным с определенным слоем или пластом.

МП2 «Россыпеобразование и рудообразование» включает 110 терминов. Это сложная система взаимосвязанных понятий, описывающих формирование месторождений полезных ископаемых. Она имеет высокую степень специализации и охватывает геологические, геохимические, физические и гидродинамические процессы, ведущие к концентрации ценных минералов. В ядре системы находятся ключевые термины.

Рудообразование — это общий процесс формирования рудных месторождений. Россыпеобразование — его частный случай, связанный с механической концентрацией минералов при разрушении и переотложении коренных источников. К ближней периферии относятся термины, описывающие основные этапы и факторы рудо- и россыпеобразования, такие как источники питания россыпей / руд (*коренные, промежуточные*), породы и рудные тела, являющиеся поставщиками минералов, типы источников (*магматические породы, кварцевые жилы, осадочные породы*), разрушение коренных пород, выветривание (*физическое и химическое*), транспортировка (*транспортирующая / транспортировочная способность потока, динамическая ось потока, динамическая сила потока*), аккумуляция (*барьер россыпеобразования, долина-коллектор*), переотложение (*перемыв*), вторичное гравитационное перераспределение. А к дальней периферии относятся термины, описывающие более общие геологические процессы и факторы, оказывающие влияние на рудо- и россыпеобразование, такие как *эрозионный цикл, неотектонический этап, циклы Вилсона, гидродинамический фактор* (типы движения воды, гидродинамические тени), *глубина эрозионного среза, длительность денудации, модуль стока*. Также отдельный пласт терминов относится к минералогическим и геохимическим характеристикам: *минеральный состав, ассоциации минералов, активные и пассивные фракции золота, изношенность и обматывание золота, абразивная прочность минералов, легкие «пустые» минералы, вторичные и гипергенные минералы, показатели миграционной способности минералов*, а динамические фазы отложений описывают последовательные стадии осадконакопления (*инстративная, констративная, перстративная*),

при этом микрополе характеризуется междисциплинарностью, иерархичностью, динамичностью и тесной связью с практикой.

Термины распадаются на две подгруппы: факторы россыпеобразования (43 термина): *динамические фазы отложений, эрозионный цикл, дифференциация тяжелых минералов на склоне, изношенность золота* и др., и этапы россыпеобразования: *разрушение коренных (первичных) пород, физическое и химическое выветривание* (неперемещенные россыпи); *вынос и перемещение полезных компонентов и переотложение* — *обогащение россыпи золотом* (перемещенные россыпи) (68 терминов).

Этимологический анализ терминологического поля «Россыпеобразование и рудообразование» выявляет сложное взаимодействие исторических языковых влияний, отражающих эволюцию геологических знаний. Значительная часть терминов, особенно в области фундаментальных геологических процессов и минералогии, происходит из греческого и латинского языков. Это связано с исторической ролью данных языков в формировании научной терминологии, ср. «*аккумуляция*» (лат. *accumulatio*), «*эрозия*» (лат. *erosio*), «*гипергенный*» (греч. *hyper* + *genos*), «*сингония*» (греч. *syn* + *gonia*). Данные термины часто обозначают общие, универсальные процессы, наблюдаемые в геологии. Использование классических языков обеспечивает определенную степень интернационализации терминологии, поскольку они являются базовыми для многих современных европейских языков. Некоторые термины уходят корнями в германские языки, оказавшие влияние на развитие горного дела и минералогии, ср. термин «*скарн*» (швед. *skarn*). Многие термины первоначально имели описательный характер, отражая непосредственные наблюдения природных явлений, однако с течением времени приобрели более строгое научное значение, например, «*сальтация*» (лат. *Saltatio* — «прыгание») описывает скачкообразное движение частиц в потоке.

В данном микрополе встречается использование метафор в формировании терминов. Например, термин «*источник питания*» применительно к россыпям переносит понятие «источник» из общеупотребительного состава в терминосферу геологии и обозначает источник минерального вещества. Термин «*легкие*», «*пустые минералы*» представляет собой яркий пример использования языка для упрощения и обобщенного описания сложных геологических процессов. Значение этой метафоры проявляется именно в контексте геологии россыпей. Термин описывает группу минералов с низкой плотностью и отсутствием экономической ценности в контексте россыпеобразования, формируя представление о минералах, не представляющих интереса для добычи.

Термин «*золотой маршрут*» описывает последовательность геологических процессов и путей миграции золота от первичного источника (коренной золоторудный объект) до конечного места его концентрации в россыпи. Термин является метафорой, поскольку он переносит понятие «маршрут», обычно используемое для описания пути, пройденного человеком или транспортным средством, на геологические процессы и пути миграции золота.

Некоторые термины получили свое название в честь ученых и исследователей, что отражает вклад отдельных личностей в развитие геологической науки, например, *циклы Вильсона* [Мирзоева, 2025]. Термин назван в честь канадского геофизика Джона Тазо Вильсона (John Tuzo Wilson, 1908–1993). Вильсон сыграл ключевую роль в развитии теории тектоники плит, в частности, предложил концепцию трансформных разломов и механизмов образования океанических хребтов.

Следует отметить, что часть терминов обладает выраженным описательным характером, отражающим прямые наблюдения природных явлений. Например, термин «*гипергенный*» (от греческого *hyper* — «над, сверх» и *genos* — «происхождение») описывает минералы или процессы, образовавшиеся / происходящие в приповерхностных условиях, т.е. над глубинными процессами рудообразования.

Терминологическое микрополе «Россыпеобразование и рудообразование» представляет собой сложную, иерархически организованную систему взаимосвязанных терминов, описывающих процессы формирования месторождений полезных ископаемых. В его ядре находятся ключевые термины «*рудообразование*» (совокупность процессов формирования рудных месторождений) и «*россыпеобразование*» (специфический процесс механической концентрации минералов). Микрополе характеризуется междисциплинарностью, динамичностью и тесной связью с практическими задачами геологии. Оно продолжает развиваться, адаптируясь к новым научным открытиям и технологическим достижениям, оставаясь важным инструментом в исследовании месторождений полезных ископаемых.

МП 3 «Геологическое строение — параметры полезного компонента». Микрополе состоит из 136 терминов, которые подразделяются на 2 лексико-семантические подгруппы: параметры и элементы россыпи: *плотик*, «*почва*» или «*постель*» *россыпи*, *карман*, *гнездо россыпи*, «*при-мазка*» и др., параметры рудного золота: *текстура руды* (*друзовая*, *кардовая*, *брекчиевидная*, *вкрапленная*).

Гиперо-гипонимические отношения терминов в микрополе можно представить как иерархическую систему, где общие понятия (гиперони-

мы) включают более узкие термины (гипонимы). Основные гиперонимы — ключевые понятия, задающие структуру микрополя: россыпи — параметры и элементы россыпи, зональности, классификации россыпного золота; рудное золото — параметры, главные рудные минералы, нерудные минералы, классы природного золота, текстуры и структуры руды, околорудные изменения.

Гипонимия в параметрах и элементах россыпи.

Пески, пласты — торфы, плотик, карман, гнездо россыпи, примазка, раздув, разрыв россыпи, промежуточный коллектор, ложный плотик, гравитационный пласт, тело россыпи; пласт — подошва пласта, кровля пласта, мощность, протяженность, простирание и падение, глубина залегания, содержание полезного компонента.

Гипонимия зональностей россыпей.

Зональности — вертикальная, геоморфологическая, климатическая (литогенетическая), миграционная, морфоструктурная, минеральная, отраженная гипергенная, отраженная гипогенная.

Гипонимия в классификации россыпного золота.

По размеру — тонкодисперсное, пылевидное, весьма мелкое, мелкое, среднее, крупное, весьма крупное; по форме выделений — идиоморфные, неправильные, смешанные типы частиц; по степени окатанности — неокатанные, слабо окатанные, среднеокатанные, хорошо окатанные, совершенно окатанные. Вторичные формы золота — золото в рубашке, наклепанное золото, подъемное золото, плавучее золото, остаточное золото, самородок, свободное тонкое золото, связанное золото, тороидальное золото. Качественные характеристики золота — крупность, сортированность, уплощенность, доля золота в сростках, содержание тяжелой фракции в песках, валунистость песков, промывистость песков, гранулометрический состав песков.

Таким образом, состав терминологического поля обладает четко выраженной иерархией, где широкие гиперонимы включают более узкие гипонимы, описывающие конкретные свойства, процессы и характеристики рудо- и россыпеобразования.

Лексико-семантические отношения внутри терминологического поля «Геологическое строение — параметры полезного компонента» демонстрируют его сложную структуру и системность. Некоторые термины являются синонимами, обозначая одно и то же явление в разных контекстах: *плотик — почва — постель* — нижняя граница россыпи; *мощность пласта — мощность россыпи* — характеристика толщины золотоносного горизонта; *примазка — гнездо россыпи* — локальная концентрация золота; *содержание полезного компонента — пробыность* —

количественная характеристика золота в руде или россыпи. Антонимы встречаются в параметрических характеристиках золота и его распределения: *высокопробное* — *низкопробное* (различие в содержании золота); *тяжелая фракция* — *легкие пустые минералы* (различие в плотности); *неокатанное золото* — *совершенно окатанное золото* (различие в степени обработки золота механическими процессами). В составе микрополя встречается паронимия, термины имеют схожее звучание, но различаются по значению: *беризитизация* — *пропилитизация* (разные типы околорудных изменений); *подъемное золото* — *плавучее золото* (различные процессы переноса золота); *гравитационный пласт* — *гравитационное золото* (различие в смысле: первый термин относится к геологической структуре, второй — к процессу концентрации).

Метафоризация играет значительную роль в формировании поля, упрощая понимание сложных процессов: *«золотой маршрут»* — путь миграции золота от коренного источника до россыпи; *«источник питания»* обозначает породу, поставляющую минералы в россыпи; *«золото дураков»* — метафорический термин для пирита, внешне напоминающего золото; *«черное золото»* — устаревший термин для разновидностей золота с высоким содержанием примесей.

Терминологическое микрополе «Геологическое строение — параметры полезного компонента» представляет собой организованную систему терминов, обладающую четкой структурой, семантическими связями, профессиональной специализацией и тесной связью с практическими задачами геологоразведки и добычи полезных ископаемых. Семантические связи представлены широким спектром отношений, включая родовидовые (*геологическая структура* — *разлом*), синонимию (*содержание металла* — *концентрация металла*), антонимию (*высокое содержание* — *низкое содержание*), гипонимию / гиперонию (золото — металл) и ассоциативные связи, что обеспечивает когерентность и смысловую целостность микрополя. Профессиональная специализация терминов обуславливает их активное использование в специализированном дискурсе геологов, маркшейдеров, обогащателей, обеспечивая возможность точной и эффективной коммуникации в рамках профессионального сообщества. Функционально микрополе ориентировано на решение практических задач: оценку запасов, проектирование горных работ, оптимизацию добычи и экономическую оценку месторождений, что находит отражение в высокой степени терминологической точности и прикладной направленности многих дефиниций. Анализ конкретных терминов, таких как *геологическая структура* (*разлом, складка*), *содержание полезного компонента* (*г/т, %*), *форма*

рудного тела (жила, пласт), демонстрирует их принадлежность к узкоспециализированной лексике, отражающей специфику геологического описания и моделирования.

МП 4 «Месторождения» включает в себя 134 термина и делится на 2 терминологические подгруппы: промышленные типы месторождений, месторождения рудного золота. Термины находятся в гиперонимических отношениях, где «месторождение» является гиперонимом по отношению к гипонимам, таким как «*россыпное месторождение*», «*рудное месторождение*», «*месторождение выветривания*», «*рудно-россыпное месторождение*», «*техногенное месторождение*»; с другой стороны, «*геологическое образование*» выступает гиперонимом для «месторождения», «*россыпи*» и «*рудного тела*», что касается более конкретных отношений, то «*промышленные типы месторождений выветривания*» являются гиперонимом для «*россыпных*», «*аллювиальных*» и «*прибрежно-морских*» месторождений, «*рудное месторождение*» — для генетических типов (*гидротермального, скарнового, экзогенного, вулканогенно-осадочного*), «*экзогенное месторождение*» — для типов по происхождению (*кор выветривания, осадочное*).

Значительное количество терминов состоит из нескольких слов, что свидетельствует о многокомпонентности состава терминов, а также позволяет более точно и подробно описать объект или процесс (например, *Восточно-Забайкальско-Амурская провинция, Рудное месторождение гидротермального генезиса*). Широкое использование географических названий в составе терминов (например, *Уральская провинция, река Мадейра*) привязывает месторождения к конкретным регионам и территориям. Использование прилагательных, таких как «*россыпное*», «*рудное*», «*гидротермальное*», «*скарновое*», позволяет уточнить генезис и характеристики месторождений.

Возможна синонимия на уровне компонентов сложных терминов, например, «*содержание*» и «*концентрация*» металла. Термины, входящие в состав ТМ4 «Месторождения», находятся между собой и в антонимических отношениях. Контрадикторный тип антонимов — это наиболее простая категория противоположения по всей смысловой структуре (в логике это противоречащие понятия). Противопоставление идет по линии «наличие — отрицание свойства или признака», ср.: *золоторудная жила — безрудная жила*. Конверсивная антонимия: этот тип антонимии заключается в выражении противоположно направленных свойств: *лежачая жила — стоячая жила*. Контрарной (качественной) антонимии свойственны градуальные (или ступенчатые) оппозиции: *утренняя жила — полуденная жила — вечерняя жила — полуночная*

жила. Антонимы, содержащие оценочные характеристики: *богатое месторождение — бедное месторождение*. Некоторые отношения можно интерпретировать как меронимические (отношение «часть — целое»). Например, *россыпь реки* является частью речной системы.

Лексико-семантический анализ терминологического микрополя «Месторождения» показывает, что оно представляет собой сложную и организованную систему, характеризующуюся четкой структурой, многокомпонентностью терминов, широким использованием географических названий и функциональностью, обеспечивающей эффективную коммуникацию в профессиональной среде. Анализ представленных терминов позволяет лучше понять принципы классификации и описания месторождений полезных ископаемых, а также выявить особенности современного русского языка.

Заключение

Проведенное исследование терминологического состава макрополя «Геология россыпных и рудных месторождений», входящего в терминологическое поле золотодобычи, выявило его структуру, включающую четыре микрополя. Первое микрополе «Классификации россыпей и руд» характеризуется преобладанием простых терминов, состоящих из прилагательного, определяющего генезис, и существительного «россыпи». В нем отмечается наличие гиперо-гипонимических отношений, а также высокая степень мотивированности терминов, описывающих типы россыпей по генезису. Второе микрополе «Россыпеобразование и рудообразование» представляет собой иерархически организованную систему взаимосвязанных терминов, отличающуюся междисциплинарностью, динамичностью и тесной связью с практическими задачами геологии. В данной области активно используются метафоры. Третье микрополе «Геологическое строение — параметры полезного компонента» имеет выраженную иерархию, в которой широкие гиперонимы включают более узкие гипонимы, описывающие конкретные свойства, процессы и характеристики рудо- и россыпеобразования. Для него характерны синонимия, антонимия, паронимия и значительная роль метафоризации. Четвертое микрополе «Месторождения» отличается многокомпонентностью терминов, широким использованием географических названий, а также прилагательных, уточняющих генезис и характеристики месторождений. В данной группе терминов также прослеживаются отношения синонимии, антонимии и меронимии.

Полученные данные могут быть полезны для нужд стандартизации и упорядочивания терминологии в области геологии россыпных

и рудных месторождений. В заключение следует отметить, что проведенное исследование подтверждает сложность, структурированность и динамичный характер терминологического поля «Геология россыпных и рудных месторождений» в контексте золотодобычи. Это свидетельствует о прогрессе в данной отрасли и подчеркивает необходимость дальнейшей систематизации и стандартизации терминологии.

Библиографический список

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Вековой путь российского терминоведения // Научный диалог. 2021. № 9. С. 9–34.

Бутенко Ю.И. Метод извлечения многокомпонентных терминологических единиц с правыми определениями из научно-технических текстов // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2024. Т. 22, № 3. С. 5–14. <https://www.doi.org/10.25205/1818-7900-2024-22-3-5-14>.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии (1939) // История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: очерк и хрестоматия. М.: Московский лицей, 1994. С. 218–283.

Гринев-Гриневиц С.В. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 3. С. 710–729. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>.

Ильин А.А. Развитие терминоведения как науки на основе опыта отечественных и зарубежных лингвистов // Педагогика и лингвистика в контексте развития современного языкового образования: сб. науч. тезисов. Орехово-Зуево, 2023: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2023. С. 118–121.

Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. 167 с.

Лейчик В.М. Роль концептуальной структуры в формировании отраслевой терминологии // Термины и их функционирование. Горький, 1987. С. 28–33.

Kiyasova R.M., Sidiknazarova Z.M. Nomen as a Component of Professional Communication (Based OnThe Transport Terminology System) // Вестник науки и образования. 2021. № . 6-2 (109). С. 37–39.

Мирзоева А.Р. Управление запасами на предприятиях агропромышленного комплекса на основе модели Харриса — Вильсона // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. 2025. № 1 (47). С. 125–134.

Моисеев А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 127–139.

Суперанская А.В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: ЛИБРОКОМ, 1989. 246 с.

Шафиков С.Г. Языковые универсалии и проблемы лексической семантики. Уфа: Изд-во БашГУ, 1998. 251 с.

Шпальченко Э.П. К вопросу о приоритетных направлениях научного поиска в современном терминоведении // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 6 (144). С. 96. Электронный ресурс <https://research-journal.org/archive/6-144-2024-june/10.60797/IRJ.2024.144.157>.

Term meaning in the lexical-semantic system of the language // International Journal of Educational and Scientific Research. 2022. № 1 (14). Pp. 25–28.

Ipsen G. Der Alte Orient und die Indogermanen: Festschrift für W. Streitberg // Heidelberg. 1924. Pp. 30–45.

Источники

Борхвальдт О.В. Словарь золотого промысла Российской империи. М.: Русский путь, 1998. 240 с.

Бутолин А.П. Словарь геологических терминов и понятий / А.П. Бутолин, М.Б. Катков. 2-е изд., доп. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. 207 с.

Геологический словарь: в 3 т. / под ред. А.В. Сидорова. М.: Недра, 1973. Т. 1. 485 с.

ГОСТ 3827–47. Горные выработки (терминология). М.: Стандартиформ, 1947. 20 с.

Калинин Ю.А., Прудников С.Г., Росляков Н.А. Золотоносные коры выветривания юга Западной Сибири: монография. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2006. 339 с.

Книги и журналы по горному делу от издательства НПЦ «Горное Дело» // Горная промышленность. 2007. № 6 (76). С. 72.

References

Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Age-Old Path of Russian Terminology. *Nauchnyi dialog* = Scientific dialogue, 2021, no. 9, pp. 9–34. (In Russian).

Butenko Yu.I. Method for Extracting Multi-Component Terminological Units with Right Definitions from Scientific and Technical Texts. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta* = Bulletin of Novosibirsk State University, 2024, 22(3), Pp. 5–14. <https://doi.org/10.25205/1818-7900-2024-22-3-5-14>. (In Russian).

Vinokur G.O. On some phenomena of word formation in Russian technical terminology (1939). *Istoriya otechestvennogo terminovedeniya. Klassiki terminovedeniya: ocherk i khrestomatiya* = History of domestic terminology studies. Classics of terminology studies: an essay and a chrestomathy, Moscow, 1994, pp. 218–283. (In Russian).

Grinev-Grinevich S.V., Sorokina E.A., Molchanova M.A. Once again on the issue of term definition. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, 2022, vol. 13, no. 3, pp. 710–729. 10.22363/2313–2299–2022–13–3–710–729. (In Russian).

Ilyin A.A. Development of Terminology as a Science Based on the Experience of Domestic and Foreign Linguists. *Pedagogika i lingvistika v kontekste razvitiya sovremennogo yazykovogo obrazovaniya* = Pedagogy and linguistics in the context of the development of modern language education: collection of scientific theses, Orekhovo-Zuyevo, 2023, pp. 118–121. (In Russian).

Ipsen G. Der Alte Orient und die Indogermanen. *Festschrift für W. Streitberg*. Heidelberg, 1924, pp. 30–45.

Kandelaki T.L. Semantics and motivation of terms. USSR Academy of Sciences. Moscow, 1977. 167 p. (In Russian).

Leichik V.M. The role of conceptual structure in the formation of industry terminology. *Terminy i ikh funktsionirovaniye*. = Terms and their functioning, Gorky, 1987, pp. 28–33. (In Russian).

Kiyasova R.M., Sidiknazarova Z.M. Kiyasova R.M., Sidiknazarova Z.M. Nomen as a Component of Professional Communication (Based OnThe Transport Terminology System). *Vestnik nauki i obrazovaniya*. = Bulletin of Science and Education, 2021, no. 6-2 (109), pp. 37–39.

Mirzoeva A.R. Inventory management at agro-industrial enterprises based on the Harris — Wilson model. *Izvestiya of Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov*. = Bulletin of the Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov, 2025, no. 1(47), pp. 125–134. (In Russian).

Moiseev A.I. On the linguistic nature of the term. *Lingvisticheskiye problemy nauchno-tekhnicheskoy terminologii* = Linguistic problems of scientific and technical terminology, Moscow, 1970, pp. 127–139. (In Russian).

Superanskaya A.V., Podolskaya N.V., Vasilieva N.V. General terminology. Theoretical issues, Moscow, 1989, 246 p. (In Russian).

Shafikov S.G. Linguistic universals and problems of lexical semantics, Ufa, 1998, 251 p. (In Russian).

Term meaning in the lexical-semantic system of the language. *International Journal of Educational and Scientific Research*, 2022, no. 1(14), pp. 25–28.

Shpalchenko E.P. On The Issue of Priority Directions Of Scientific Search In Modern Terminology Research. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. = International Journal of Educational and Scientific Research, 2024, no. 6 (144), pp. 1–6. (In Russian).

List of Sources

Borkhvaldt O.V. Dictionary of gold mining in the Russian Empire, Moscow, 1998, 240 p. (In Russian).

Butolin A.P., Katkov M.B. Dictionary of geological terms and concepts: a manual for students of specialty, Orenburg, 2003, 207 p. (In Russian).

Geological dictionary: in 3 vols, Moscow, 1973, vol. 1, 485 p. (In Russian).

GOST 3827–47. Mining workings (terminology), Moscow, 1947. 20 p. (In Russian).

Kalinin Yu. A., Prudnikov S. G., Roslyakov N. A. Gold-bearing weathering crusts of the south of Western Siberia: monograph, Novosibirsk, 2006, 339 p (In Russian).

Books and magazines on mining from the publishing house of the Scientific and Production Center “Mining”. *Gornaya promyshlennost'* = Mining Industry, 2007, no. 6(76). (In Russian).

ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ КОЛОРИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.А. Косых

Ключевые слова: терминологизация, термин, колоризм, лингвистика цвета, профессионализм, цветообозначение, цвет

Keywords: terminologization, term, colorism, linguistics of color, professionalism, colordesignation, color

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3-07](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3-07)

Введение

Терминологизация как языковой процесс со времен Д.С. Лотте, основоположника советского терминоведения, находится в зоне пристального внимания лингвистов, о чем свидетельствует серьезный объем исследований, посвященных и самому термину, его определению, характеристикам, требованиям, и процессу перехода слова в такую систему [Лотте, 1961; Даниленко, 1983; Головин, 1987; Лейчик, 2003; Косова, 2004; Думитру, 2008; Новинская, 2009; Шкапенко, Ваулина, 2020, и др.].

При этом одной из самых изучаемых групп лексики русского языка является система цветовых обозначений [Шерцль, 1984; Бахилина, 1975; Василевич и др., 2004; Косых, 1998, 2001, 2022; Кульпина, 2007, 2019; Сивова, 2018, 2023; Харченко, 2009, 2023, и др.]. Однако процесс терминологизации именно колоризмов, по нашему мнению, представлен в лингвистической науке фрагментарно и ограничен, как правило, только одной сферой функционирования «профессиональной лексики». Однако именно колоризмы, выступая как наиболее характеристические, метафорические, доступные и традиционные для носителей языка лексические единицы, наиболее частотны в системе описания любых предметов и объектов — натуро- и артефактов современного социума. Однако в лингвистике цвета каждое слово, называющее цвет, обозначается как термин цвета. По нашему мнению, обретение языковой единицей функции термина предполагает различение термина, профессиональной лексики и профессионализма. В предлагаемом исследовании профессиональная лексика — это сфера употребления специальных слов и выражений, включающих как собственно термины, так и профессионализмы, под которыми будем понимать узконаправленную, ограниченную в употреблении лексику в литературном языке (научной,

официально-деловой сфере). Все цветообозначения в настоящем исследовании определенной профессии или сферы деятельности человека, имеющей неофициальный характер и эквивалент, являются терминами, поскольку под термином, вслед за Б.Н. Головиным, понимаем «отдельное слово или образованное на базе имени существительного подчинительное словосочетание, обозначающее профессиональное понятие и предназначенное для удовлетворения специфических нужд общения в сфере определенной профессии (научной, технической, производственной, управленческой)» [Головин, 1987, с. 10], а также актуальной сегодня — рекламной.

Рассуждая о терминологизации колоризмов, обозначим нашу позицию различения термина и профессионализма. Поскольку термин — это единица научной речи, то его функционирование слабо зависит от экономической составляющей, он включен в регулярное обозначение вида, подвида, сорта и т.д., редко претерпевает подвижность, закрепляется в научной речи, становится обязательным для употребления во всех книжных стилях языка и речи. Профессионализм, по нашему мнению, с одной стороны, — профессиональная сленговая единица, имеющая эквивалент в литературной речи и ограниченная конкретной общественной сферой, а с другой — зависимое от экономических условий существования слово или словосочетание, созданное в рекламных целях и имеющее синонимы в литературном языке или заменяющееся на традиционное в других стилях речи (научном, официально-деловом, разговорном, художественном). Профессионализмы более временны, чем термины. Особенно часто именно профессионализмы характерны для автоколористики, сферы красильного производства, косметологии и т.д. Однако, по нашему мнению, от профессионализма до термина — один шаг, любое профессиональное обозначение способно закрепить в терминосистеме и стать прототипом, протомodelью для будущих терминов-колоризмов.

Ю.В. Мушкина в 2018 году писала: «Лингвисты разошлись во мнениях относительно происхождения терминов...» [Мушкина, 2018, с. 92]: колористика «примиряет» эти мнения, поскольку в ней в качестве терминов используются и бытовые элементы, и заимствованные слова, так как развитие экономики, культурных и научных отношений идет одновременно, параллельно или поочередно. В современной лингвистике цвета это замечание не вызывает сомнения. Представленное в 2004 году рассуждение М.В. Косовой о том, что «анализ семной структуры общеупотребительных слов и терминов, показывающий формирование терминологического значения на основе общеупотребитель-

ного, дает возможность прогнозировать создание новых номинаций в области терминологии, для которых могут быть использованы общезыковые ресурсы» [Косова, 2004], активно подтверждается современными исследованиями.

Цель данного исследования — изучение пути вхождения колоризма в терминосистему и закреплённость его в системе терминов.

Методы и материалы исследования

Основными методами исследования, кроме общенаучных (наблюдение, описание и др.), выступают метод лексико-семантического анализа и наблюдения над структурно-семантическими и функциональными особенностями колористической лексики, выявленной в словарных источниках, специальной литературе, а также материалах Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В качестве объекта исследования выступили имена прилагательные, качественные и относительные, со значением цвета, имена существительные, вовлеченные в структуру цветообозначения как носители специфической окраски. Представлено более 100 примеров терминов-колоризмов разной структуры.

Результаты исследования

О понятиях «термин» и «терминологизация»

Термин — это по-прежнему смысловое ядро специального языка. Общеизвестно, что термины передают основную содержательную информацию и в современном технократическом, инклюзивно-образовательном мире свыше 90% новых слов, появляющихся в языках, составляют специальные слова или термины.

Признается, что термин — это необходимое орудие профессионального мышления и профессионального освоения предметной действительности. А в последние 60 лет — и средство актуализации торговых марок, брендов, породы живого существа, номинации его самого и его вида / подвида. Потребность в терминах стала гораздо выше, чем в общеупотребительных словах, вероятно, поэтому и возникла необходимость дифференцировать термины и, например, профессиональную лексику (о чем писали исследователи феномена «термин»), а также подчеркнуть обязательные характеристики для вновь создаваемого термина. В последние десятилетия, как показывает современная терминосистема, в том числе и цветообозначений, термином может стать любое слово или словосочетание, обозначающее объект с характерной окраской [Косых, 2001; Кульпина, Сивова, 2023]. Примерами общеупотребительных слов в структуре колоризма являются названия живот-

ных и растений, строительных материалов и окружающего мира в целом, полезных ископаемых и драгоценных / полудрагоценных камней и металлов, например: цвет *афалина*, цвет *бизон*, цвет *калина*, цвета *настурии*, цвета *фуксии*; *шиферный*, *кирпичный*, цвет *терракот*, цвет *Гольфстрим*, цвета *морской воды*; *угольный*, *глиняный*, *опаловый*, *чароитовый*, цвет *агат*, цвет *опал*.

Увеличение количества терминов предполагает, что в конкретном языке существуют определенные **требования к образованию термина**. Основными признаками специальных слов научной и научно-производственной сферы считаются: **фиксированное содержание, точность (ограниченность значения), однозначность, синонимичность**.

Однако важным в процессе эволюции термина становится **сфера** его употребления, **наука**, в которой и для которой он создается, что предопределяет не только содержание специального слова, но и структуру (например, в гиппологии — *саврасый*, *изгрений*, *изабелловый* и в яблоко, в гречку, в манку; в современной косметологии: *цвет спелая слива*, *цвет зеленое яблоко*; в автоколористике: *цвет антилопа*, *цвет Офелия* или *цвет мокрый асфальт*, *цвет розовая пантера*, *цвет полуночный фиолетовый*, *цвет скоростной желтый*).

Процесс вовлечения номинативных единиц языка в терминосистему, наделенных или наделяемых значением цвета, обозначим как терминологизация колоризмов (цветообозначений).

В центре нашего внимания — терминологизация традиционных колоризмов и процесс обретения колоризмом или цветообозначением функции термина. Под процессом терминологизации понимается создание или образования новых терминов в результате переосмысления значений лексических единиц [Алексеева, 1998, с. 13].

Терминологизация колоризмов развивается несколькими путями: 1) обретение известными цветовыми прилагательными или соответствующими им другими номинативными единицами функции термина; 2) развитие цветового значения у слов, имеющих другие семантико-стилистические значения; 3) закрепление цветообозначения (чаще — имени прилагательного) в структуре термина для родовидовой дифференциации объекта; 4) заимствование в русский язык структуры цветообозначения и формирование собственных единиц-колоризмов «по образу и подобию» иноязычных; 5) символизация цвета при помощи компьютерного подбора или нейросети (цифровой формат), появление сочетания символов или кода (шестнадцатеричного).

«Цифрование» цветообозначений или обозначение цвета, окраски определенным числом известно с XIX века. То же самое наблюдаем се-

годня в сфере производства автоэмалей: «1018 — Алмазное серебро», «257 — Звездная пыль», «615 — Полюс мира», косметики: 01 — розовый металлик, тон 81 (и название фирмы), «SMC 19 Cannes» и др.

Коммуникативное общество сегодня усложнило систему восприятия и обработки информации, усиливая визуализацию любого ряда и реализуя известную пословицу: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Вероятно, это одна из причин, по которой, с одной стороны, в процесс образования терминов-колоризмов включается все большее количество номинативных единиц, в том числе имен собственных, связанных с общекультурными ассоциациями (*цвет Млечный путь, цвет Посейдон*), а с другой — несмотря на увеличение количества цветообозначений, репертуар колоризмов является подвижным, нестабильным, во многом продиктованным экономическими условиями.

Причины терминологизации колоризмов

Причин закрепления цветообозначений в качестве термина несколько.

1. Исторический процесс формирования научной сферы и, следовательно, терминосистемы, которая допускает к номинации колоризмы как внешний демонстративный признак объекта, идентифицирующий конкретного носителя цвета (*серый или рыжий кенгуру, бурый или белый медведь, белый или черный аист, красный или черный коршун, зеленый или черный дятел, бурый или розовый пеликан, дымчатый или огненный опал*) и т.д. Это традиционный процесс, в который вовлечены, как правило, имена прилагательные, наделенные исконной семантикой со значением цвета.

2. Регулярность (закрепленность) функционирования номинативной единицы в определенной сфере (красильное производство, косметология, зоология, животноводство, растениеводство) и принцип описания предметов / объектов естественной природы или производства, т.е. традиции употребления слов-терминов в конкретной науке или производстве (обусловленных п. 1) с учетом международных стандартов: гиппология — *буланая, бурая, игреневая, изабелловая (масть)*, орнитология — *бурый пеликан, кобальтовый зимородок, пепельная чечетка и малиновка, лазоревка, синица*; ихтиология — *золотая рыбка, трофеус огненный, синопонтис леопардовый и мраморный, расбора изумрудная*; кинология — *триколор, мраморный, (окрас) абрикос, (окрас) красный мрамор, золотистая, пегая, шоколадная или цвета Арлекин (масть, рубашка)* и т.п.

3. Необходимость презентации товара, услуги, т.е. реклама предмета, что заставляет следовать семантике слова реклама (от лат. clamare —

кричать, провозглашать) и давать такие названия, которые бы вызывали повышенный интерес потенциального покупателя. Если оптики обозначают способность человеческого глаза различать оттенки цветов от 500 до 2,5 миллиона, то ни один язык не справится с задачей обозначить такое количество цветов одним способом. Именно данный факт обуславливает развитие у слов, вовлекаемых в описание цвета, дополнительных значений, основанных и на ассоциации, и на контекстуальном употреблении слов, и на эмоционально-индивидуальном восприятии отдельным коллективом (дизайнеры) или конкретным человеком определенного цвета, оттенка, сочетания цветов.

Однако структурных и семантических вариантов цветообозначений может быть много, при этом, как и любой термин, колоризм может быть заимствован, построен по образу номинатива и другого языка или сохранить иностранное название. Подобное явление, как и терминологизация в целом, характерно для развития лексики любого языка, поскольку заимствование — один из способов расширения словарного состава языка и интеграции в межкультурное и экономическое международное пространство. Например, для терминов-колоризмов характерно вовлечение в структуру сложных наименований не только апеллятивов иностранного происхождения (*цвет брыз, цвет аметист, цвета авокадо, цвета какао*), но и онимов (*цвет Офелия, цвет Гольфстрим, цвет святого Патрика*). Интеграция обязывает формировать термин обязательно «по правилам» определенной структурной парадигмы, характерной для конкретной науки или экономической сферы. Например, фелинология: *окрас красный мрамор, окрас черепаховый, окрас табби, окрас агути* и т.д. Или в кинологии паспортные клички питомцев включают апелляцию к их окрасу. Например, шелти, триколор *Блэк Джек*.

Терминологизация колоризмов — явление диахроническое, такой процесс был запущен в языках древних народов, отражался в профессиональной лексике оленеводов, коневодов и в целом — скотоводов [Бахилина, 1975; Кульпина, 2007; Шерцль, 1884]; нередко ограничивал круг обозначения предметов тем или другим цветообозначением: например, *буланый конь*, позже и *буланая кошка; карие глаза*, позже — в русских диалектах — и *карий чай! Пегий конь*, но позже — и *пегий пес, и пегая корова*. Уже в подобных мастеобозначениях начинает отражаться дифференциация номинативов по сферам деятельности человека, определяться круг обозначаемых объектов, а в дальнейшем — расширяться объем лексического значения через появление ассоциативного компонента семантики, который позволит использовать в дальнейшем относительные прилагательные и их производные в функции цветообо-

значений и, следовательно, — развивать новые семантические признаки или ЛСВ в соответствии с обозначаемым. Например, диал. *Барловый* — серый, пепельный (о мехе дикой козы, косули, в осенний период — *барловый олень*, *барловая шкура* (барловина ‘осенняя шкура дикой козы, отличающаяся особой прочностью и хорошим качеством’ [Словарь говоров Приамурья...]); *золотой* — *золотая рыбка*, *золотой фазан*.

Компонент со значением цвета в семантической структуре подобных номинативных единиц закрепляется именно как терминологизирующий, способствующий развитию колоративного значения. Например, современные *аспидная овсянка*, *индиговый попугай*, *серебряный салюки* и др. В подобных номинативах терминологизация сопровождается «колоризацией» адъективов, характеризующихся как относительные имена прилагательные, обозначающие природные объекты специфической окраски. В современном русском языке подобных нецветовых прилагательных в цветовом значении становится все больше: *арбузный изумруд*, *жадеитовые глаза*, *оливковое оперение*, *сапфировое море* и т.д. Однако не все из них приобретают характер термина, поскольку функционируют подобные номинации часто в художественной литературе, где выступают как эпитеты, или в рамках лингвистики — номинации с метафорическим значением. Терминами становятся только те обозначения, которые соответствуют такому требованию термина, как системность. Например, в орнитологии для различения подвида обязательно указание на окраску оперения птицы: *индиговый овсянковый кардинал*, *расписной овсянковый кардинал*, *лазурный овсянковый кардинал*. При этом имена прилагательные в подобных сочетаниях могут обозначать окрас, не соответствующий семантике слова. Например, прилагательное *индиговый* — ‘темно-синий’, при описании самки индигового овсянкового кардинала указано: «бурое оперение с четкими полосами на груди и желто-коричневыми полосами на крыльях», при описании самки лазурного овсянкового кардинала указан коричневый цвет, «с более светлой нижней стороной и две белых полосы на крыльях» (сгенерировано нейросетью Yandex).

Терминологизация колоризмов — это в какой-то степени сотрудничество языка, его носителей и цивилизации, иногда — абстрагирование от конкретного цвета в пользу номинации или номинация на основе характерной особенности окраски представителя (самца, самки) целого вида, подвида и др. При этом формирование терминосистемы в разных сферах предполагает определенные отличия. Если в бытовой сфере можно легко обходиться традиционными «радужными» номинациями, расширяя их оттеночные ряды при помощи традиционных

элементов: бледно-, темно-, ярко-, густо-, светло-, нежно- и подобных либо формируя сложные наименования: оливково-желтый, буро-коричневый, рыже-пепельный и т.д., то для описания, например, окрашки автомобилей, тканей, красок в рекламных целях создаются и такие названия: *цвет реклама, цвет мокрый асфальт, цвет шамуа* и т.д. Но в официально-деловой стилистике, например, *цвет табак* — это *коричневый, цвет бриз* — это *голубой или зелено-голубой, цвет мокрый асфальт* — *темно-серый*. Подобная межстилевая или межотраслевая синонимия снимает «кричащие» рекламные названия для более доступного коммуникативного взаимодействия носителей языка. Однако в некоторых случаях в этом нет необходимости по причине возможности функциональной вариативности. Например, заимствованное из французского языка слово *бордо* (вероятно, первоначально как сорт вина — «Бордо») трансформируется в *бордовый, цвет бордо, бордового цвета*. То же самое можно сказать о слове беж: *бежевый, цвета беж, бежевого цвета*. Например, у Л. Филатова в известном стихотворении «Оранжевый кот» — «апельсины *цвета беж*».

Этапы профессионализации колоризма

Терминологизация колоризма происходит постепенно, через определенные этапы профессионализации слова или словосочетания:

1) через актуализацию одного из лексико-семантических вариантов в структуре прилагательного. Важным компонентом лексического значения многих терминов-цветообозначений становится «компаративная» сема ‘светлее (темнее) других в этом роде’ (например, еще в издании «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», приводится дефиниция прилагательного *белый*, включающая лексико-семантический вариант «светлее других в этом роде», которое сопровождается пометой «терм.» (Словарь Академии Российской ... 1806–1822. Ч. I. 1310 стб.). В качестве примера дается сочетание *белый хорь*, т.е. хорек с желтой подпушью при наличии буро-коричневой шерсти (Там же). Подобное можно отметить и у прилагательного *белый* в терминологических сочетаниях *белый медведь, белый носорог*;

2) через введение в структуру цветообозначения понравившегося слова (*цвет афалина*). Нередко такое наименование существует, пока существует мода на определенную модель автомобиля или производится товар с такой окраской, а затем — реноминация или переименования цвета на «модный сегодня»: цвет тот же — название другое. В подобных случаях, когда краска, «цвет» создается в рекламных и маркетинговых целях, номинативные единицы, существующие как

узкопрофессиональные, могут не закрепиться в языке в силу наличия уже устоявшихся колоризмов. Ярким примером служат автомобильные колоризмы. Например, *цвет реклама* — ярко-красный, *цвет Офелия* — белый, *цвет Гольфстрим* — синий и др. Условия рынка требуют регулярного обновления подобных номинативов и в сфере косметологии, красильного производства и т.д. Например, цвет помады: *пепельная роза* — бледно-розовый, с матовым оттенком; *розовое дерево* — розово-коричневый или нюдовый (натуральный, телесный) с коричневым; *клубника со сливками* — розовый, *ягодная корзина* — красные цвета с примесью синего или желтого пигмента в разных пропорциях; *спелая дыня* — с желтым оттенком (подбор с нейросетью Yandex);

3) через апелляцию к носителю определенного цвета, окраски (*цвета авокадо, цвета фуксии, цвета старой розы; мятный, сандаловый, сапфировый, фисташковый*).

Узкая специфика и рекламность термина-колоризма нередко сокращает срок его жизни / функционирования: менеджмент и реклама заставляют разработчиков и производителей краски учитывать психологию потребителей и не повторять номинации цвета. Именно по указанной причине появляются *фиолетовый — баклажанный — цвет баклажан — цвета спелой ежевики — цвета лилового заката* и др.;

4) через обязательное включение колоризма в имя / вид / породу в зоологии (орнитологии, ихтиологии) и др. (например, *алый ибис, бурый пеликан, гиацинтовый ара, розовый фламинго; хаплохромис васильковый, барбус вишневый, гурами жемчужный, карнегиелла мраморная; белый носорог, красный волк, рыжий кенгуру*);

5) через интернационализацию наименования, приспособление структуры колоризма к международной системе цветотерминов (*вишневый — цвет вишня, цвета вишни; небесный — цвета (чистого) неба; изумрудный — цвет изумруд, цвета изумруда; яблочный — цвета зеленого яблока, в яблоко, в яблоках (гиппологический термин, указывающий на масть лошади до трех лет, содержащую небольшие круглые пятна, более темные, чем основная шерсть животного, сравн.: в гречку, в манку и др.)*).

Регулярное употребление колоризма, его вписанность в структуру наименования определенной сферы жизнедеятельности общества приводит к тому, что слово приобретает функцию термина.

Терминологизации подвергается любое, выбранное носителем языка, обозначение, которое включается в профессиональную лексику определенной научной или научно-производственной сферы. Богатство и возможность русского языка к формированию простых (посредством словообразования) и сложных (посредством образования

сочетаний разных частей речи) цветообозначений позволяют увеличивать их количество и разнообразие. При этом отметим еще одну особенность современных колоризмов сложной структуры, которая развивается двумя путями: объекты реального и ирреального мира включаются в колоризмы и колоризмы включаются в термин для обозначения объекта реального мира (путь «туда и обратно»), например: *настурция шафранового цвета* и *рыбка цвета настурции*; цвет чашечки *фуксии темно-сливовый* и *платье цвета фуксии*; *сумка цвет цикламена (розово-фиолетово-красный, часто с пурпурным или лиловым оттенком)* и *цикламен* — *цветок яркой розово-фиолетовой окраски, тигр* имеет *полосатую окраску* и *тигровая цапля*, а также цифровой цвет с названием «цикламен» — **#F56FA1** [<https://color-register.org/color/cyclamen>], что становится обязательным маркером цвета в современных условиях (см., например: *клюквенный* — *цвета спелой клюквы, темно-красный*, шестнадцатеричный код цвета — **#9e003a**)» [сгенерировано нейросетью Yandex].

Заключение

Лингвистика цвета или лингвистическая цветология подтверждают общее направление развития терминосистем в русском языке. При этом процессы семантизации и десемантизации активно проявляются в системе качественных и относительных имен прилагательных, но и имена существительные активно используются для создания цветообозначений, включаясь в сложные номинации. В рекламных целях в процесс обозначения цвета вовлекаются не только номинации носителей особого цвета, но и имена собственные, апеллирующие к ассоциативному мышлению, культурному опыту носителей языка, и, повторим, любое понравившееся номинатору слово. Н.В. Клепиковская подчеркивала: «В ходе терминологизации общеупотребительной лексики реализуются процессы сужения или расширения семантики лексической единицы, различные типы переноса, т.е. процессы, приводящие в конечном итоге к переходу лексической единицы в терминосферу» [Клепиковская, 2016, с. 96]. Этапы такого перехода в общем виде могут быть представлены следующим образом:

1) выбор или создание объекта, требующего номинации; 2) выбор / создание структуры будущего колоризма в соответствии с традицией сферы функционирования номинации; 3) изменение структуры лексического значения уже существующего колоризма (добавление конкретизирующей семы) или формирование терминологического сочетания с изменением одного из лексико-семантических вариантов, оттен-

ков основного значения цветообозначающего слова или слова вообще, не имеющего исходно цветовой семы; 4) введение в специальную лексику цветового неологизма, создание условий для его презентации, закрепления в узусе; 5) приобретение колоризмом характера узкоспециального или узуального терминологического наименования.

Согласимся с М.В. Володиной, подчеркивающей, что «терминологическая информация — это динамическая информация оптимизирующего интеллекта, которая призвана способствовать дальнейшему развитию творческой мысли и преобразующей деятельности человека» [Володина, 2011, с. 144]. Именно подобные факты позволяют использовать цветообозначения не только в структуре термина, но и для дефинирования конкретного слова, для точного и более полного описания облика предмета или объекта характеристики. И в связи с этим возникают простые, сложные, дву- и поликорневые цветообозначения. Однако последние практически не выступают в роли термина, поскольку системность и краткость как основные качества термина требуют регулярности и обязательности «исполнения», хотя в названиях некоторых животных, камней, цвета автомобиля могут быть представлены сложные образования: *розовый орхидейный* богомол, *красно-белые* гигантские белки-летяги, *рыжеватопятнистый* генет, *сиреневогрудая* сизоворонка.

Поскольку термин традиционно трактуется как специальное слово или словосочетание, в сегодняшних реалиях цифровой науки и экономики к таким специальным словам следует отнести и невербальные символы, т.е. обозначения, созданные с числовыми, буквенными и специальными символами: **F5F5DC — бежевый, 800080 — пурпурный цвет, #808080 — серый.**

Само слово «термин» в рамках цветологии понимается достаточно широко. Однако, по нашему мнению, термин — это принадлежность научной и научно-производственной сферы, который имеет четкую закреплённость, в определенном смысле устойчивость и семантическую, и сочетаемость. Например, в сочетании *белое платье, белый снег, белое молоко* — прилагательное *белый* не является термином, это характеристика предмета, прилагательное выступает в прямом номинативном значении, а в сочетаниях *белый носорог, белый медведь* — прилагательное входит в терминологическое сочетание, являясь его основной компаративной составляющей вида, подвида, семейства и т.д.

В современных условиях, подчеркнем, терминологизация отражается в следующих процессах:

1. Развитие компаративной семы 'светлее других / темнее других в этом роде' у качественных прилагательных.

2. Развитие и закрепление в объеме лексического значения относительных прилагательных семы 'цвета кого-, чего-либо' с указанием корневой семы.

3. Актуализация в структуре цветообозначения семы со значением 'носитель определенной окраски'.

4. Использование в структуре сложных / составных цветообозначений имен собственных, реализующих ассоциативный общекультурный компонент, соотносимый с определенным цветом.

5. Создание сложных по структуре цветообозначений с любым количеством компонентов (любых частей речи), отсылающих к носителю окраски, цвета, ассоциирующихся с каким-либо цветом, а также представляющих собой сформированное нейросетью особое обозначение цвета с включением символов, букв и чисел.

Однако цветообозначение только тогда термин, когда прошло процесс терминологизации, т.е. вписано в систему научных знаний и соответствует требованиям, предъявляемым к термину.

Библиографический список

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.

Володина М.В. Знание сквозь призму терминологической информации // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 136–145.

Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. шк., 1987. 103 с.

Даниленко В.П. Терминообразование // Научно-техническая терминология (РЖ). 1983. № 2. 198 с.

Думитру Э. Особенности развития и современное состояние русской геоморфологической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 24 с.

Клепиковская Н.В. Роль процесса терминологизации в формировании технического термина // Актуальные проблемы филологии: материалы II Междунар. науч. конф. Краснодар, 2016. С. 96–99. Электронный ресурс <https://moluch.ru/conf/phil/archive/177/9660/>

Косова М.В. Терминологизация как процесс переосмысления русской общеупотребительной лексики: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Н. Новгород, 2004.

Косых Е.А. Система цветообозначений в русском языке: (к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета») // Вестник Барна-

ульского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. Барнаул. 2002. Вып. 2. С. 28–34.

Косых Е.А. Структурно-семантические особенности современных цветообозначений // Ученые записки российского общества цвета / под ред. Ю.А. Грибер. Смоленск: Смоленский государственный университет. 2022. Т. 3. С. 23–30.

Кульпина В.Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / отв. ред. А.П. Василевич. М.: Ком-Книга, 2007. С. 126–184.

Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: От истории к современности цветовых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: УРСС, 2007. 254 с.

Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 159 с.

Мушкина Ю.В. Явление многозначности или процесс терминологизации в современной лингвистике // Известия ВГПУ. 2019. № 2 (135). Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlenie-mnogoznachnosti-ili-protsess-terminologizatsii-v-sovremennoy-lingvistike>.

Новинская Н.В. Терминологизация разных частей речи // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2 (21). Ч. 2. С. 101–102.

Сивова Т.В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2018.

Сивова Т.В. Номинации ягодной флоры в системе цветообозначения русского языка. Брусника // Езиков свят. 2023. № 21 (1). С. 16–28.

Татаринов В.А. Теория терминоведения: в 3 т.; 2-е изд., стер. Т. 1: Теория термина: история и современное состояние. М.: Московский лицей, 1996. 311 с.

Харченко В.К. Богатство цвета в русском языке: монография. М.: ИНФРА-М, 2023. 233 с.

Шкапенко Т.М., Ваулина С.С. Проблемы терминологизации и теоретического описания уровней языковой деривации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 6. С. 204–215.

Источники

Бейли М. Золотая книга аквариумиста / М. Бейли, П. Бергресс; пер. с англ. И. Кузнецова. М.: АКВАРИУМ ЛТД, 2004. 281 с.

Косых Е.А. Словарь мастеобозначений животных в русском языке. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. 42 с.

Косых Е.А. Народная энциклопедия цветообозначений: вербальное и визуальное. Барнаул, 2020 (рукопись).

Официальный реестр названий цветов. Дом цифровых цветов: при-
дание индивидуальности каждому оттенку. Электронный ресурс <https://color-register.org/>

Полная цветовая гамма автомобилей. Электронный ресурс https://sibcolor.ru/info/article/polnaya_tsvetovaya_gamma_avtomobiley/

Полный список видов птиц России. Птицы России. Электронный ресурс <https://russia.birds.watch>, свободный

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположен-
ный. ВЪ СПб., при Императорской Академіи Наукъ, 1806–1822. Ч. I. 1310 стб.

Харченко В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское. М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2009. 532 с.

Цветовые схемы, краски, палитры, комбинации, градиенты и преоб-
разования цветовых пространств для шестнадцатеричного кода. Элек-
тронный ресурс encycolorpedia.ru

Шерцль В.И. Названия цвѣтовъ и символическое значение ихъ // Филологические записки. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1884. 70 с.

References

Baxilina N. B. History of color terms in Russian, Moscow, 1975, 288 p. (In Russian).

Volodina M.V. Knowledge through the lens of terminological information. *Vestnik moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moskow State University, no. 2, pp. 136–145. (In Russian).

Golovin B.N., Kobrin R. Yu. Linguistic foundations of the doctrine of terms, Moscow, 1987, 103 p. (In Russian)

Danilenko V.P. Terminology formation. *Nauchno-texnicheskaya terminologiya (RZh)* = Scientific and technical terminology, 1983, no. 2, 198 p. (In Russian).

Dumitru E. Features of the development and current state of Russian geomorphological terminology. Abstract of Philol. Cand. Diss., Moscow, 2008. (In Russian).

Klepikovskaya N.V. The role of the terminologization process in the formation of a technical term. *Aktual'ny'e problemy` filologii* = Actual problems of philology, Krasnodar, 2016. Retrieved from: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/177/9660/> (In Russian).

Kosova M.V. Terminologization as a process of rethinking Russian common vocabulary. Abstract of Philol. Doc. Diss., Nizhny Novgorod, 2004. (In Russian).

Kosykh E.A. The system of color designations in the Russian language: (towards the creation and publication of the Russian Encyclopedia of Color). *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of Barnaul State Pedagogical University, Barnaul, 2002, iss. 2. (In Russian).

Kosykh E.A. Structural and Semantic Features of Modern Color Designations. *Ucheny'e zapiski rossijskogo obshhestva czveta* = Scientific notes of the Russian Color Society, Smolensk, 2022, vol. 3. (In Russian).

Kulpina V.G. The system of color definitions of the Russian language in historical lighting. *Naimenovaniya czveta v indoevropejskix yazy'kax: Sistemy'j i istoricheskij analiz* = Color names in Indo-European languages: A Systematic and historical analysis, Moscow, 2007, pp. 126–184. (In Russian).

Kulpina V.G. Linguistic Colorology: From History to Modernity of Colour Conceptual Spheres, Moscow, 2019, 288 p. (In Russian).

Lejchik V.M. Terminology: subject, methods, structure, Moscow, 2007, 254 p. (In Russian).

Lotte D.S. Fundamentals of Scientific and Technical Terminology. Theory and Methodology Issues, Moscow, 1961, 159 p. (In Russian).

Mushkina Yu.V. The phenomenon of ambiguity or the process of terminologization in modern linguistics. *Izvestiya VGPU* = News of the Volgograd State Pedagogical University, 2019, no. 2 (135). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlenie-mnogoznachnosti-ili-protsess-terminologizatsii-v-sovremennoj-lingvistike> (In Russian).

Novinskaya N.V. Terminologization of various parts of speech/ *Al'manax sovremennoj nauki i obrazovaniya* = The Almanac of Modern Science and Education, 2009, no. 2 (21), pt. 2, pp. 101–102. (In Russian).

Sivova T.V. The relationship of color, light and chronotope in the language of K. G. Paustovsky's works. Abstract of Philol. Cand. Diss., Minsk, 2018. (In Belarus).

Sivova T.V. Berry flora nominations in the Russian language color designation system. *Lingonberry. Ezikov svyat* = Language World, 2023, no. 21 (1), pp. 16–28. (In Bulgaria).

Tatarinov V.A. Theory of terminology, vol. 1, Moscow, 1996, 311 p. (In Russian).

Xarchenko V.K. The richness of color in Russian Moscow, 2023, 532 p. (In Russian).

Shkapenko T.M., Vaulina S.S. Problems of terminologization and theoretical description of the levels of linguistic derivation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University, 2020, vol. 19, no. 6, pp. 204–215. (In Russian).

List of Sources

Bailey M. The Aquarium Owner's Golden Book, Moscow, 2004, 281 p. (In Russian).

Kosykh E.A. Dictionary of animal coloring in Russian, Barnaul, 1998, 42 p. (In Russian).

Kosykh E.A. People's Encyclopedia of Color Designations: Verbal and Visual, Barnaul, 2020 (manuscript). (In Russian).

Official register of color names: House of Digital Colors: Giving Individuality to Each Shade. Retrieved from: <https://color-register.org/>. (In Russian)

Full color range of cars. Retrieved from: https://sibcolor.ru/info/article/polnaya_tsvetovaya_gamma_avtomobiley/ (In Russian).

Complete list of bird species of Russia. Birds of Russia. Retrieved from: <https://russia.birds.watch>. (In Russian).

Dictionary of the Russian Academy, arranged in alphabetical order, St. Petersburg, 1806–1822, p. I, 1310 columns.

Kharchenko V.K. Dictionary of color: real, potential, author's. Moscow, 2009, 532 p. (In Russian).

Color Schemes, paints, palettes, combinations, gradients and transformations of color spaces for the Hexadecimal code. Retrieved from: encycolorpedia.ru. (In Russian).

Sherzl V.I. Names of flowers and their symbolic meaning. *Filologicheskie zapiski* = Philological notes, Voronezh, 1884, 70 p. (In Russian).

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНАЯ ГРАДАЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЗООМОРФИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т.В. Чернышова, Х.Н. угли Самадов

Ключевые слова: зооморфизмы, функционально-стилевая и эмоционально-экспрессивная окраска, стилистические пометы, шкала стилистических противопоставлений

Keywords: zoomorphism, functional-stylistic and emotional-expressive coloring, stylistic marks, scale of stylistic oppositions

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–08](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–08)

Введение
Данное исследование посвящено сопоставительному изучению стилистических характеристик зооморфизмов в русском языке. Вслед за Т.Н. Тыбыковой под зооморфизмами мы будем понимать «метафорические лексико-семантические варианты зоосемизмов, т.е. названия животных, проецируемые на человека, характеризующие и оценивающие его под разными углами зрения... Зооморфизмы широко используются в качестве оценочных личностных характеристик во многих языках мира» [Тыбыкова, 2015, с. 235]. По мнению Ц.Ц. Огдоновой, «Зооморфизмы ... в силу своей лингвистической специфики (структура, семантическая емкость, эмоционально-экспрессивная окраска, национально-культурная специфика) дают богатый и интересный материал для исследования» [Огдонова, 2000, с. 3], в том числе и в функционально-стилистическом аспекте, поскольку выражаемая ими эмоциональная оценка «состояния, действий человека, его внешнего облика и манеры поведения» [Сафаралиева, 2013] может варьироваться в речи в зависимости от ситуации общения.

Объектом исследования в работе является функционирование зооморфизмов в современном русском языке, предметом — сопоставительное изучение их функционально-стилевого и экспрессивно-оценочного потенциала.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных лингвистов в области стилистики русского языка, сопоставительной стилистики, языковой картины мира, лингвокультурологии. Научные исследования, посвященные изучению зооморфизмов, начинают появляться в 60-е годы XX века. Прежде всего

эти исследования связаны с изучением сравнительных и фразеологических конструкций в русском языке. Здесь необходимо упомянуть работы Л.И. Ройзензона, В.М. Огольцева, М.И. Черемисиной и других исследователей [Ройзензон, 1964; Черемисина, 1976; Огольцев, 1978]. С конца 60-х по 90-е годы XX века и в начале нового столетия 2000-х годов XXI века исследователи обратились к изучению зооморфной лексики и фразеологизмов как фрагмента русской языковой картины мира. Этим вопросам посвящены труды М.И. Черемисиной, Р.Х. Хайруллиной, Ц.Ц. Огдоновой, Н.Н. Скворцовой и др. [Черемисина, 1967; 1973; Шанский, 1969; Хайруллина, 1996; Огдонова, 2000; Скворцова, 2003, и др.]. Интерес лингвистов к языковой метафоре в слове и тексте в исследованиях лингвистов Г.Н. Скляревской, В.А.Н. Телия, А.П. Чудинова конца 80-х годов XX века — начала 2000-х годов XXI века и др. [Скляревская, 1987; 2017; Телия, 1988; Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности, 1991; Чудинов, 2004] также способствовал развитию исследований, посвященных зооморфным метафорам — зооморфизмам.

Во втором десятилетии XXI века данные исследования развиваются по трем основным направлениям: во-первых, изучается семантическое наполнение отдельных зооморфизмов в разных языковых картинах мира на примере отдельных языков (русского, алтайского и др.) [Тыбыкова, 2008; 2015; Сиссе Кумба, 2015, и др.]; во-вторых, большое внимание уделяется сопоставительной характеристике близких по семантике зооморфизмов в разных близкородственных и неблизкородственных языках [Рыжкина, Чакрыроглу, 2009; Белеева, Сафуанова, 2015; Гридина, Коновалова, 2020; Николаева, 2022]. Третье направление, так или иначе связанное с интересующими нас функционально-стилевыми аспектами, обусловлено высоким оценочным потенциалом зооморфизмов [Sansyzbayeva, 2018; Рябова, 2018; Шарова, 2023].

Так, описывая способности этого пласта лекции выражать самые разнообразные эмоции — недовольства и раздражения, злости, ярости и гнева, И.Н. Рябов и Г.В. Рябова отмечают, что «... эмотивные зооморфизмы приобретают в речи экспрессивно-эмоциональные значения. Данные лексические единицы выступают как образные сравнения, которые возникают в сознании человека и ассоциируются с образом того или иного животного. Его характеристики при этом переносятся на объект речи... функция эмотивных зооморфизмов в речи состоит в выражении эмоционального восприятия и отношения субъекта речи к определенному факту объективной действительности» [Рябов, Рябова, 2018, с. 60–61]. Подчеркивая прагматические аспекты функционирования зооморфных метафор в процессе их использования в речи,

С.К. Сансызбаева указывает несколько факторов, способствующих их широкому распространению в коммуникативной практике. К ним относятся: «1. Схожесть некоторых внешних признаков и особенностей поведения животных с внешностью и поведением человека... 2. Стремление участника коммуникации эмоционально, оригинально, по-новому обозначить какие-либо предметы... 3. ... набор идентификационных семантико-стилистических признаков названий животных, которые, функционируя в воздействующей функции, приобретают разнообразные коннотации и становятся эффективным средством субъективной оценки собеседника» [Sansyzbayeva, 2018]. Исследователь выделяет и основные стиливые черты зооморфной лексики, к которой относит «непринужденность, спонтанность, эмоциональность и др. В качестве языковых единиц для общения в различных речевых ситуациях отбираются разговорные, зачастую бранные, иногда — просторечные, для яркого выражения чувств и отношения к объекту речи» [Там же]. Таким образом, прагматические функции зооморфизмов в речи определяют актуальность изучения их стилистического потенциала с точки зрения функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной окраски.

Цель данного исследования — описание наиболее употребительных зооморфизмов современного русского языка с точки зрения их функционально-стилевой маркированности в русском языке на основе лингвостилистического и лексикографического анализа языковых единиц, относящихся к тематической подгруппе «Домашние животные».

Материал и методы исследования

На основании изученных научных и словарных источников¹ был сформирован перечень наиболее употребительных зооморфизмов русского языка, в который вошли следующие лексемы: *собака, свинья, овца, кошка, корова, лошадь, коза, кобыла, пес, козел, бык, баран*. Дан-

¹ Основными источниками материала послужили электронные ресурсы: Сайт КАРТАС-ЛОВ.РУ; ФЭБ: Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор; Электронная база ресурса «Словари и энциклопедии на Академике» (в том числе словари: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс [и др.], 2009.; Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1980-1984 (МАС); Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935-1940); а также словари: Ляшевская О.С., Шаров С.А. Частотный словарь русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Азбуковник, 2009; Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2009; Молодежный сленг: толковый словарь / Т.Г. Никитина. М., 2009, и др.

ные зооморфизмы, по мнению исследователей, являются наиболее распространенными в речи современных носителей русского языка [Самадов, 2023].

Для решения поставленных задач использованы метод научного описания, приемы стилистического и текстового анализа, прием статистических подсчетов.

Результаты исследования **Понятие стилистической окраски** **и шкала стилистических противопоставлений**

Удобным инструментом для проведения такого сопоставления является предложенная О.А. Крыловой «шкала стилистических противопоставлений» [Кожин, Крылова, Одинцов, 1982, с. 70], основанная на категории **стилистической окраски**. Как отмечает исследователь, данная категория имеет сложный характер прежде всего потому, что она состоит «по крайней мере, из двух компонентов: 1) стилистическая окраска, раскрывающая экспрессивно-эмоциональное содержание речи, и 2) стилистическая окраска, указывающая на область общественного применения языкового средства» [Кожин, Крылова, Одинцов, 1982, с. 69–70]. Вслед за О.А. Крыловой назовем эти виды окраски соответственно 1) эмоционально-экспрессивной окраской; 2) функционально-стилевой окраской [Там же, с. 70]. Эти два вида окраски необязательно присутствуют в каждой языковой единице, поэтому целесообразно создать две шкалы стилистических противопоставлений, основанных на двух сторонах стилистической окраски:

Обобщенная шкала стилистических противопоставлений может быть представлена следующим образом [Кожин, Крылова, Одинцов, 1982, с. 70]:

плюс (+) / ноль (0) минус (–)

С опорой на данную шкалу сформируем **две разные шкалы стилистических противопоставлений**:

1) Шкала (I): эмоционально-экспрессивная окраска (ЭЭО):

Положительная окраска (+) / нейтральная (0) / отрицательная окраска (–)

2) Шкала (II): функционально-стилевая окраска (ФСО):

Книжная (+) / нейтральная (0) / разговорная (–) / выходящая за пределы литературного языка (просторечная, жаргонная) (=)

Как отмечает О.А. Крылова с опорой на определение Л.А. Киселевой, под **эмоциональностью** понимается «...выражение душевного пе-

реживания, волнения говорящего» (цит. по: [Кожин, Крылова, Одинцов, 1982, с. 71]), которое создается разнообразным комплексом средств, среди которых «интонация, на письме выражаемая знаками препинания, различными графическими знаками и порядком слов; восклицательные и вопросительные предложения, номинативные предложения, а также отдельные разряды слов, которые можно назвать эмоциональными ... некоторые междометия и некоторые эмоциональные частицы, которые не содержат оценки и выражают „чистые“ эмоции: радость, удивление, испуг, страх, горе...» [Там же, с. 72]. Проведенный стилистический анализ зооморфизмов показал, что они, с одной стороны, обладают **высоким эмоционально-оценочным потенциалом**, а с другой — балансируют на грани **литературного (разговорного) языка и русского экспрессивного просторечия**, следовательно, их оценочный потенциал может быть конкретизирован с помощью обеих шкал стилистических противопоставлений.

Шкала стилистических противопоставлений наиболее частотных зооморфизмов русского языка

Основой для определения вида окраски стали словарные пометы, указывающие как на сферу функционирования языковой единицы, так и на ее эмоционально-оценочный потенциал.

Данные сопоставительного анализа представлены в таблице 1 «Шкала стилистических противопоставлений (по данным словарных источников)».

Проведенный сопоставительный анализ на основе двух шкал стилистических противопоставлений (эмоционально-экспрессивной и функционально-стилевой) позволил сделать вывод относительно распределения выявленных стилистических свойств анализируемых зооморфизмов, а также процентного соотношения выявленных признаков внутри анализируемой группы.

Эмоционально-экспрессивная окраска и словарные пометы. Наличие **положительной и отрицательной окраски** у одних и тех же зооморфизмов в зависимости от ситуации их употребления выявлено у четырех номинаций: *собака, лошадь, коза и бык* (что составляет 33,4% от общего числа проанализированных зооморфизмов). У остальных восьми зооморфизмов актуализирована **только отрицательная (негативная) эмоционально-экспрессивная окраска**. Это номинации *свинья, овца, кошка, корова, кобыла, пес, козел, баран* (66,6%).

Таблица 1
Шкала стилистических противопоставлений зооморфизмов (по данным словарных источников)

Зооморфизм	Функционально-стилевая окраска / ФСО (словарные пометы)					Эмоционально-экспрессивная окраска / ЭЭО	
	положительная +	отрицательная -	книжная +	разговорная -	просторечная =	словарные пометы	
<i>Собака</i>	+ ²	+	-	+	+	Бранное Разговорно-сниженное	Риторическое Просторечное
<i>Свинья</i>	-	+	-	+	-	Бранное Презрительное	Разговорное
<i>Овца</i>	-	+	-	+	-	Пренебрежит.	Разговорное Риторическое
<i>Кошка</i>	-	+	-	+	++	Грубое Сниженное Порицающее или Бранное Неодобрит.	Просторечное Разговорно-сниженное
<i>Корова</i>	-	+	-	-	++	Грубое Насмешливое Бранное	Просторечное Вульгарное
<i>Лошадь</i>	+	+	-	+	+	Грубое Бранное	Разговорно-сниженное
<i>Коза</i>	+	+	-	+	+	Шутливое Грубое	Разговорное Просторечное

² Здесь и далее знаком «+» обозначается наличие окраски, знаком «-» — ее отсутствие.

Окончание табл. №1

Кобыла	-	+	-	-	++	Грубое Бранное Пренебрежит.	Просторечное Вульгарное Жаргонное
Пес	-	+	-	-	+	Бранное Презрит. Грубое	Просторечное Риторическое
Козел	-	+	-	+	+	Насмешливое Грубое Презрительное Неодобрит. Бранное	Простореч- ное разговорно- сниженное Жаргонное Вульгарное
Бык	+	+		+	-	Насмешливое или Неодобрит.	Разговорное Жаргонное Криминальное
Баран	-	+	-	+	+	Бранное Пренебрежит. Неодобрит. Шутливое	Разговорно- сниженное Просторечное

Словарные пометы, свидетельствующие о наличии **эмоционально-экспрессивной** (оценочной) **коннотации** (оттенков значений), представлены несколькими типами:

1) помета **презрительное**, фиксирующая наиболее негативные (отрицательные) свойства личности (невежество, бескультурье, низменные наклонности, грубость, низость, неблагодарность, неопрятность, неряшливость, вызывающие негодование и раздражение по поводу каких-либо недостойных поступков человека, упрямством, глупостью, ненужностью) и отношение к ним носителей русского языка, сформировавшееся в русской языковой картине мира (отмечена у зооморфизмов *свинья, пес, козел*);

2) помета **пренебрежительное**, указывающая на наличие каких-либо физических или умственных недостатков, также осуждаемых обществом (отмечена у зооморфизмов *овца, кобыла, баран*);

3) пометы **неодобрительное, порицающее**, направленные на фиксацию отклонений в поведении человека или внешнем облике как нарушающих традиции национального сообщества (отмечена у зооморфизмов *кошка, козел, бык, баран*);

4) пометы **эмоционального** типа: **насмешливое, шутовское** (отмечена у зооморфизмов *корова, коза, баран*).

Пометы **обобщающего типа**, характеризующие отнесенность к эмоционально-экспрессивному пласту в **целом**:

помета **бранное**, фиксирующая высокий инвективный (оскорбительный) потенциал зооморфизма (отмечена у 80% изученных зооморфизмов, кроме номинаций *овца* и *бык*) (см. табл. 1);

помета **грубое**, определяющая степень оскорбительного потенциала наименования человека и возможность его использования в публичной речи: *свинья, пес, коза, козел, кошка, корова, лошадь* (см. табл. 2).

2. Функционально-стилевая окраска и словарные пометы. С точки зрения этого вида окраски изученная группа зооморфизмов не является однородной. Только 3 зооморфизма (*свинья, овца и бык*) относятся, согласно словарям, к разговорному пласту русского языка, что составляет 25% от общего числа изученных зооморфизмов. 6 номинаций имеют двойную функционально-стилевую окраску: просторечную и разговорную: *собака, кошка, лошадь, коза, козел, баран*, причем у зооморфизмов *собака, кошка, лошадь, козел, баран* словарная помета «разговорная» сопровождается усилением «сниженная», т.е. «разговорно-сниженная». К русскому просторечию относятся зооморфизмы *собака* и *кобыла* (см. табл. 3).

Таблица 2

**Сопоставительная характеристика зооморфизмов,
сопровождаемых в словарях эмоционально-экспрессивными
пометами**

	Презрит.	Пренебре- жит.	Неодобрит. Порицающ.	Насмешл. Шутливое	Бранное	Грубое
Зооморфизм / Помета	<i>Свинья Пес Козел</i>	<i>Овца Кобыла Баран</i>	<i>Кошка Козел Бык Баран</i>	<i>Коза Баран</i>	<i>Собака (распро- страненное ругательство) Свинья Кошка Корова Лошадь Коза Кобыла Пес Козел Баран</i>	<i>Кошка Корова Лошадь Коза Кобыла Пес Козел</i>

Таблица 3

**Виды функционально-стилевой окраски наиболее
распространенных зооморфизмов современного русского языка**

Зооморфизмы		
разговорные	разговорно- сниженные	просторечные
<i>Свинья Овца Бык</i>	<i>Собака Кошка Лошадь Козел Баран</i>	<i>Собака, кошка, лошадь, коза, козел, баран, пес, корова, кобыла</i>

3. Дополнительные функционально-стилевые пометы (табл. 4). В словарях, содержащих лексику, выходящую за пределы литературного языка — грубо просторечную, жаргонную и под. (В.В. Химик. 2004; и др.), представлены дополнительные функционально-стилевые пометы, которые относятся и к группе зооморфизмов.

В.В. Химик выделяет 10 подслоев, среди которых есть группы, в которые входят зооморфизмы. Кроме отмеченных ранее — «разговорно-литературные слова и выражения с элементами снижающей экспрессии, эмоциональности и образной оценки», «собственно просторечные грубые и бранные экспрессивы» (В.В. Химик, 2004. С. 12), — в группе зооморфизмов выделяются следующие:

1) «низкая маргинальная лексика и вульгарное „физиологическое“ сквернословие», сопровождаемое пометой «*вульгарное ... т.е. до крайности сниженное и упрощенное*» (В.В. Химик. 2004. С. 10); по данным словарей, такая окраска присутствует в зооморфизмах *корова, кобыла, козел* (см. табл. 1, 3);

2) «общежаргонное просторечие ... основным источником... являются частные жаргонные системы, социальные и профессиональные...» (В.В. Химик. 2004. С. 11), среди изученных зооморфизмов такой окраской обладают номинации *кобыла* и *козел*, сопровождаемые в некоторых словарях пометой *жаргонное*;

3) «собственно жаргонные единицы (криминальные, молодежные, подростковые, армейские и др.), тяготеющие к широкой употребительности или общеизвестные» (В.В. Химик. 2004. С. 12). Такой окраской обладает зооморфизм *бык*, используемый в значении «Налетчик, вымогатель, рэкетиры» с пометами «*жаргонное, криминальное*» (В.В. Химик. 2004. С. 65);

4) к дополнительным пометам, которые отмечают языковые единицы по выполняемой функции преимущественно в публичной речи, относится помета «*риторическое*»; ее можно встретить в некоторых словарях у зооморфизмов, например: *пес*: «О человеке, вызывающем негодование, заслуживающем презрения (*ритор.*)». *Прочь отсюда, псы, холопы. А.Н. Толстой. Фашистские псы*³; *овца*: «*Заблудшая овца — риторическое*: о беспутном, сбившемся с правильного пути человеке»⁴.

Таблица 4

Дополнительные словарные пометы, отмеченные у зооморфизмов

Дополнительные словарные пометы			
на грани литературного языка	выходящие за пределы литературного языка		
<i>риторическое</i>	<i>вульгарное</i>	<i>жаргонное</i>	<i>жаргонное криминальное</i>
<i>Пес</i> <i>Овца</i>	<i>Корова</i> <i>Кобыла</i> <i>Козел</i>	<i>Кобыла</i> <i>Козел</i>	<i>Бык</i>

Заключение

По замечанию О.А. Крыловой, несмотря на различную природу эмоционально-экспрессивной и функционально-стилевой окраски,

³ <https://kartaslov.ru/значение-слова/пёс>

⁴ [https://kartaslov.ru/значение-слова/заблудшая+овца#:~: text=Заблудшая](https://kartaslov.ru/значение-слова/заблудшая+овца#:~:text=Заблудшая)

оба эти вида следует считать разными сторонами одного и того же явления, называемого стилистической окраской: «... в процессе функционирования единиц языка происходит взаимодействие обеих сторон, обоих типов стилистической окраски» [Кожин, Крылова, Одинцов, 1982, с. 78–79], что подтверждается следующими фактами:

1) В некоторых случаях «определенная функционально-стилевая окраска **предопределяет** наличие эмоционально-экспрессивной окраски у этой языковой единицы» [Там же, с. 78], например, зооморфизмы, относимые к пластам лексики, выходящим за пределы литературного языка (просторечия, жаргонизмы, см. табл. 1, 3), обладают **высоким эмоционально-оценочным потенциалом** и содержат негативную оценку личности; помету «бранное» имеют 80% номинаций (табл. 1); наиболее высоким негативно-оценочным потенциалом обладают просторечные зооморфизмы *свинья, пес, козел*, сопровождаемые в словарях пометой «презрительное», зооморфизмы *овца, кобыла, баран*, отмеченные в словарях пометами «*пренебрежительное*», «*неодобрительное*» и «*порицающее*» (зооморфизмы *кошка, козел, бык, баран*).

2) Причиной смены эмоционально-экспрессивной окраски с нейтральной на эмоционально-оценочную может служить «смена сферы функционирования языковой единицы, в которой ранее было закреплено ее функционально-стилевое значение, на противоположное, не закрепленное социальными традициями» [Кожин, Крылова, Одинцов, 1982, с. 78–79], как это произошло, например, с зооморфизмом *бык*: переносное разговорное употребление лексемы *бык*, характеризующее «крупного, здорового, сильного (обычно упрямого) человека, в криминальном жаргоне приобрело значение „налетчик, вымогатель, рэкети́р“» (часто жаргонные слова, становясь фактом национального языка, меняют привычную окраску для своей сферы и воспринимаются как экспрессивно-оценочные).

3) На соотношение функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной окраски может повлиять и то, каким образом «стилистически окрашенные единицы взаимодействуют с другими единицами и каким образом окрашивают текст» [Кожин, Крылова, Одинцов, 1982, с. 79]. Данное явление мы наблюдали, когда рассматривали устойчивые обороты, образованные на основе негативно-оценочных зооморфизмов.

Например, в переносном значении *просторечный* зооморфизм *кошка* употребляется, когда говорят о людях, внешностью или поведением схожих с кошкой. Однако негативный потенциал данного зооморфизма проявляется при употреблении его в составе фразеологических единиц, где он может приобретать *грубо-просторечный* оттенок, например: *Драная кошка* — «(*грубое просторечное*) — о худой, жалкого

вида женщине⁵; или в словосочетании «Кошка-лизунья», где существительное «лизунья» употреблено в значении: «... разговорное сниженное „Льстивая женщина, отличающаяся подхалимажем“». 2. Употребляется как порицающее или бранное слово»⁶.

Изучение стилистического потенциала зооморфизмов характеризует первый этап исследования, перспективы которого видятся, во-первых, в сравнении функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной окраски исследуемых единиц русского языка с аналогичными пластами других неблизкородственных языков (лингвокультурологический аспект), во-вторых, изучение и описание особенностей реализации оценочного потенциала зооморфизмов в текстах разных сфер общения (функционально-прагматический аспект).

Библиографический список

Белеева И.Д., Сафуанова М.С. Зооморфизмы как фрагмент русской и французской языковых картин мира. Электронный ресурс https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/33677/1/iyalvmop_2015_38.pdf.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Метафора в свете национальной ментальности: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. Электронный ресурс <http://elar.uspu.ru/handle/uspu/15699>

Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982. 223 с.

Николаева Н.В. Функционирование зоонимов в сравнениях и метафорах разносистемных языков (на материале русского, чувашского, английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2022. Электронный ресурс https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2022/05/nikolaeva_nv-disser.pdf

Огдонова Ц.Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. Электронный ресурс https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_bi_bl_267700?page=2&rotate=0&theme=white

Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 159 с.

Ройзензон Л.И. К изучению природы устойчивых сравнительных оборотов // IX координационное совещание по вопросам фразеологии. Баку, 1964. С. 8–9.

⁵ <https://kartaslov.ru/значение-слова/драный>

⁶ <https://sanstv.ru/dict/лизунья>

Рыжкина О.А., Чакыроглу С. Исследование зоонимических метафор в русской и турецкой лингвокультурах (предварительные данные) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Т. 7. Вып. 2. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-zoonimicheskikh-metafor-v-russkoy-i-turetskoy-lingvokulturah-predvaritelnye-dannye/viewer>

Рябов И.Н., Рябова Г.В. Использование зооморфизмов в презентации эмоций (на материале эрзянского языка) // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 58–67. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.02.058-067>

Самадов Х.Н. угли. Функции зооморфной метафоры в современном русском языке (на материале частотного словаря Национального корпуса русского языка) // Филология — XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании: материалы научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка «Воробьевские чтения-2022»: сб. науч. статей / под ред. Т.В. Чернышовой. Барнаул: АлтГУ. 2023. Вып. 4. Текст: электронный. Электронный ресурс <http://elibrary.asu.ru/xmlui/bitstream/handle/asu/13968/book.pdf?isAllowed=y&sequence=1>

Сафаралиева Г. М.-К. Зооморфная метафора как способ образной характеристики человека (на материале русского и азербайджанского языков) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 3. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/zoomorfная-metaphora-kak-sposob-obraznoy-harakteristiki-cheloveka-na-materiale-russkogo-i-azerbaydzhanskogo-yazykov>

Сиссе Кумба. Основные образы зооморфного кода русской и сенегальской культуры // Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке: мат.-лы Междунар. студ. форума. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. С. 13–17.

Скворцова Н.Н. Структурные и семантические особенности устойчивых сравнительных оборотов русского языка // Навуковыя шпыткі ФМА: Дзяржава, гаспадарка, адукацыя. Вып. 1. Мінск: РІВШ БДУ, 2003. С. 71–79.

Скляревская Г.Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 58–65.

Скляревская Г.Н. Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия / Мир русского слова. 2017. № 4. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-i-sravnenie-logicheskie-semanticheskie-i-strukturnye-razlichiya/viewer>

Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. 175 с.

Тыбыкова Л.Н. К вопросу о семантической структуре зооморфного образа «собака» в алтайском и русском языках // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории государства Российского. Бийск: БГПУ им. В. М. Шукшина, 2006. С. 115–124.

Тыбыкова Л. Н. Специфика зооморфных образов пöтүк 'петух' и такаа 'курица' в алтайском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 9: Филология. С. 235–240.

Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями). М.: Прометей, 1996. 147 с.

Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия и др. М.: Наука, 1991. 214 с.

Черемисина М.И. Сравнения-фразеологизмы русского разговорного языка // Русский язык за рубежом. 1967. № 2. С. 72–77.

Черемисина М.И., Захарова А.В. Зоохарактеристика «петух» по данным опроса информантов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 69–73.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

Шарова А.А. Лингвокультурологический и гендерный анализ зооморфизмов русского и английского языков // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_112

Sansyzbayeva S. Прагматические аспекты функционирования зооморфной метафоры // Eurasian Journal of Philology Science and Education. 2018. № 166 (2). С. 225–229. Электронный ресурс <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/2340>

Источники

Ляшевская О.С., Шаров С.А. Частотный словарь русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Азбуковник, 2009. 1087 с.

Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь. М.: АСТ, 2009. 912 с.

Сайт КАРТАСЛОВ.РУ. Электронный ресурс <https://kartaslov.ru/>

Словари и энциклопедии на Академике. Электронный ресурс <https://dic.academic.ru>

ФЭБ: Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. Электронный ресурс <https://feb-web.ru>

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2009. 762 с.

References

Beleeva I.D., Safuanova M.S. Zoomorphisms as a fragment of the Russian and French linguistic pictures of the world). Retrieved from: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/33677/1/iyalvmop_2015_38.pdf. (In Russian).

Gridina T.A., Konovalova N.I. Metaphor in the light of national mentality, Ekaterinburg, 2020. Retrieved from: <http://elar.uspu.ru/handle/uspu/15699>. (In Russian).

Kozhin A.N., Krylova O.A., Odintsov V.V. Functional types of Russian speech, Moscow, 1982, 223 p. (In Russian).

Nikolaeva N.V. Functioning of zoonyms in comparisons and metaphors of languages with different systems (based on Russian, Chuvash, English and German). Abstract of Philol. Cand. Diss. Cheboksary, 2022. Retrieved from: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2022/05/nikolaeva_nv-diss.pdf (In Russian).

Ogdonova Ts.Ts. Zoomorphic vocabulary as a fragment of the Russian linguistic picture of the world. Abstract of Philol. Cand. Diss. Irkutsk, 2000. (In Russian).

Ogoltsev V.M. Stable comparisons in the system of Russian phraseology, Leningrad, 1978, 159 p. (In Russian).

Roizenzon L.I. On the study of the nature of stable comparative phrases. *X koordinatsionnoye soveshchaniye po problemam frazeologii*. = IX coordination meeting on phraseology issues, Baku, 1964, pp. 8–9. (In Russian).

Ryzhkina O. A., Chakyroglu S. Study of zoonymic metaphors in Russian and Turkish linguacultures (preliminary data). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Novosibirsk State University: Linguistics and intercultural communication, 2009, vol. 7, iss. 2. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-zoonimicheskikh-metafor-v-russkoy-i-turetskoy-lingvokulturah-predvaritelnye-dannye/viewer> (In Russian).

Ryabov I.N., Ryabova G.V. Use of zoomorphisms in the presentation of emotions (based on the Erzya language). *Finno-ugorskiy mir* = Finno-Ugric world, 2018, no. 2, pp. 58–67. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.02.058-067> (In Russian).

Samadov Kh. N. ugli. Functions of zoomorphic metaphor in the modern Russian language (based on the frequency dictionary of the National Corpus of the Russian language. *Filologiya — XXI vek: problemy, perspektivy, novatsii v nauke i obrazovanii* = Philology–XXI century: problems, prospects,

innovations in science and education, Barnaul, 2023, iss. 4. Retrieved from: <http://elibrary.asu.ru/xmlui/bitstream/handle/asu/13968/book.pdf?isAllowed=y&sequence=1> (In Russian).

Safaralieva G. M.-K. Zoomorphic metaphor as a way of figuratively characterizing a person (based on the Russian and Azerbaijani languages). *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moscow University, 2013, no. 3. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zoomorfhnaya-metafora-kak-sposob-obraznoy-harakteristiki-cheloveka-na-materiale-russkogo-i-azerbaydzhanskogo-yazykov> (In Russian).

Cisse Kumba. The Main Images of the Zoomorphic Code of Russian and Senegalese Culture. *Studencheskoye soobshchestvo i razvitiye gumanitarnykh nauk v nauki v XXI veke* = Student Community and the Development of the Humanities in Science in the 21st Century, Voronezh, 2015, pp. 13-17. (In Russian).

Skvortsova N.N. Structural and Semantic Features of Set Comparative Phrases of the Russian Language. *Navukovyya sshytki FMA: Dzyarzhava, gaspadarka, adukatsyya* = Scientific Links of the FMA: Education, Culture, and Education, iss. 1, Minsk, 2003, pp. 71-79. (In Russian).

Sklyarevskaya G.N. Language Metaphor in the Dictionary. An Experience of Systemic Description. *Voprosy yazykoznaniya* = Questions of Linguistics, 1987, no. 2, pp. 58-65. (In Russian).

Sklyarevskaya G.N. Metaphor and comparison: logical, semantic and structural differences. *Mir russkogo slova* = The world of the Russian word, 2017, no. 4. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-i-sravnenie-logicheskie-semanticheskie-i-strukturnye-razlichiya/viewer> (In Russian).

Teliya V.N. Metaphor in language and text, Moscow, 1988, 175 p. (In Russian).

Tybykova L.N. On the issue of the semantic structure of the zoomorphic image of "dog" in the Altai and Russian languages. *Sotsiokul'turnoye vzaimodeystviye altayskogo i russkogo narodov v istorii gosudarstva Rossiyskogo* = Sociocultural interaction of the Altai and Russian peoples in the history of the Russian state, Biysk, 2006, pp. 115-124. (In Russian).

Tybykova L.N. Specificity of zoomorphic images пӧрӱк 'rooster' and takaa 'hen' in the Altai language. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Novosibirsk State University, 2015, vol. 14, iss. 9, pp. 235-240. (In Russian).

Khairullina R.Kh. Picture of the world in Russian phraseology (in comparison with Bashkir parallels), Moscow, 1996, 147 p. (In Russian).

The human factor in language: language mechanisms of expressiveness (Ed. V.N. Teliya et al), Moscow, 1991, 214 p. (In Russian).

Cheremisina M.I. Comparisons-phraseologisms of the Russian colloquial language. *Aktual'nyye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* = Russian language abroad, 1967, no. 2, pp. 72–77. (In Russian).

Cheremisina M.I., Zakharova A.V. Zoocharacteristics of "rooster" according to the survey of informants. = Actual problems of lexicology and word formation, Novosibirsk, 1973, iss. 2, pp. 69–73. (In Russian).

Shansky N.M. Phraseology of the modern Russian language, Moscow, 1985, 160 p. (In Russian).

Sharova A.A. Lingvocultural and gender analysis of zoomorphisms of the Russian and English languages. *Verhnevolzhski philological bulletin* = Upper Volga Philological Bulletin, 2023, no. 1 (32). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_112 (In Russian).

Sansyzbayeva S. Pragmatic aspects of the functioning of zoomorphic metaphor. = Eurasian Journal of Philology Science and Education, 2018, no. 166(2), p. 225–229. Retrieved from: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/2340> (In Russian).

List of Sources

Lyashevskaya O.S., Sharov S.A. Frequency dictionary of the Russian language based on the materials of the National Corpus of the Russian language, 2009, 1087 p.

Nikitina T.G. Youth slang: explanatory dictionary, Moscow, 2009, 912 p.

Website KARTASLOV.RU. Retrieved from: <https://kartaslov.ru/>

Dictionaries and encyclopedias on Academician. Retrieved from: <https://dic.academic.ru>

FEB: Fundamental Electronic Library. Russian literature and folklore. Retrieved from: <https://feb-web.ru>

Khimik V.V. Large dictionary of Russian colloquial expressive speech. St. Petersburg, 2009, 768 p.

ТРОПЕИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ИДИОСТИЛЕ Е.Д. АЙПИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «В ПОИСКАХ ПЕРВОЗЕМЛИ»)

Г.В. Ануфриева

Ключевые слова: троп, гипертроп, идиостиль, региональный текст, проза Е. Айпина, роман «В поисках Первоземли»

Keywords: trope, hypertrope, idiostyle, regional text, prose of E. Aipin, Novel «In Search of the First Earth»

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–09](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–09)

Введение

Поэтика художественной речи Е. Айпина базируется на пересечении двух языков и культур — русской и хантыйской. Несмотря на то что многие произведения прозаика написаны на русском языке, а некоторые переведены на европейские языки, его творчество принято относить к региональной литературе как к особому литературно-художественному феномену, соприкасающемуся с разговорным и литературным языком, а также с духовной народной культурой и традициями (см.: [Исакова, 2018; Косинцева, 2010; Кукуева, 2020; Сязи, 2017] и др.). Характеризуя типологические черты регионального текста, Е.Ш. Галимова отмечает: «Художественная картина мира, запечатленная в том или ином региональном литературном свертке, включает в себя совокупность ландшафтных характеристик, образов природы, человека, его места в мире, общие категории пространства, времени, движения, а также особый склад мышления. Отражая своеобразие менталитета этнокультурных групп, она оказывается связанной, с одной стороны, с индивидуально-авторским, субъективно-личностным образом мира, а с другой — с общенациональной картиной мира» [Галимова, 2012]. В прозе Е.Д. Айпина отразились мировоззрение, фольклорные и мифопоэтические мотивы жителей обского севера. Признание творчества писателя «новой образной системой, ранее отсутствовавшей в хантыйской литературе» [Сязи, 2017, с. 7], на наш взгляд, во много определяется значимостью системы изобразительно-выразительных средств.

Целью статьи является описание тропеической системы как ключевой черты идиостиля Е.Д. Айпина.

Прежде чем перейти к анализу, рассмотрим основные понятия исследования. Традиционно под тропом понимается «употребление слова в переносном (не прямом) его значении для характеристики какого-либо явления при помощи вторичных смысловых оттенков, присущих этому слову и уже непосредственно не связанных с его основным значением. ... Троп представляет собой двухчастное словосочетание, в котором одна часть выступает в прямом, а другая — в переносном значении» [Словарь литературоведческих терминов, 1974, с. 427]. В теории художественной речи тропы рассматриваются в качестве поэтических приемов, представляющих собой «стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте и рассматриваемые в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи идейно-художественного содержания текста и создания эстетического эффекта» [Липгарт, 2007, с. 18–19].

В художественном тексте каждый троп может функционировать отдельно или в сочетании с другими тропами и стилистическими фигурами. В результате такого соединения рождается гипертроп. Данное средство образности Н.Д. Цыганова рассматривает «как сложное явление с точки зрения создания и восприятия, как сплетение, неразрывное слияние нескольких тропов, что позволяет автору текста не только усиливать зримость и наглядность изображаемого, но и передавать неповторимость, индивидуальность предметов или явлений, проявляя при этом глубину и характер собственного ассоциативно-образного мышления, видения мира, меру таланта» [Цыганова, 2018, с. 64].

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужил текст романа «В поисках Первоземли», вышедший в 2019 году. Исследовательский интерес к данному произведению вызван несколькими причинами. Во-первых, оно изучено в большей степени с литературоведческой точки зрения. Айпиноведы описывают мифопоэтику романа [Ларкович, 2021], изучают вопросы национальной идентичности героев [Колягина, 2021], обращаются к анализу ценностных ориентиров как концептуального видения человека и мира в романе [Семенов, 2023]. Во-вторых, лингвистическая интерпретация художественного текста через описание языковых средств носит пока фрагментарный характер. Так, например, в статье Н.Г. Долженко и С.Д. Глуховой [2024] проанализирована лексика, формирующая художественный образ главного героя. Справедливым, на наш взгляд, является мнение Д.В. Ларковича, который отмечает: «Роману только предстоит завоевать широкую читательскую аудито-

рию и попасть в фокус исследовательского интереса» [Ларкович, 2021, с. 174]. Наша работа представляет собой одну из возможных попыток анализа романа Е.Д. Айпина «В поисках Первоземли» с точки зрения лингвистической поэтики, предполагающей анализ тропеической системы, раскрывающей особенности идиостиля писателя.

При работе над материалом мы опирались на имманентный анализ, включающий целостное и последовательное изучение изобразительно-выразительных средств в структуре художественного текста. Также был использован лингвопоэтический анализ, цель которого состояла в определении того, как «та или иная единица языка включается автором в процесс словесно-художественного творчества, каким образом то или иное своеобразное сочетание языковых средств приводит к созданию данного эстетического эффекта» [Задоронова, 1992, с. 19]. Методика анализа позволяет выявить устойчивые характеристики речупотребления изобразительно-выразительных средств, закономерно-сти функционирования и выйти к пониманию их роли в составе художественного целого.

Результаты исследования

Роман «В поисках Первоземли» состоит из 10 новелл, каждая из которых содержит эпизод из хантыйской мифологии: «Легенда о птице Лули», «Большая Вода Всемирного потопа», «Священный остров Первоземли», «В ковчеге у мамы», «Миф о покровительнице Большой Реки», «Небесный и Сатана», «Миф о Золотом Царе-старике» и др. Главы объединяют три хронотопа. Первый — мифологический, представленный хантыйскими легендами, понятными главному герою Матвею Тайшину как представителю северной народности: «*Посланница Небесного Отца явилась мальчику восьми полных лет, двух небесных Лун и 21 дня от мгновения его очередного пришествия на Землю, по имени Матвей из рода Тайшиных, будущему Маэстро*» (с. 6)¹; второй — ретроспективный, обращающий читателя в сторону трагических событий перестроечного времени: «*Возможно, в будущем историкам еще предстоит выяснить значение этой мальтийской встречи в судьбе Советского Союза <...>. Отсюда начался распад великой сверхдержавы XX века*» (с. 268); третий — лирический, связанный с любовной линией героя: «*А возле Первоземли не пропусти, не пройди мимо Той, Единственной, Небом посланной, Богом данной, которая станет твоей судьбой*» (с. 30).

¹ Текст романа цитируется по изданию: Айпин Е. В поисках Первоземли. М.: РИПОЛ классик, 2019. 412 с. Далее в круглых скобках после цитаты указывается номер страницы.

Характеризуя композицию романа, Д.В. Ларкович отмечает: «калейдоскопичность повествовательной структуры создает ощущение хаоса, в условиях которого протекает жизнь человека кризисной эпохи. Вместе с тем по ходу развития сюжета в этой хаотической череде повествовательных фрагментов обнаруживается своя особая логика. Создавая точки драматического пересечения линейного и циклического времени, <...> автор как бы акцентирует идею бесконечного многообразия и диалектического единства бытия» [Ларкович, 2021, с. 179]. Совмещение пространственно-временных координат передает динамику поиска «Первоземли» как истинного смысла жизни человека. Этим поиском занят герой романа Матвей Тайшин (Маэстро), художник, из древней династии остяцких князей. Для него место человека в мире определяется неразрывной связью поколений, ценностью семьи и ощущением себя частью Природы.

Первоземля в произведении является ключевой метафорой. Нельзя не согласиться на этот счет с точкой зрения А.Н. Семенова: «В романе Еремея Айпина Первоземля — это развернутая метафора. Задача этой метафоры заключается в том, чтобы, с одной стороны, раскрыть все многообразие содержания, которое вмещает в себя Первоземля как богатый образ <...>. А с другой стороны, через все содержание романа проходит мысль о том, насколько трудоемким является поиск Первоземли» [Семенов, 2023, с. 68]. Являясь скрытым сравнением, метафора транслирует семантическую емкость и образность словесного употребления, что позволяет ей в художественном тексте представить изображаемое под необычным углом зрения. С помощью данного тропа автор выражает «индивидуальный опыт концептуализации и категоризации мира» [Болдырев, 2007, с. 25].

Метафора «Первоземли» композиционно объединяет все новеллы и их части. Например, в V главе «Человек мифа после сотворения мира» Первоземля — это семья, служащая оберегом для любого человека. Семейей дорожит Человек мифа, который в каждом своем путешествии помнит о доме и родителях («Земля и Человек мифа»). Как заклинание из уст Первочеловека звучит: *«Я живу. Пока я живу — будет моя мама. Пока я живу — будет мой папа. Пока я живу — будет Земля...»* (с. 172). Матвей Тайшин чувствует себя частью древнего рода. Разделяя заботы родичей, он помогает младшему брату в поисках сына («Исчезновение мальчика»; «Матвей у Небесного Отца»). Для этого герой прибегает к своему уникальному дару: проникает в Верхний мир к Небесному Отцу. В эту же главу входят истории о Роме-Самурае, именующем себя «инкубаторским», о Егоре Кузьмиче — советнике по делам Семьи

при Преемнике («Счастливым случай как закономерность»; «Уникальный бизнесмен»). Кульминацией в данной главе является трагическая история студентки Ланы, которую Матвей искренне любил и с жалостью называл «полусиротой» («Матвей на худграфе»; «Гибель Ланы»; «Лана в невидимом мире»).

Образ «Первоземли» в тексте дополняется метафорами, связанными с очеловечиванием природы как важнейшей черты мировоззрения ханты: *«Перед его взором теперь другая картина. Как ни откроет глаза — все костерок. <...> Дымок к небу. Тихий **говор** огня. Вздохи большой воды. Глухой **шепот** ветра за меховой стенкой»* (с. 390). С помощью тропа автор превращает костер, воду, ветер в живые образы-обереги, так необходимые для исцеления души Егора Кузьмича, полетевшего к Роме-Самураю.

Сравнения, используемые в романе, основываются на природных образах, отражающих национальную картину мира северного народа. Данный троп служит важной портретной деталью, которая формирует лиро-поэтическую линию в романе. Так, описание внешности Дженни зависит от восприятия Маэстро и тех чувств, которые он испытывает к женщине. Художник неистово влюблен, поэтому яркость, исключительность девушки подчеркиваются лексемами *«золотистый», «солнце», «небесное светило»: «Лицо у нее такое же **золотистое, как восходящее Солнце. И руки такие же золотистые, как Солнце. И волосы золотистые, как небесное светило**»* (с. 16). Портретная деталь также раскрывает характер персонажей: *«У него была своеобразная, яркая внешность: очень смуглая, почти черная кожа, огромный крючковатый нос, который делал его **похожим на хищную птицу. Вернее всего, орла**»* (Емельян Катрин) (с. 269); *«Ее волосы, с серой проседью, **напоминали длинный мох-лишайник на склонах северных суровых гор**»* (бабушка-знахарка) (с. 389). Растения, деревья, птицы, ставшие основой сравнения, говорят о том, что в идиистиле писателя человек — это часть природы. Нередко Айпин прибегает к объединению сравнения с метафорой, работающей на раскрытие образа того или иного персонажа: *«Божковым зрением он видел, как она щедрою рукою, мягкими и изящными движениями „**подкармливала**“ костер»* (Яна) (с. 21). Героине понятна божественная сила живой стихии огня, она сама на какое-то время становится его частью: *«Она удивительно сливалась с восходящим днем <...>. И была огнем костра. И была жаром пылующих углей»* (с. 21).

Мучительный поиск истинного предназначения художника и Первоземли как места счастья приводит художника к военной тематике. Война, изображенная на полотнах Маэстро, — это жестокая сила, ко-

торая разрушает привычное мироустройство северного человека, ведет к утрате идентичности с Матушкой Природой и со своим родом. Смерть человека, его родных, всего селения на картине боя изображается через сравнение с дождевыми червями: «Он увидел красно-черно-бурый склон боя. Черные танки. И длинные лиловые рваные кишки, **похожие на рваных дождевых червей**. И лица, лица, лица всех людей, кто ушел на войну и не вернулся» (с. 42). При описании этих трагических событий сам художник словно становится машиной, механизмом: «Время шло. Маэстро работал. Периодически он, **как сейсмограф**, улавливал эхо прошедшей Великой Отечественной войны. Почти неожиданно для себя он написал картину „Маршал Жуков в Берлине“» (с. 93). Сравнивая поведение художника Максима Тайшина с прибором, фиксирующим колебания земной поверхности, писатель, с одной стороны, указывает на особое, тонкое мировосприятие героя, с другой — говорит о его готовности как воина вступить в схватку с врагом. Что Матвей уже неоднократно делал в своей жизни, когда защищал возлюбленную и воевал в Афганистане.

Гипербола выступает как ключевой троп при изображении Ментального (Верхнего) мира и его обитателей. Она несет в себе экспрессивность и эмфатичность. Гипербола как фольклорный прием в данном романе позволяет ярко, выпукло и эмоционально выразить отношение автора к описываемым событиям, героям. Приведем фрагмент легенды о рождении Первоземли из кусочка земли, принесенного птицей Лули: «Сначала он (кусочек земли) **дорос до пяточка с бурундучью головку**. Затем стал величиной **с беличью голову**. Потом дотянул до **островка**. После — до **малого острова**, до среднего и со временем — до **большого острова**» (с. 25). С помощью гиперболизации словно по спирали раскручивается процесс рождения Земли. В основе преувеличения лежит контекстно-эмоциональное переосмысление образов бурундука и белки, которые имеют глубокий сакральный смысл и напрямую связываются с мифологическими представлениями жителей обского севера. Эти образы создают этнический колорит в поэтике художественного слова писателя: «У „языческих“ мастеров слова животные участвуют в процессе художественного моделирования мира» [Комаров, Лагунова, 2014, с. 47]. Благодаря гиперболе повествование в романе приближается к фольклорному языку, где появляются обороты, перефразированные или заимствованные из русских сказок: «жили-были»; «жили-поживали» (с. 98); Мальчик (воин Таня) **рос очень быстро, по дням, неделям, месяцам** <...>, один его **кулак был с два кулака** взрослого мужчины (с. 376); А Небесный Отец **три дня, три месяца, три года** осматривал Верхние миры (с. 180).

В сопоставлении с образом Первоземли изображен Сатана. В романе он предстает не только как фольклорный персонаж, вступивший в конфликт с Небесным Отцом в III новелле «Небесный на облаке в пору сотворения», но и как метафора перестроечных событий с новыми слугами нечистой силы: Хозяином-Шефом, Карлом Пифом, нуворишами. В IV новелле резко меняется стилистика повествования, появляется лексика, связанная с бесовским началом: *«пошел беспредел», «вынудили молиться „золотому тельцу“»*. Чертовщина проникает в речь, поступки персонажей. Показательны эпитеты, характеризующие образ русалки на банкете Хозяина: *«чертовски хороша, привлекательна и антитетна»* (с. 150). В речи разошедшегося юбиляра звучит реплика *«чертовой хлорки хлебнул»* (с. 150). Передвижение свиты Хозяина на машинах описывается с помощью емкой метафоры: *«вереница черных иномарок чертом пролетела десятки километров сквозь снежный вихрь»* (с. 155). Весь ход банкета по случаю юбилея Хозяина — это некая бесовская вакханалия: *«Там ожидало новое обильное застолье с певцами, шутами и прочими атрибутами нарождающегося капиталистического образа жизни. Выпили. Закусили. Послушали песни. Посмотрели танцы со стриптизом. Всем застольем погорланили песни. <...> Потом повторили с самого начала»* (с. 155). Важную роль в данном фрагменте играет парцелляция. Дробление высказывания на отдельные фазы с выделением глагола-сказуемого (*«выпили», «закусили», «послушали», «посмотрели», «погорланили»*) позволяет лаконично и скупой описать «грандиозное» событие, в центре которого потребности участников в «хлебе и зрелищах». Бессмысленность жизни героев новой эпохи подчеркивается фразой, символизирующей замкнутый физиологический круг: *«Потом повторили с самого начала»* (с. 153). Хозяин и его свита бездуховны и обезличены. Это подчеркивается метонимией: *«застолье застыло в немом оцепенении»* (с. 153); *«тут застолье зашевелилось, загомонило — и все разом метнулись к машинам»* (с. 154); метафорой: *«Хозяин и его камарилья отчалили, и стало тихо»* (с. 155).

Особое место в романе Е.Д. Айпина занимают гипертропы. Они используются для создания яркого целостного образа того или иного персонажа или для изображения трагических событий в жизни героев, страны. Рассмотрим примеры.

Дженни, возлюбленная и спасительница Матвея, описывается яркими красками, в которых соединены метафора, эпитет, повторы и парцеллированные конструкции: *«Это черноволосая, гибкая, изящная тростиночка на берегу моря. Ему казалось, что он мог бы написать целый залив тростиночек. Целое море. Целый океан. Тростиночка. Под легким ветром клонится влево — вправо. Под теплыми волнами изгибается, из-*

вивается, в обруч округляется, стрелой из воды вылетает» (с. 237). Характер и поведение Дженни в сознании художника ассоциируются с образом тростиночки, перевоплощающейся то в обруч, то в стрелу. Показательна семантика самой лексемы, употребленной в переносном значении «тростиночка» (разг. поэт., «нежное, хрупкое существо») [Толковый словарь русского языка²]. Уменьшительно-ласкательный суффикс *-очк-* говорит о субъективном отношении художника, о его любовании Дженни. Такой же подвижной, независимой и живой она была при каждой их встрече, такой же она предстает и на картине Маэстро.

С помощью укрупненного тропа (соединение метафоры, олицетворения и сравнения) в романе описывается детская драма Ромы-Самурая. Например: «Прошло какое-то время, и **телефонная трубка принесла в дом горе**. Мама напряженно, молча слушала. Потом ее красивое лицо сначала **исказила**, потом **изломала невыносимая боль**» (с. 50); «И он упрямо шел. Шел и глотал слезы. **Слезы выдавливала тоска по маме**. Боль за маму. Слезы **выдавливал** и **острый клюв снежного ветра** <...> **Порыв ветра** на взгорке особенно **сильно толкнул его в спину**. Он упал. <...> Его зов был настолько слабым, что его не услышали. Вихревой **разбойный** ветер подхватил его слово-призыв <...>, **разорвал-раскрошил** на мелкие крупинки и умчал в черную ночную пустоту» (с. 72–73).

Трагедия ребенка, потерявшего сначала отца, потом мать, изображается писателем с помощью переноса черт живого существа на неодушевленные предметы или состояния. «Телефонная трубка», «боль», «тоска», «острый клюв ветра» в восприятии ребенка становятся живыми зловещими существами, которым он не в силах противостоять. Драматизм эмоционального состояния Ромы подчеркивается с помощью лексических повторов, парцелляции, передающих внутреннюю боль каждого его шага: «И он упрямо шел. Шел и глотал слезы. **Слезы выдавливала тоска по маме**. Боль за маму. **Слезы выдавливал** и **острый клюв снежного ветра**». Глаголы «**разорвал**», «**раскрошил**», графически оформленные с помощью дефиса как единый процесс, служат средством повышенной экспрессии. Прилагательное «**разбойный**» свидетельствует о враждебном настрое природы по отношению к мальчику. Его призыв о помощи разрывается вихрем на мелкие крупинки. Создается впечатление, что природа словно бы изгоняет ребенка, лишает его той необходимой сакральной связи, без которой северный человек не сможет выжить.

Особо остановимся на анализе укрупненного тропа в финальной части романа. Используя сравнение, литоту, метафору, гиперболу и периф-

² Тростиночка: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/19/us480817.htm>

раз, Е.Д. Айпин создает емкий и трагичный образ разрушения советского государства: *«Когда же многопудовые шаги преемника стихли, и охолодильный Перестройщик в комнате отдыха выпил маленькую рюмку водки, <...> из глаз его выкатилась одна горькая капля. Все народы Советского Союза обошлись ему лишь в одну слезинку! Но она затвердела от холода и обрела форму дробины среднего размера. Так что же, он, экс-правитель, одной дробинкой уложил великую державу?»* (с. 409). При внимательном прочтении легко определяются образы реальных политических деятелей, зашифрованных в перифразах *«многопудовые шаги преемника»*, *«охолодильный Перестройщик»*. Эпитеты становятся определяющей чертой каждого из персонажей. В «Современном толковом словаре» Т.Ф. Ефремовой³ у прилагательного *«многопудовый»* указано значение: «имеющий вес во много пудов; очень тяжелый» [Ефремова]. По сочетательной способности оно согласуется с неодушевленными существительными, например, молот, колокол, камень. Тяжелые шаги преемника становятся метафорой наступающего трудного и многострадального периода для России. Лексема *«охолодильный»* образована от глагола *«охладеть»*, что значит «стать равнодушным, утратив прежнюю живость, чувства, рвение» [Толковый словарь русского языка, 2019, с. 397]. С помощью этого слова автор передает истинное отношение Перестройщика ко всему произошедшему в стране. В примере яркими видятся образы *«горькой капли»*, *«одной слезинки»* и *«дробины среднего размера»*. В основе данных образов лежит гипертроп, соединяющий литоту, метафору и гиперболу. Масштаб трагедии, постигшей страну в перестроечное время, для Перестройщика это всего лишь одна капля, одна слезинка (литота). Прием гиперболизации и метафоризации превращает эту слезинку в затвердевшую дробину, *«уложившую великую державу»*. Образ дробины ассоциируется с ситуацией публичного отречения руководителя. Точным, мощным поэтическим словом писатель, как и его герой, художник Матвей Тайшин, фиксируют конец одной эпохи и начало другой, и в этом описании просматривается скрытая авторская ирония, переходящая в сарказм.

Заключение

Проведенный анализ изобразительно-выразительных средств в романе Е.Д. Айпина «В поисках Первоземли» позволяет сделать следующие выводы.

Тропеическая система произведения выстраивается путем выдвижения базовых поэтических приемов: метафоры, сравнения, олицетво-

³ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/186778/Многопудовый>

рения. Их частотность определяется этнической составляющей, которая позволяет автору создать яркие, необычные и зачастую иносказательные наглядно-чувственные образы, ведущие к проявлению в романе таких черт идиостиля писателя, как отражение этнических констант, поэтичность, мифологизм повествования, изображение человека и его духовного мира во взаимосвязи с природой и ментальным миром.

В романе наблюдается полифункциональность тропов. Метафора формирует смысловой каркас, композицию повествования и хронотоп, объединяющий три сюжетные линии. Данное средство выразительности становится ключом к пониманию авторской индивидуальной картины мира. Сравнение используется в роли базовой детали при изображении портрета персонажа или при описании его характера. Гипербола является основным приемом при создании ментального (Верхнего) мира и его обитателей.

Особое место в романе занимают гипертропы, представляющие собой контаминацию нескольких тропов или тропов и стилистических фигур. Как правило, объединяются метафора, сравнение, олицетворение, метонимия, синтаксические или лексические повторы и парцелляция. Гипертропы писатель использует в следующих художественных целях: при раскрытии внутренних переживаний персонажей, при изображении сакрального образа возлюбленной, драматических событий в жизни героев или страданий. Смысловая нагрузка, которую получают контаминированные тропы, объясняется тем, что все происходящее в романе пропускается сквозь призму взгляда художника — Матвея Тайшина, чувственно познающего мир.

Таким образом, выбор изобразительно-выразительных средств в романе, их сочетание друг с другом обусловлены стремлением писателя отразить движение души и мысли главного героя, его поиск Первоземли как сакрального места, спасающего душу природного человека.

Библиографический список

Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-znaniy-v-sisteme-yazyka>

Галимова Е.Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального свертхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-severnogo-teksta-russkoy-literatury-kak-lokalnogo-sverhteksta>

Долженко Н.Г., Глухова С.Д. Лексические средства выражения художественного образа (на материале романа Е.Д. Айпина «В поисках

Первоземли») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 4. С. 1274–1278. <https://doi.org/10.30853/phil20240184>.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 2. М.: Астрель: АСТ, 2006. 1160 с. Электронный ресурс <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>

Задорнова В.Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 1992. 49 с.

Исакова С.А. Этнопоэтика ранних рассказов Еремея Айпина (на материале сборника «Время дождей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6 (84). Ч. 1. С. 19–23. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.4>.

Колягина Т.Ю. Герои Е.Д. Айпина в поисках идентичности (по роману «В поисках Первоземли») // Litera. 2021. № 11. С. 78–88. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.11.36826>.

Комаров С.А., Лагунова О.К. Изображение животного в русскоязычной прозе народов Азии последней трети XX века (Е. Айпин, Ч. Айтматов, А. Неркаги) // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 47–54. Электронный ресурс <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22457208>

Косинцева Е.В., Куренкова Н.В. «Все в этом мире от Бога...»: роман Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». Ханты-Мансийск, 2010. 143 с.

Кукуева Г.В. Авторская речь как стилистическая категория (на материале рассказов Е.Д. Айпина) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 70–79. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-1-70-79>.

Ларкович Д.В. Миф о вечном возвращении в романе Е.Д. Айпина «В поисках Первоземли» // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 173–191. <https://doi.org/10.17223/24099554/15/10>.

Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики: учебное пособие. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига. 2007. 168 с.

Семенов А.Н. Аксиология прозы Еремея Айпина: монография. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: ИП Симакова Г.В., 2023. 312 с.

Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л.И. Тимофеева, С.В. Тураева. М.: Просвещение, 1974. 513 с.

Сязи В.Л. Художественная концепция любви в прозе Е.Д. Айпина: национальное своеобразие, система образов: автореф. дис. ... канд. филол. н. Ханты-Мансийск, 2017. 21 с.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. Стб. 808 // Фундаментальная научная библиотека. Электронный ресурс <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/19/us480816.htm>

Толковый словарь русского языка / под. ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование. 2019. 736 с.

Цыганова Н.Д. Поэтический мир Елены Игнатовой и гипертроп как средство его создания // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4. С. 63–68. <https://doi.org/10.17516/2311-3499-039>.

Источник

Айпин Е. В поисках Первоземли. М.: РИПОЛ классик, 2019. 412 с.

References

Boldyrev N.N. Representation of knowledge in the language system. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. = Cognitive linguistics issues, 2007, no. 4. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-znaniy-v-sisteme-yazyka> (accessed 19.03.2025). (In Russian).

Galimova E.Sh. The Specificity of the Northern Text of Russian Literature as a Local Supertext. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University, 2012, no. 1. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-severnogo-teksta-russkoy-literatury-kak-lokalnogo-sverhteksta>. (In Russian).

Dolzhenko N.G., Glukhova S.D. Lexical means of expressing an artistic image (based on the novel by E.D. Aipin “In Search of the First Earth”). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. = Philological sciences. Theoretical and practical issues, 2024, vol. 17, iss. 4, p. 1274–1278. <https://doi.org/10.30853/phil20240184>. (In Russian)

Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 vols, vol. 2. Moscow, 2006, 1160 p. Retrieved from: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>. (In Russian).

Zadornova V.Ya. Verbal and artistic work in different languages as a subject of linguistic research. Abstract of Doct. Philol. Diss. Moscow, 1992, 49 p. (In Russian).

Isakova S.A. Jetnopojetika early stories about Jeremy Aypina (on materials of “The time of rains”). *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. = Philological sciences. Theoretical and practical issues, 2018, no. 6 (84), pt. 1, p. 19–23. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.4>. (In Russian).

Kolyagina T.Yu. Heroes of E.D. Aipin in Search of Identity (based on the novel “In Search of the First Earth”). *Litera* = Litera, 2021, no. 11, p. 78–88. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.11.36826>. (In Russian).

Komarov S.A., Lagunova O.K. The image of an animal in Russian-language prose of the peoples of Asia in the last third of the XX century

(E. Aipin, Ch. Aitmatov, A. Nerkagi). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. = Ural Historical Bulletin, 2014, no. 3 (44), p. 47–54. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22457208>. (In Russian)

Kosintseva E.V., Kurenkova N.V. “All in this world from God ...”: novel by E.D. Aypin “Mother of God in bloody snow”, Khanty-Mansiysk, 2010, 143 p. (In Russian).

Kukueva G.V. Author's speech as a stylistic category (based on the stories of E.D. Aipin). *Vestnik Ugrovedenia*. = Bulletin of Ugric studies, 2020, vol. 10, no. 1, p. 70–79. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-1-70-79>. (In Russian).

Larkovich D.V. The Myth of Eternal Return in E.D. Aipin's Novel “In Search of the First Earth”. *Imagologiya i komparativistika* = Imagology and comparative studies, 2021, no. 15, p. 173–191. <https://doi.org/10.17223/24099554/15/10>. (In Russian).

Lipgart A.A. Fundamentals of linguistic poetics: textbook. 3rd Edition, Stereotype. Moscow, 2007, p. 168. (In Russian).

Semenov A.N. Axiology of Eremey Aipin's Prose: monograph. Khanty-Mansiysk. Ekaterinburg, 2023, p. 312. (In Russian).

Dictionary of literary terms / edited by L.I. Timofeev, S.V. Turaev. Moscow, 1974, p. 513. (In Russian)

Syazi V.L. The artistic concept of love in prose by E.D. Aipin: national originality, system of images. Abstract of Filol. Cand. Diss. Khanty-Mansiysk, 2017, 21 p. (In Russian).

Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols, vol. 4, col. 808. *Fundamental'naya nauchnaya biblioteka*. = Fundamental Scientific Library. Retrieved from: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/19/us480816.htm>. (In Russian).

Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions, Moscow, 2019, p. 736. (In Russian).

Tsyganova N.D. The poetic world of Elena Ignatova and hypertrope as a means of its creation. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. = Ecology of language and communicative practice, 2018, no. 4, p. 63–68. <https://doi.org/10.17516/2311-3499-039>. (In Russian).

Source

Aypin E. In Search of the First Earth, Moscow, 2019. 412 p. (In Russian).

КОНЦЕПТ-КОЛОРАТИВ ЖЁЛТЫЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА В. ЛИЧУТИНА: МНОГООБРАЗИЕ СМЫСЛОВ

М.В. Румянцева

Ключевые слова: концепт, колоратив, жёлтый, художественный концепт, художественная картина мира, В. Личутин

Keywords: concept, color designation, yellow, artistic concept, artistic picture of the world, V. Lichutin

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–10](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–10)

Введение
Лексико-семантическая группа колоративов (цветообозначений) находится под пристальным вниманием лингвистов-когнитологов и лингвокультурологов, так как цвет отражает эстетические, аксиологические и философские взгляды народа, его восприятие окружающего мира. Изучение алгоритма смыслопорождения через моделирование ментальных пространств метафорически переосмысленных колоративов является актуальным. Концепты-колоративы, на наш взгляд, можно отнести к интерпретирующим концептам, которые Н.Н. Болдырев определяет как «единицы нового знания, формируемые на основе интерпретации коллективных знаний о мире в рамках индивидуальной концептуальной системы отдельного человека» [Болдырев, 2007, с. 17–27]. Такие концепты являются художественными и образуют художественную картину мира писателя — мир бытия, «отражающий общество и природу в конкретно-чувственных мифопоэтических образах» [Полубояров, 2016, с. 7–11]. В этом контексте о концепте можно говорить как о «глубинном смысле, изначально максимально и абсолютно свернутой смысловой структуре текста, являющейся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста» [Красных, 1998, с. 202].

В данной статье рассматриваются особенности функционирования концепта-колоратива *жёлтый* в художественном дискурсе В. Личутина, выявляются и анализируются его коннотации. Научная значимость работы состоит в расширении понимания дополнительных значений концепта-колоратива *жёлтый* в русской словесной культуре. Результаты исследования могут представлять практический интерес для молодых ученых, занимающихся вопросами лингвистики цвета и репре-

зентации концептов-колоративов в индивидуально-авторских картинах мира, а также для всех, кто интересуется проблемой цвета с точки зрения лингвокультурологии.

Научные исследования, в которых колоратив *жёлтый* является объектом изучения, разноплановы. В ходе анализа семантики древнейших праформ цветообозначений выявляются семантические универсалии и отличия их эволюции [Кожемякова, Исаев, Губанов, Петухова, 2023]; описываются словообразовательные модели создания цветообозначений [Перфилова, 2023]; изучаются процессы метонимии и метафоризации, основанные на цветообозначениях [Hamilton, 2016]. В трудах А.П. Василевича, В.Г. Кульпиной уточняется функциональная семантика колоратива, констатируются присущие ему значения [Василевич, 2016; Кульпина, 2001]. Лингвисты исследуют семантические [Чаплыгина, 2023] и ассоциативные [Шарейко, 2021] связи колоратива, в том числе в сопоставительном аспекте [Таныгина, 2024; Хаджи Мусаи, Мадаени Аввал, 2024]. Продуктивно используется цветонаименование при описании художественных средств языка писателей, например И. Бродского [Цегельник, 2007], А. Галича [Флоря, 2006]. Не прекращается поиск символических признаков колоратива в разных лингвокультурах (см. работы [Абрамова, 2020; Бояркина, 2023; Ойношев, Ойнош, 2024] и др.).

В научной литературе анализировались художественно-нравственные аспекты художественного мира В. Личутина [Ковтун, 1995], жанрово-стилистическое своеобразие его творчества [Плюхин, Дувакина, 2012], мифопоэтическая концептосфера писателя [Большакова, 2009]. Изучение концептов-колоративов на базе творчества В. Личутина не проводилось.

Цель нашего исследования заключается в описании номинативных связей концепта-колоратива *жёлтый* и выявлении многообразия его смыслов в художественной картине мира В. Личутина.

Методология и методы исследования

Исследование выполнено на материале художественных произведений нашего современника, русского писателя Владимира Личутина. Анализировались его повести и романы «Последний колдун», «Раскол», «Скитальцы», «Фармазон», «Река любви», «Миледи Ротман», «Беглец из рая», «В ожидании Бога».

Исследование осуществлялось посредством комплекса методов, среди которых метод концептуального анализа, представляющий собой синтез существующих методик, которые используются как инструментарий в лингвистике, литературоведении, культурологии (анализ

лексических средств выражения концепта, рассмотрение культурного и исторического контекста и др.); метод концептуального моделирования, позволяющий интерпретировать базовые семантические признаки в сознании носителей языковой картины мира. Оба метода нацелены на выявление более полных знаний и представлений (в том числе скрытых, ассоциативных), которые связывает воедино имя, номинирующее концепт. В качестве дополнительных использовались метод контекстологического анализа и описательный метод.

Результаты исследования

Анализ художественных произведений показал, что концепт-колоратив *жёлтый* является одной из идиостилевых доминант [Кухаренко, 1988, с. 13] в творчестве В. Личутина. Нами найдено 65 лексем и словосочетаний, входящих в номинативное поле концепта: имена прилагательные (*жёлт, жёлтый, жёлтенький, желтоватый, жёлтушный, жёлтовоусый, темно-жёлтый, бледно-жёлтый, сизо-жёлтый, тускло-жёлтый, болезненно-жёлтый, латунно-жёлтый, рудо-жёлтый, мучнисто-жёлтый, луковично-жёлтый, шафранно-жёлтый, изжелта-белый, огненно-рыжий, охряно-рыжий, жёлудево-кофейный, золотой, рыжий, русский, шафранный, горчичный, медовый, лимонный, морошечный, ржаной, янтарный, ржавый, глиняный*), причастия (*зажелтевший, пожелтевший*), имя существительное (*желтизна*), глаголы (*желтеть, пожелтеть, зажелтеть, изжелтеть, выжелтеть, зажелтиться*), наречие (*изжелта*), описательные сравнения (*золотисто-жёлт; цвет луковой шелухи; цвет охры; цвет лукового отвара; цвет луковой водички; слабой лимонной желтизны; цвет болотной воды; жёлтый, как репа; жёлтый, как сливочное масло; жёлтый, как тепленное коровье масло; жёлтый, как лютик в поле; жёлтый, как зрелая морошка; жёлто-рыжий, как шкурка лисы-сиводушки; жёлтый, как цыпленок; жёлтый, как пчелиный воск; жёлтый, как брага; жёлтый с житным отливом; жёлтый, будто из старой березы рубленый; изжелта-бел, как изветренная скотская кость; мучнисто-жёлтый, словно посыпанный никотином; жёлтый, как тыква; жёлтое гуменцо; жёлтенькая, видом картошная шанежка*).

Этимологический анализ праславянских колоративов свидетельствует о том, что представление о цвете было тесно связано с различной степенью яркости и насыщенности света. Сначала это были названия «зрительно воспринимаемого признака поверхности предмета», затем его «окраски» и лишь значительно позднее — «цвета» [Кожемякова, Исаев, Губанов, Петухова, 2023, с. 2432–2436]. «Общеславян-

ские цветообозначения *žyltъ, *zelenъ, *golQbъjъ, развившие значения 'жёлтый', 'зеленый', 'голубой', восходят к индоевропейской базе *g'hel-: *ghel-: *ghol- 'блестящий, сверкающий' (др. — ирл. gel 'сияющий, сверкающий')» [Черных, 1999, с. 202]. Следовательно, колоративы *жёлтый*, *золотой*, *зеленый* и *голубой* имеют единый индоевропейский корень, главным компонентом семантики которого был не цвет, а свет (блеск, сияние, поток солнечных лучей).

Такая связь с солнечным светом могла обеспечить жёлтому цвету значение с постоянной положительной оценкой. Однако в процессе эволюции колоратив *жёлтый* приобретает амбивалентную семантику. Т.А. Турскова утверждает, что светло-жёлтый или золотисто-жёлтый цвет является символом солнца, веры, интеллекта и зрелой мудрости. Темные или тусклые оттенки жёлтого обозначают безумие, неверие, предательство, измену, скупость, скрытность, обман, коварство [Турскова, 2003, с. 213]. Колоратив *жёлтый* приобретает все больше отрицательных коннотаций, положительные значения остаются у лексемы *золотой* [Чаплыгина, 2023, с. 422–434].

Восприятие цвета отдельным человеком всегда субъективно, оно зависит от условий формирования личности и особенностей мировосприятия. Колоратив *жёлтый* в художественной картине мира В. Личутина служит средством создания художественной образности и средством выражения мировоззрения автора. Рассмотрим, какие смыслы приобретает жёлтый цвет в художественных произведениях писателя.

Цвет природных объектов. Колоратив *жёлтый* в исследуемых текстах выполняет свое прямое назначение — участвует в колористическом описании окружающего мира. Прежде всего это цвет солнечных лучей. В этом контексте *жёлтый* имеет положительное оценочное значение. Так, например, при описании цвета подсвеченных солнцем облаков на ясном небе автор прибегает к образному сравнению с агентом-зоонимом «цыплята», который вызывает у читателя только положительные ассоциации: <...> *небо с редкими недвижимыми клочьями желтоватого пуха. Словно цыплята выбрались из-под прикрова матери-курицы и разбрелись по небесной траве-мураве, захлебнувшись неведомой прежде свободой («В ожидании Бога»)*¹.

Если *жёлтый* цвет сосуществует в структуре текста с *голубым*, то текст приобретает яркую положительную тональность: *Жёлтое и голубое смешались разом с потоками небесного света и ослепили <...> Го-*

¹ Здесь и далее в скобках приводятся названия произведений В.В. Личутина разных лет (см. список Источников).

споди, до чего же красиво, как чувственно и празднично обрядилась напоследях истомившаяся в родинах Земля («В ожидании Бога»). Вся земля похорошела, стало жёлто-голубой. Христос любовно озирает Русь, радуясь воскрешению («Раскол: Крестный путь»). Наличие эмотивов (красиво, чувственно, празднично, любовно, радуясь) создает настроение праздника и торжественности момента. Иногда такой цветовой тандем выражает противоположные чувства (грусть и радость), но не снижает торжественности и возвышенности эмоций контекста: *Глаза слепит от солнца в голубом небе и золота, щедро рассыпанного под ногами. Боже мой, как неожиданно грустно, до слезы, и вместе с тем как радостно, торжественно сердцу, будто омыли живой водой* («В ожидании Бога»). Сочетание голубого и желтого в облике человека (глаза и волосы) тоже создает красоту образа, например, *голубоглазое дитя с ржаными волосёнками* («Беглец из рая»); *скромная, стеснительная девочка, голубоглазая, с русыми косами до пояса* («Беглец из рая»); *желтоволосая голубоглазая красавица Тина* («Скитальцы»), потому что, по В. Личутину, человек создан по образу и подобию божьему: *У каждого христианина Христос свой. У русских он голубоглазый и русский* («В ожидании Бога»).

Колоратив описывает объекты природы жёлтого цвета (землю, воду, цветы, ягоды): *Мелкая вода в Курье, кроткая и жёлтая, как брага* («Скитальцы»). *Тонкий дымок оседает по ляговинам, жёлтым от зверобоя и каравайника* («В ожидании Бога»). *По заречным цветущим лугам, солнечно-жёлтым от лютика, волочились неотвязные тени от белояровых облаков* («Река любви»). В этом контексте он имеет нейтральную стилистическую нагрузку.

Гораздо шире спектр отрицательных коннотаций колоратива *жёлтый* в произведениях В. Личутина. Рассмотрим их.

Нижний мир и нечистая сила. Жёлтый цвет в художественной картине мира писателя соотносится с зоной «низ», о чем свидетельствуют проклемы *проран, провал, бездна, зев*, зоонимы, номинирующие хтонических животных или отрицательных сказочных существ: *Карбас неудержимо несло в проран, в жёлтый зев кипящей бездны, где схватывались тягостно и страшно хвостатые чудища* («Фармазон»). В. Личутин использует колоратив *жёлтый* при описании мифологических существ низшего порядка, номинируемых демонами *дьявол, ведьма, домовый, леший (лешачиха), девки-марухи, черти и бесы*: *И вдруг я оказался в другой стране <...> в городе жёлтого дьявола* («В ожидании Бога»). В данном примере находим аллюзию на очерк М. Горького «Город жёлтого дьявола», где описан Нью-Йорк, жители которого поклоняются золоту («жёлтому дьяволу»). По В. Личутину, одним из при-

знаков присутствия нечистой силы является наличие дыма. У человека, одержимого нечистой силой, дымится и искрит взгляд: *Взгляд Люси, казалось, дымился, и на дне озеночков проскакивали бешеные жёлтые искры* («Миледи Ротман»). Нечистая сила проникает в дом и покидает его через дымовую трубу, из которой при этом идет желтый дым: *Жёлтый шлейф протянулся по чёрному склону и замер над дымником: будто нечисть какая-то помчалась на ведьмин шабаш* («В ожидании Бога»). Жёлтый цвет дыму придает скопление людских грехов и болезней, от которых человек избавляется в русской бане: *Жёлтый зыбкий облак раскачивался над баенкой — то скапливались, покинув намытое тело, душевные нечистоты, проказа и хворь, чтоб после отплыть и осесть в подмосковных дремах и распадах у бесовских скрытен, где лешахи будут ткать из грешной ряднины себе чертовы портища* («Раскол: Крестный путь»). Жёлтым цветом автор раскрашивает демонические места, какими для славян всегда были лес, болото, водоемы (чужое пространство): *Жёлтое листвяное облако свилось в жгут, хвостом полоснуло по стеклине и полетело дальше <...> Такое тут демоническое место, что всё чудится, мерещится, вадит и водит: не иначе ещё исстари тут завелись блудные лешевы и озёрные девки-марухи* («В ожидании Бога»). Жёлтый цвет присущ духам дома. Писатель изображает домового с жёлтыми глазами: *В дальнем сумеречном углу кто-то мохнатый, с бороною до пола, — наверное, доможирко, — поблескивает жёлтыми глазёнками* («Последний колдун»). Жёлтый глаз становится способом имплицитного указания на присутствие нечистого духа, приносящего людям смерть и страдание: *Донат часто оборачивался с тоскою на парящий провал, издали так похожий на черного распластанного паука с жёлтым расплывчатым глазом* («Скитальцы»). Жёлтое растёкшееся туманное пятно с оранжевым зрачком посередине походило на чье-то живое одноглазое лицо. Земля поманила его холодным перстом, обещая покой, но *Крень отшатнулся от холодной тишины, не готовый к смерти* («Фармазон»). Наличие одного глаза является приметой демонологического персонажа русских сказок Лиха Одноглазого. Существует и другой демон с жёлтыми глазами, один из самых злых дворовых духов славянской мифологии — овинник², который в народном представлении похож на черного кота: *Что-то назойливо отвлекало мысль Тяпueva, расслабляло его, казалось, что жёлтый кошачий глаз урюмо наблюдает из укрытия за каждым движением* («Фармазон»).

² Самойлова А. Известные и малоизвестные мифические существа мира. Электронный ресурс <https://fishki.net/1469532-izvestnye-i-maloizvestnye-mificheskie-suwestva-mira.html>

Таким образом, колоратив *жёлтый* в анализируемых текстах соотносится с зоной «низ» и становится символом нечистой силы, которую представляют демоны, управляющие людскими пороками, черти, бесы, природные и домашние духи.

Чужой. Колоратив *жёлтый* служит В. Личутину способом распознавания «чужого» среди «своих» в этногенетической бинарной оппозиции. Прежде всего обнаруживается ассоциация жёлтого с Китаем. Китайцы распознаются по жёлтому цвету глаз: *Сказывают, что до крепости Грустин, что в Лукоморье на горах за Обью-рекой, приходят с торговлей чёрные люди от Китайского озера. Глаза жёлтые, серпом, а обличьем — головешки* («Скитальцы»). Жёлтый цвет во внешности человека — это повод для литературного героя В. Личутина принять собственную жену за чужестранку: *Жена Нюра <...> лицо нынче вовсе жёлтое <...> глаза шафранного отлива, и показалась она издали наезжей туземкой* («Последний колдун»). Несоответствие физической внешности «чужих» нормам «своих» включает процесс делигитимизации, при котором «чужие» рассматриваются как негативные социальные категории. Если же у «чужих» обнаруживается наличие неприемлемых для «своих» норм и ценностей поведения, то «чужие» переводятся в категорию «врагов»: *<...> гнилой запад, где по окоёму, по-над самой землею громоздились гористые тучи, а по склонам их стекали рудо-жёлтые сполохи, брызжащие искрами, — то ярило закатывалось в погибельную сторону* («Раскол: Крестный путь»). Использование метафорического выражения «гнилой запад» транслирует настороженно-скептическое отношение В. Личутина к западным идеям и ценностям, а лексемы *закатываться, погибельная сторона* передают мнение автора о западе как об обществе, дошедшем до стадии морального разложения. Таким образом, за колоративом *жёлтый* в творчестве писателя закрепляется значение «чужой», представляющий опасность.

Непристойность поведения. В морально-этических оценках литературных героев В. Личутин использует жёлтый цвет для осуждения непристойности поведения. В этом усматривается влияние русской фольклорной традиции, где колоратив *жёлтый* является символом ревности, измены, предательства [Хаджи Мусаи, Мадаени Аввал, 2024, с. 422–434; Абрамова, 2020, С. 6–18]. В свою очередь, фольклорная традиция испытывает влияние христианской картины мира, где известные предатели — Каин и Иуда — изображаются с жёлтыми бородами [Цегельник, 2007, с. 166–170]. Особенно неприемлемы оттенки жёлтого в свадебном наряде. Осуждение этому слышим из уст героини романа в форме эпитетов *бесстыжая, купальница-замануха, профурсет-*

ка, относящихся к невесте, и прямого высказывания стереотипа, что жёлтый цвет — к измене: *Миледи была, как речная бобошка, та самая купальница-замануха, что чарует всякий незаскорузлый взгляд. На ней всё было слабой лимонной желтизны — от фаты на огненно-рыжих волосах до прозрачного платья с пелеринкой. «Бесстыжая... Разоделась, профурсетка. Того не знает, что жёлтый цвет к измене»* («Миледи Ротман»). Автор также осуждает поведение одинокой женщины в отношении женатого мужчины, чувства и поступки которой репрезентированы лексемами *ревниво, зазывала, заманивает, разохотилась* и изображены на жёлтом фоне, как бы обличаемые, высвечиваемые солнцем: *<...> ревниво спросила, словно зазывала мужика. А утро жёлтое, всё высвеченное солнцем. Подумалось: заманивает баба, ишь разохотилась* («Скитальцы»). Жёлтый цвет у В. Личутина соотносится с низкопробностью речевого поведения средств массовой информации и некоторых представителей русского политического истеблишмента 90-х годов: *Я удержался от уличного жаргона, на котором изъясняются жёлтые газеты, телевидение и кремлевская тусовка* («Беглец из рая»). Таким образом, автор интуитивно прибегает к колоративу *жёлтый*, когда хочет выразить непристойность, подлость, низкопробность поведения отдельных индивидов или СМИ в обществе.

Непривлекательность. Жёлтый используется писателем в качестве негативной колористической характеристики со значением «непривлекательность». В этом цвете изображаются женщины, если они утратили свою свежесть: *Жалкая, вдруг подурневшая, с треугольником морщин на сдвинутом в грудку лбе, она была похожа на луговую жёлтую бобошку, попавшую под хлесткий ливень* («Миледи Ротман»). Жёлтый оттенок приобретает кожа долго постящихся людей: *Тихо возгоралась вечерняя заря. Лимонный блеск её выжелтил щёку боярыни в постный скопческий цвет* («Раскол: Крестный путь»). В этом же цвете писатель изображает деревенских женщин, мало уделяющих внимание своему внешнему виду: *Толстая бабеня <...> у неё были жёлтые, как сливочное масло, руки с пухлыми запястьями* («Миледи Ротман»). Жёлтым может быть названо то, что потеряло свою естественную окраску, например, волосы: *Уткина ждал переходный возраст из снежно-белого в мучнисто-жёлтый, когда шерсть на висках словно бы посыплет никотином* («Миледи Ротман»). Также в неприглядном жёлтом цвете изображается то, что перестало быть ярким, потускнело, загрязнилось. Это относится как к природным объектам, так и к внешности людей: *Ещё и льды на березине разлеглись, как грязные, жёлто-белые коровы* («Миледи Ротман»). «Ой, дура, ты дура», — беззлобно подумал Радюшкин. И вся-то жен-

щина была жёлудево-кофейного цвета, словно бы её изрядно окунали в охру, а после плохо помыли («Последний колдун»). И наконец, жёлтыми видятся писателю лица, которые явно некрасивы и даже уродливы. В этом случае автор достигает экспрессивности употреблением сложных, нестандартных эпитетов (*тяжелое, глиняное лицо*) или стилистически сниженной лексики (*рожа*): *У Никона было изжелта-серое, тяжёлое, какое-то глиняное лицо* («Раскол: Крестный путь»). *<...> рожа жёлтая, кривая, будто клюковкой объелся дьякон* («Раскол: Крестный путь»). Так, используя оттенки жёлтого цвета, автор добивается точности портретов своих героев и их отрицательных характеристик.

Болезнь. В работах, посвященных исследованию цвета, отмечается, что жёлтый во многих лингвокультурах связан с семей «болезнь» [Абазова, Абазов, Бориева, 2016, с. 56–58]. Вероятно, в русской языковой культуре сказывается влияние мифологической картины мира с мифом о двенадцати лихорадках, одну из которых звали Желтыня (или Желтея). Творчество В. Личутина не стало исключением. Автор сопровождаёт «раскрашивание» своих героев в жёлтый цвет уточняющими морбонимами или указывает на заболевание определенного органа: *<...> костяное лицо, омытое луковой водичкой, скорее шафранного цвета, какое бывает у переболевших печенью* («Фармазон»). Жёлтый цвет кожных покровов часто сопровождает болезни желудочно-кишечного тракта или почек. Писатель, не вникая в медицинские подробности, называет все эти болезни *черевным недугом*: *<...> на упругих щеках лимонная желтизна и в обочьях паутина ржавчины <...> эта рыхлость подглазий намекает на близкий черевный недуг* («Раскол: Венчание на царство»). Причиной жёлтой кожи может быть тяжелая продолжительная болезнь: *Пожелтела Тайка, как лютик в поле, как морошка зрелая на болотной кочке. Тело нынче жёлтое, как топленое коровье масло* («Скитальцы»). *И вот лежит муж богоданный на кровати, лицом изжелта-бел, как изветренная скотская кость, руки жёлтые, вялые* («Скитальцы»). Жёлтый цвет у писателя является признаком алкогольной зависимости: *По испитому, зажелтевшему лицу редко-редко пробегала тень тревоги* («Скитальцы»). Примечательно, что колоратив жёлтый и в XXI веке продолжает использоваться в качестве эвфемизма для обозначения психиатрической больницы: *Жёлтый дом, неожиданно выныривая из распада, походил на чужеземный корабль, приземлившийся однажды с небес. <...> В жёлтом доме», как нигде на миру, черти борются с ангелами, и никоторый не одолеет* («В ожидании Бога»). Так жёлтый цвет в творчестве писателя становится символом заболеваний как физических, так и душевных, а также различного рода зависимостей.

Старость. Жёлтый цвет ассоциируется у В. Личутина со старостью, о чем в примерах свидетельствуют лексемы *старость, старик, старикишка, по-стариковски*: *Скользнул глазами по зеркалу с надеждой увидеть прежнего себя, дородного, щекастого, но встретился с ушастым жёлтым старикишкой* («Фармазон»). Одним из признаков приближения старости является изменение цвета волос. Автор в словесный портрет седого человека добавляет желтизны различных оттенков (с легкой желтизной, седые изжелта, странной желтизны с зеленоватым оттенком): *Старик сидел прямо, торжественно <...> виски впалые, с легкой желтизною* («Миледи Ротман»). *Седые изжелта косицы волос неряшливо, по-стариковски падали на высокий ворот кафтана* («Раскол: Крестный путь»). *Старость припустила на впалые виски и к ушам какой-то странной желтизны с зеленоватым оттенком* («Беглец из рая»). Наряду с процессом изменения цвета волос признаком старости личутинских героев мужского пола становится процесс облысения. Фантазия автора в образном представлении жёлтого цвета проплешин и залысин просто безгранична. Это и *жёлтое темечко тыквой, жёлтое гуменцо, жёлтенькая плешка, видом картовная шанежка* и пр. Совсем лысая голова сравнима с жёлтой репкой: *Голова Поликушки виднелась желтоватой присморщенной репкой* («Беглец из рая»). О почтенной старости наряду с колоративом *жёлтый* говорят эпитеты *мелкотрясующийся* (о руках), *дряблый* (о коже рук): *<...> не выпускал образ Богородицы из мелкотрясующихся жёлтых пальцев с дряблой отставившей кожей* («Раскол: Венчание на царство»). Глубокая старость репрезентируется словосочетаниями *мощи, призрак, жёлтая сморщенная кожа*: *На кровати доживали мощи, оставалась лишь печальная тень от бывлой горячей женщины, чудился только странный жуткий призрак, покрытый жёлтой сморщенной кожей* («Последний колдун»). Таким образом, называя оттенки частей тела, *жёлтый*, усиливаемый своими атрибутивными связями, реализует сему «старость».

Смерть. В произведениях В. Личутина жёлтый цвет является символом смерти. Символика предвестника или признака смерти свойственна колоративу *жёлтый* в фольклоре. В «Словаре древностей» читаем, что в славянских поверьях смерть предвещают, например, появление желтого пятна на руке, встреча первой бабочки жёлтого цвета по весне и др. [Славянские древности, 1995, с. 202]. В русских фольклорных текстах колоратив *жёлтый* участвует в репрезентации мифопоэтического образа «сыра земля» и реализует мотив погребения. Так, в сказке Алёнушка говорит братцу с того света: *Тяжёл камень на дно тянет, / Шёлкова трава ноги спутала, / Жёлты пески на груди легли* («Сестрица

Алёнушка и братец Иванушка»). У В. Личутина находим образ жёлтого солнца, которое во время похорон вместе с родственниками прощается с усопшим, окутывая его своими лучами: *Косматое жёлтое солнце заглядывало в гроб, прощалось с Зулусом, закручивало его в невидимые пелёны, будто в кокон* («Беглец из рая»). В следующем примере предвестником смерти выступает жёлтый квадрат с проступающим в нем равнодушным лицом, кажется, что сама смерть досматривает за умирающим человеком: *Порой проступало чьё-то равнодушное лицо в жёлтом квадрате и пропадало: словно бы навещал досмотрщик, с нетерпением ждущий его смерти* («Последний колдун»). При описании покойников автор использует оттенки жёлтого цвета: *В полдень на плечах пронесли на кладбище Славку. У него было острое жёлтое лицо* («Беглец из рая»). <...> *нос покойника походил на шафранно-жёлтый клюв тундрового сокола* («Раскол: Крестный путь»). *Облобызал лимонной желтизны тонкие персты покоенки* («Раскол: Вознесение»). Иногда мотив смерти транслируется писателем имплицитно. При этом используются лексемы, номинирующие предметы или объекты, влекущие за собой смерть (*ядовитое облако, атомный гриб*): *Ядовитое жёлтое облако в моём окне похоже на атомный гриб — это моё московское небо* («Беглец из рая»).

Колоратив *жёлтый* является символом умирания не только людей, но и объектов природы (осенью умирает почти весь растительный мир): *Сверху бусил мелкий холодный дождишко, окрашивая тёмным гляncем жёлтые косицы берёз и поникшие от влаги ивняки, уже тронутые смертным тленом* («Миледи Ротман»). Отслужившие свой срок, распадающиеся в прах предметы тоже приобретают жёлтый цвет: <...> *более тысячи книг, со страницами, тронутыми по кромке шафранно-жёлтым пожаром* («Раскол: Крестный путь»). Так, колоратив *жёлтый* помогает писателю актуализировать мотив бренности живой и неживой природы.

Заключение

Проведенный анализ номинативных связей концепта-колоратива *жёлтый* позволил выявить широкий спектр его дополнительных смыслов. В художественной картине мира В. Личутина исследуемый концепт наряду со значением «цвет природных объектов» закрепляет за собой пространственно обусловленную коннотацию «низ», которая противоречит его глубинной этимологии «поток света». Сема «низ» в индивидуально-авторской картине мира писателя тесно соотносится с другими коннотациями *жёлтого* — «нечистая сила», «чужой», «непристойное поведение», «непривлекательность», «болезнь», «старость»

и «смерть». Таким образом, колоратив *жёлтый* в творчестве писателя наряду с прямой функцией цветообозначения приобретает образно-символические и эмоционально-оценочные коннотации. *Жёлтый* становится символом нечистой силы, которую представляют демоны, управляющие людскими пороками, символом физических и душевных заболеваний и зависимостей. Благодаря своим атрибутивным связям этот цвет актуализирует мотив старости и бренности всего сущего на земле. Он также служит писателю способом распознавания «чужого» среди «своих», маркером непристойности, низкопробности поведения в социуме, средством создания отрицательных характеристик своих литературных героев.

Исследование концептов-колоративов является перспективным направлением лингвокультурологии, так как позволяет обнаружить множество смыслообразующих пластов в индивидуально-авторской картине мира писателя, подверженной, в свою очередь, влиянию базовых ценностей национальной культуры. Смысловая многозначность исследуемого концепта может быть объяснена естественной эволюцией русской языковой картины мира, свое влияние на которую оказывают своеобразие природного ландшафта, мифологические взгляды, религиозные верования и весь уникальный общественно-исторический опыт нашего народа.

Библиографический список

Абазова К.В., Абазов З.В., Бориева М.К. Желтый цвет как признак болезни, старости, увядания в английской и русской лингвокультурах // Казанская наука. 2016. № 4. С. 56–58.

Абрамова В.И. Символика цвета в русской вербальной культуре // Образование — лингвистика — коммуникация: современные тенденции и перспективы развития: Всероссийская научно-практическая конференция: сб. ст. Новомосковск: Новомосковский институт РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2020. С. 6–8.

Болдырев Н.Н. Интерпретация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17–27.

Большакова А.Ю. Автор и герой в концептосфере Владимира Личутина. Статья первая // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 2. С. 6–18.

Бояркина А.А. Специфика отображения символики жёлтого цвета посредством английских и немецких существительных в текстах онлайн-СМИ // Вестник Удмуртского университета. Серия: Исто-

рия и филология. 2023. Т. 33. № 6. С. 1443–1449. <https://www.doi.org/10.35634/2412-9534-2023-33-6-1443-1449>.

Василевич А.П. Этимология цветообозначений как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2016. 320 с.

Ковтун Н.В. Художественный мир В. Личутина (религиозно-нравственные аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 28 с.

Кожемякова Е.А. Исаев Ю.Н., Губанов А.Р., Петухова М.Е. Семантические универсалии в эволюции цветообозначений общеславянского и пратюркского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 8. С. 2432–2436.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в русском и польском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 191 с.

Ойношев В.П., Ойнош С.В. Цветовая символика в традиционной культуре алтайцев // Алтаистика. 2024. № 1 (12). С. 71–78. <https://www.doi.org/10.25587/2782-6627-2024-1-71-78>.

Перфилова М. Н. Словообразование архаичных цветообозначений в русском языке // Art Logos (искусство слова). 2023. № 4. С. 178–202. https://www.doi.org/10.352 31/25419803_2023_4_178.

Плюхин В.И., Дувакина Н.М. Жанрово-стилистическое своеобразие творчества В. Личутина (по произведениям «Скитальцы», «Раскол») в контексте русской прозы Европейского Севера // МИР НАУКИ, культуры, образования. 2012. № 3. С. 130–133.

Полубояров Д. И. Художественная картина мира // Культура. Духовность. Общество. 2016. № 22. С. 7–11.

Самойлова А. Известные и малоизвестные мифические существа мира. Электронный ресурс <https://fishki.net/1469532-izvestnye-i-maloizvestnye-mificheskie-suwestva-mira.html>

Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1 / под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Электронный ресурс <https://archive.org/details/slavyanskiedrevnostikn141993g/page/n687/mode/2up?view=theater>

Таныгина Е.А. Образ жёлтого цвета в сознании представителей современной русской и кыргызской культуры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 2 (81). С. 74–83. <https://www.doi.org/10.26456/vtfilol/2024.2.074>.

Турскова Т.А. Новый справочник символов и знаков. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 798 с.

Флоря А.В. Жёлтый цвет в поэзии А.А. Галича 1960–1970-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23. С. 125–131.

Хаджи Мусаи С.А., Мадаени Аввал А. Колоратив «жёлтый» во фразеологической картине мира русского и персидского языков: аксиологический аспект // Филология: научные исследования. 2024. № 1. С. 63–73. <https://www.doi.org/10.7256/2454-0749.2024.1.69563>.

Цегельник И.Е. Жёлтый: цвет и свет в картине мира Иосифа Бродского // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1 (32). С. 166–170.

Чаплыгина Ю.А. Семантика лексем *жёлтый* и *золотой* в курских частушках // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 4 (51). С. 422–434.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Изд. «Русский язык», 1999. 624 с.

Шарейко А.А. Жёлтый цвет в ассоциациях носителей славянских языков // Русский язык: система и функционирование. К 100-летию Белорусского государственного университета: материалы IX Международной научной конференции, Минск, 19–20 октября 2021 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 188–192.

Hamilton R. Colour in English: From Metonymy to Metaphor: Thesis. Glasgow, 2016. 230 p. Электронный ресурс <http://theses.gla.ac.uk/7353/>

Список источников

Личутин В. В. Беглец из рая: роман. М.: Вече, 2017. 640 с.

Личутин В. В. В ожидании Бога: роман. М.: Вече, 2017. 752 с.

Личутин В. В. Миледи Ротман. М.: ИТРК, 2001. 416 с.

Личутин В. В. Последний колдун. М.: ИТРК, 2008. 688 с.

Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. I. Венчание на царство. М.: Издательство ИТРК, 2008. 448 с.

Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. II. Крестный путь. М.: Изд-во «Информпечать» ИТРК РСПП, 2000. 736 с.

Личутин В. В. Река любви. Москва: ИТРК, 2010. 344 с.

Личутин В. В. Скитальцы: исторический роман. Москва: ИТРК, 2003. 848 с.

Личутин В. В. Фармазон: Роман-хроника. М.: Вече, 1994. 575 с.

References

Abazova K.V., Abazov Z.V., Borieva M.K. Yellow color as a sign of illness, old age, wilting in English and Russian linguistic cultures. *Kazanskaya nauka* = Kazan science, 2016, no. 4. pp. 56–58. (In Russian).

Abramova V.I. Symbolism of color in Russian verbal culture. *Obrazovanie — lingvistika — kommunikatsiya: sovremennye tendentsii i perspektivy razvitiya* = Education — linguistics — communication: current trends and development prospects, Novomoskovsk, 2020, pp. 6–18. (In Russian).

Boldyrev N.N. Interpretation of knowledge in the language system. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* = Issues of Cognitive Linguistics, 2007, no. 4, pp. 20–21. (In Russian).

Bolshakova A.Yu. Author and hero in the concept sphere of Vladimir Lichutin. Pt. 1. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki* = Bulletin of the Moscow State University for the Humanities named after M.A. Sholokhov, 2009, no. 2, pp. 6–18. (In Russian).

Boyarkina A.A. Specifics of displaying yellow symbols through English and German nouns in online media text. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* = Bulletin of Udmurt University, 2023, no. (33) 6, pp. 1443–1449. <https://www.doi.org/10.35634/2412-9534-2023-33-6-1443-1449>. (In Russian).

Vasilevich A.P. Etymology of color designations as a mirror of national-cultural consciousness. In *Names of color in Indo-European. languages: Systemic and historical analysis*, Moscow, 2016. 320 pp. (In Russian).

Kovtun N.V. Artistic world of V. Lichutin (religious and moral aspects). Abstract of Philol. Cand. Diss. St. Petersburg, 1995. (In Russian).

Kozhemyakova E.A., Isaev Yu.N., Gubanov A.R., Petukhova M.E. Semantic universals in the evolution of color designations of the common Slavic and Praturk languages. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Issues of theory and practice, 2023, no. 16(8), pp. 2432–2436. (In Russian).

Krasnykh V.V. Virtual reality or real virtuality? Man. Consciousness. Communication. Moscow, 1998, 352 pp. (In Russian).

Kulpina V.G. Linguistics of color: Color terms in Russian and Polish, Moscow, 2001, 470 pp. (In Russian).

Kukhareno V.A. Interpretation of the text, Moscow, 1988, 191 pp. (In Russian).

Oinoshev V.P., Oinosh S.V. Color symbolism in the traditional culture of Altai people. *Altaistika* = Altaistika, 2024, no. 1(12), pp. 71–78. <https://www.doi.org/10.25587/2782-6627-2024-1-71-78>. (In Russian).

Perfilova M.N. Word formation of archaic color designations in Russian. *Art Logos (iskusstvo slova)* = Art Logos, 2023, no. 4, pp. 178–202. https://www.doi.org/10.35231/25419803_2023_4_178. (In Russian).

Plyukhin V.I., Duvakina N.M. The genre-stylistic originality of V.Lichutin's work (based on the works «Wanderers», «Split») in the context of Russian prose of the European North. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = World of Science, Culture, Education, 2012, no. 3, pp. 130–133. (In Russian).

Poluboyarov D.I. Artistic picture of the world. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo* = Culture. Spirituality, 2016, no. 22, pp. 7–11. (In Russian).

Samoilova A. Famous and little-known mythical creatures of the world. Retrieved from <https://fishki.net/1469532-izvestnye-i-maloizvestnye-mificheskie-suwestva-mira.html>. (In Russian).

Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary, vols 1–4, Moscow, 1995. Retrieved from: <https://archive.org/details/slavyanskiedrevnostikn141993g/page/n687/mode/2up?view=theater>. (In Russian).

Tanygina E.A. The image of yellow in the minds of representatives of modern Russian and Kyrgyz culture. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tver State University, 2024, no. 2(81), pp. 74–83. <https://www.doi.org/10.26456/vtfilol/2024.2.074>. (In Russian).

Turskova T.A. New directory of symbols and signs, Moscow, 2003, 798 pp. (In Russian).

Florya A.V. Yellow color in the poetry of A.A. Galich 1960s–1970s. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 2008, no. 23, pp. 125–131. (In Russian).

Haji Musai S.A., Madaeni Avval A. Kolorativ «yellow» in the phraseological picture of the world of Russian and Persian languages: axiological aspect. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* = Philology: scientific research, 2024, no. 1, pp. 63–73. <https://www.doi.org/10.7256/2454-0749.2024.1.69563>. (In Russian).

Tsegelnik I.E. Yellow: color and light in the picture of the world of Joseph Brodsky. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* = Humanities and socio-economic sciences, 2007, no. 1(32), pp. 166–170. (In Russian).

Chaplygina Yu.A. Semantics of yellow and gold lexemes in Kursk ditties. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = Theory of language and intercultural communication, 2023, no. 4(51), pp. 422–434. (In Russian).

Chernykh P.Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language, vol. 1, Moscow, 1999, 624 pp. (In Russian).

Shareiko A.A. Yellow color in associations of native speakers of Slavic languages. *Russkiy yazyk: sistema i funktsionirovanie. K 100-letiyu Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* = Russian language: system and

functioning. To the 100th anniversary of the Belarusian State University. Minsk, 2021, pp. 188–192. (In Russian).

Hamilton R. Colour in English: From Metonymy to Metaphor: Thesis. Glasgow, 2016. Retrieved from: <http://theses.gla.ac.uk/7353/>

List of Sources

- Lichutin V.V. Fugitive from Paradise: a novel, Moscow, 2017, 640 p.
Lichutin V.V. Waiting for God: a novel, Moscow, 2017, 752 p.
Lichutin V.V. Milady Rothman, Moscow, 2001, 416 p.
Lichutin V.V. The Last Sorcerer, Moscow, 2008, 688 p.
Lichutin V.V. Schism: a novel, books I; The coronation, Moscow, 2008, 448 p.
Lichutin V.V. Schism: a novel, book II: The Way of the Cross, Moscow, 2000, 736 p.
Lichutin V.V. River of Love, Moscow, 2010, 344 p.
Lichutin V.V. Wanderers: a historical novel, Moscow, 2003, 848 p.
Lichutin V.V. Freemason: A Chronicle Novel, Moscow, 1994, 575 p.

СОПОСТАВЛЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНО- ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ван Чуньму

Ключевые слова: термин, музыкально-исполнительская терминология, русский язык, китайский язык, внутренняя форма

Keywords: term, musical and performance terminology, Russian language, Chinese language, inner form

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–11](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–11)

Введение

Термин как языковая единица представляет собой «слово или словосочетание, принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях» [Суперанская, 2012, с. 6]. В качестве термина может быть использовано слово, словосочетание, символ или аббревиатура. При этом термин является «вербализованным результатом профессионального мышления» [Голованова, 2008, с. 51]. В.М. Лейчик пишет о нескольких функциях термина, среди которых выделяются номинативная, коммуникативная и эвристическая. Так, под номинативной функцией понимается использование терминов для присвоения наименований специальным объектам в рамках той или иной научной дисциплины; коммуникативная функция состоит в способности термина передавать специальные знания; эвристическая функция заключается в возможности термина служить инструментом для получения нового научного знания [Лейчик, 1979, с. 78]. Следовательно, изучение терминов представляет интерес как для языкознания, так и для других наук. Кроме того, приведенные выше функции указывают также на то значение, которое имеют терминологические системы для процесса обучения: постижение научной дисциплины невозможно без изучения ее терминологии.

В настоящее время 32,6 тысячи китайских граждан обучаются в вузах России. Согласно социологическим исследованиям, интерес к российскому образованию, в том числе и музыкальному, в Китае продолжает расти [Бабаян, 2024, с. 164]. Актуальность темы данного исследования, с одной стороны, связана с тем, что овладение русскоязычной терминологической системой выбранной специальности, а также ее соотнесение с системой терминов в родном языке является важнейшим

фактором, влияющим на эффективность освоения китайскими студентами российских образовательных программ. С другой же стороны, исследование терминов и терминологических систем, представляющих собой «значительный пласт словарного запаса национального языка» [Николаева, 2022, с. 30], значимо также и для современного языкознания. При этом сопоставление терминов в языках, относящихся к разным морфологическим типам и использующих разные системы письма, представляет особенный интерес.

Материал, цель и методы исследования

Целью данной статьи является сопоставление музыкально-исполнительских терминов в русском и китайском языках: их этимологии и внутренней формы. Под музыкально-исполнительской терминологией понимается «совокупность терминов данной сферы искусства» [Петровская, 2009. с. 7]. Внутренняя форма слова представляет собой «порядок выражения и обозначения с помощью слова нового содержания», «выработанную модель, языковую формулу, по которой с участием предшествующих слов и их значений происходит формирование новых слов и значений» [Алифиренко, 2005, с. 15]. Внутренняя форма тесно связана с этимологией, она отражает исторически мотивированную связь звукового состава слова с его значением [Будагов, 2003, с. 81]. Источником для сбора материала послужили «Словарь музыкальных терминов» [Юцевич, 1988] и «Новый русско-китайский и китайско-русский словарь музыкальных терминов» [Пэн Чэн, 2022]. В данном исследовании применяются методы направленной выборки, сравнительно-сопоставительного и компонентного анализа, а также описательный и индуктивно-дедуктивный методы.

Результаты исследования

Учитывая упорядоченность и структурированность системы терминов музыкально-исполнительского искусства, а также тот факт, что особенности музыкального термина обусловлены его «принадлежностью к определенной тематической группе» [Петровская, 2009. с. 7], мы обратимся к следующим группам терминов: темп музыкального произведения, динамические оттенки, приемы игры, способы украшения мелодии.

1. Термины, описывающие темп музыкального произведения

Основу международного профессионального языка музыкантов составляют итальянские музыкальные термины [Бономи, 2016; Нагорнова, 2019; Панов, 2012]. В русском языке также большинство тер-

минов, относящихся к области музыкально-исполнительского искусства, являются прямыми заимствованиями из итальянского, и, кроме того, французского и немецкого языков, что связано с «высоким развитием западноевропейских школ музыкального искусства и влиянием их традиций в области профессионального музыкального образования» [Надольская, 2015, с. 187], и носят интернациональный характер [Ткаченко, 1998, с. 74]. Названия темпов заимствованы в русский язык из итальянского и также представляют собой часть международной музыкальной терминологической системы. В качестве основного способа заимствования выступает транслитерация: русские термины «аллегро», «аллегретто», «ларгетто» и другие, происходящие от итальянских «*allegro*», «*allegretto*», «*largetto*», сохраняют буквенный состав слова, характерный для языка-источника. При этом иногда используется также и транскрипция. Так, русское «*виваче*» (вместо побуквенного «*виваце*» или «*виваке*») отражает произношение данного термина — «*vivace*» — в итальянском языке: согласно правилам чтения, «с» перед гласными «е» и «i» в итальянском читаются как «ч». Отметим, что в русскоязычной сфере музыкального исполнительства на письме могут равно применяться как графически освоенные, так и не освоенные термины: «*grave*» и «*grave*», «*нресто*» и «*presto*».

В русском языке данные лексические единицы используются исключительно как термины и не употребляются вне музыкальной сферы. Однако в языке-источнике слова, служащие для названия темпов, представляют собой результат терминологизации общеупотребительных лексических единиц (кроме «*andantino*» и «*allegretto*», употребляемых только в качестве терминов). Так, в русском языке название медленного музыкального темпа «*ларго*» происходит от итальянского «*largo*», относящегося к общеупотребительной лексике и означающего «широкий, обширный, обильный, щедрый, богатый» (например, «*strada larga*» — «широкая дорога», «*calzoni larghi in cintola*» — «широкие в поясе брюки»). Кроме того, в итальянском языке «*largo*» также музыкальный термин, обозначающий медленный темп, и лингвистический термин, называющий открытое произношение звука.

В китайском языке термины семантической группы «темп» включают в себя в основном по два иероглифа, каждый из которых является общеупотребительной лексической единицей. Например, темпу «*ларго*» соответствует китайский термин «广板». Первый иероглиф, входящий в состав термина, имеет значение «широкий, обширный, беспредельный» (например, «使用范围很广» — «область (сфера) применения очень обширна»). Второй иероглиф «板» используется как

музыкальный термин в значении *«ритм, такт, темп»*. Данное слово, как и большинство слов в китайском языке, является полисемантом. Первое его значение, на основе которого образовались другие — *«доска; дощечка; дощатый»*. Основанием для перехода слова из области общеупотребительной лексики в специальную стало одно из значений слова — *«дощечки для отбивания такта; кастаньеты»*. Названия различных традиционных ударных китайских инструментов, похожих на кастаньеты, включают в себя данный иероглиф: «简板» — инструмент, именуемый «цзяньбань», «拍板» — «пайбань» [Цзинь Цзясян, 1993. с. 71]. Важно, что иероглиф «板» входит в состав абсолютно всех китайских темповых обозначений и представляет собой слово-маркёр, указывающий на отнесенность термина к семантической группе «темпы». Использование данного иероглифа также связывает термины группы «темп» с историей традиционной китайской музыки. Большинство темповых терминов в китайском языке имеют структуру *«прилагательное + 板»*. Обязательность иероглифа «板» в составе каждого из анализируемых терминов позволяет рассматривать его также и в качестве морфемы, участвующей в образовании терминов данной тематической группы, а именно как полуаффикс (полусуффикс). Полуаффиксам как структурным единицам присущи (в большей или меньшей степени) наличие лексического значения и синтаксической самостоятельности [Кленин, 2013, с. 101], а также способность указывать на принадлежность слова к определенной семантической группе [Горелов, 1982, с. 50].

Сопоставительный анализ внутренней формы терминов данной группы в китайском и итальянском языках позволяет сделать вывод, что большинство китайских терминов являются семантическими кальками с итальянского: значительная часть прилагательных, входящих в название темпа и соответствующих структуре *«прилагательное + 板»*, в китайском языке совпадает со значением общеупотребительного слова итальянского языка, ставшего впоследствии музыкальным термином. Например, одно из значений итальянского *«grave»* — *«торжественно»*, и в китайском языке название соответствующего темпа включает в себя иероглиф «庄», также имеющий значение *«торжественный»*. Данный вывод согласуется с исследованиями общей китайской музыкальной терминологии, в которых отмечается, что «развитие музыкальной терминологии в Китае происходило путем заимствования западноевропейской лексики» [Цзя Шуцзюань, 2020, с. 466]. Таким об-

разом, в русском и китайском языках музыкальная темповая терминология является заимствованной, в качестве языка-источника выступает итальянский язык, однако в русском языке в качестве способа заимствования используются транслитерация и транскрипция, а в китайском — семантическое калькирование. Исследователи отмечают частотность семантического калькирования как способа заимствования терминов в китайском языке и его преобладание над транслитерацией, делающей термин семантически непрозрачным для носителей языка. Так, лингвистические термины «葛郎玛» [гэ лан ма] — «грамматика» и «爱斯不难读» [ай сы бу нань ду] — «эсперанто», заимствованные с помощью транслитерации, со временем были вытеснены соответственно терминами «语法» [юй фа] («правило языка») и «世界语» [ши цзе юй] («мировой язык»), составленными из общеупотребительных иероглифов [Ци Ялунь, 221, с. 208].

Такие названия темпов, как «ларгетто», «алегретто», «престиссимо», также заимствованные из итальянского, в русском языке имеют производный характер основы — в качестве производящей основы выступают соответственно термины «ларго», «аллегро», «престо». В языке-источнике названия производных темпов образованы суффиксальным способом. Так, с помощью присоединения уменьшительно-ласкательного суффикса *-etto* к термину, обозначающему основной темп («ларго», «аллегро»), появились такие слова, как «*largetto*» и «*allegretto*». В китайском языке термин «小广板» («ларгетто») также образуется от «广板» («ларго»), а «小快板» («аллегретто») от «快板» («аллегро») аффиксальным способом — путем добавления префикса «小», означающего «маленький». В итальянском языке название темпа «*prestissimo*» представляет собой превосходную степень прилагательного «*presto*», образованную при помощи суффикса *-issimo*. Китайский термин «最急板» («престиссимо») образован от «急板» («престо») путем присоединения наречия «最», которое в китайском языке служит средством образования превосходной степени прилагательных. Таким образом, производные темпы в китайском языке также представляют собой структурно-семантические кальки с итальянского.

Полный перечень терминов, описывающих темп музыкального произведения, приведен в таблице 1.

Таблица 1

**Состав терминов группы «темпы» в русском, итальянском
и китайском языках¹**

Русский язык [Юцевич, 1988]	Итальянский язык [Забазная, 2021]	Китайский язык [Ошанин, 1983; Пэн Чэн, 2022]
Медленные темпы		
<i>Граве</i>	<i>Grave</i> — тяжелый, перен. тяжкий; серьезный; значительно, торжественно , тяжело; муз. значительно, торжественно, тяжело	庄板 庄 — торжественный 板 — темп
<i>Ларго</i>	<i>Largo</i> — широкий; обширный , просторный, большой, удобный; муз. медленный (о темпе)	广板 广 — широкий, обширный , беспредельный 板 — темп
<i>Ларгетто</i>	<i>Larghetto</i> — широковатый ; муз. ларгетто	小广板 小 — маленький 广 — широкий , обширный, беспредельный 板 — темп
<i>Ленто</i>	<i>Lento</i> — медленный , неторопливый; муз. медленно, неторопливо	慢板 慢 — медленный 板 — темп
<i>Адажио</i>	<i>Adagio</i> — медленно, неспеша, тихо; муз. адажио	柔板 柔 — мягкий, нежный 板 — темп
Умеренные темпы		
<i>Анданте</i>	<i>Andante</i> — простой, обыкновенный; муз. свободно, легко, плавно; анданте	行板 行 — идти, ходить, продвигаться, путешествовать 板 — темп
<i>Андантино</i>	<i>Andantino</i> — муз. андантино	小行板 小 — маленький, 行 — идти, ходить, продвигаться, путешествовать 板 — темп
<i>Модерато</i>	<i>Moderato</i> — выдержанный, умеренный; муз. умеренно	中板 中 — середина 板 — темп

¹ Изучение музыкально-исполнительской терминологии итальянского и других европейских языков не является целью данного исследования, однако поскольку большинство музыкальных терминов в русском и китайском языках – заимствования, обращение к языкам-источникам становится важной частью приведенного анализа.

<i>Аллегретто</i>	<i>Allegretto</i> — муз. аллегретто	小快板 小 — маленький, 快 — быстрый 板 — темп
Быстрые темпы		
<i>Аллегро</i>	<i>Allegro</i> — веселый, бодрый, радостный; муз. аллегро	快板 快 — быстрый 板 — темп
<i>Виваче</i>	<i>Vivace</i> — живой , полный жизни, рез- вый; муз. виваче	活版 活 — живой , живущий, гиб- кий, подвижный 板 — темп
<i>Престо</i>	<i>Presto</i> — быстрый , скорый, ловкий, проворный; муз. престо	急板 急 — быстрый , стремитель- ный, вспыльчивый 板 — темп
<i>Престис- симо</i>	<i>Prestissimo</i> — очень быстро ; муз. престиссимо	最急板 最 — самый , 急 — быстрый , стремитель- ный, вспыльчивый 板 — темп

2. Термины, обозначающие динамические оттенки

В русском языке термины данной тематической группы также заимствованы из итальянского и являются частью интернациональной терминологической системы. В качестве способа заимствования выступает в основном транслитерация: большинство русских терминов отражает буквенный состав слов языка-источника. Так, русские термины «*пианиссимо*», «*фортиссимо*», «*меццо*», как и итальянские «*pianissimo*», «*fortissimo*», «*mezzo*», содержат удвоенные согласные. При заимствовании в русский язык термина «*mezzo*» был передан также буквенный, а не звуковой состав слова («*меццо*» вместо «*медзо*»). Однако в некоторых случаях при заимствовании использовалась и транскрипция: русский термин «*крецендо*» отражает звуковой состав итальянского «*crescendo*», а не его написание. На письме в русскоязычной сфере музыкального исполнительства возможно применение как графически освоенных, так и не освоенных терминов: «*пиано*» и «*piano*», «*форте*» и «*forte*».

Русские термины группы «динамические оттенки» принадлежат исключительно сфере музыкального исполнительства. В итальянском некоторые из них являются терминологизированными общеупотребительными словами («*piano*», «*forte*»), некоторые состоят из общеупотребительных слов, в сочетании используемых только в качестве тер-

минов («*mezzo piano*», «*mezzo forte*»). Так, слово «*piano*» в итальянском языке имеет значение «плоский», «ровный», «гладкий», «понятный, ясный», «тихо, негромко» и также применяется как музыкальный термин. Терминологическое словосочетание «*mezzo piano*» включает в себя общеупотребительные лексические единицы «*mezzo*» (что означает «половинный, половина»; «средний, середина») и «*piano*». Первым словарным значением «*crescendo*» в итальянском языке является музыкальное «*крещендо*», т.е. постепенное увеличение силы звука, вторым, переносным значением — «усиление, увеличение». Названия производных темпов в итальянском («*pianissimo*», «*fortissimo*») функционируют исключительно в качестве терминов.

Китайские термины данной тематической группы также состоят из иероглифов, являющихся общеупотребительными лексическими единицами. Например, «弱» («пиано») означает «слабый, хилый, нежный, мягкий» («弱身» — «слабая комплекция; хилый организм»). Термины, называющие динамические оттенки в китайском языке, в отличие от тех, что обозначают темпы, не имеют иероглифа-маркёра, указывающего на принадлежность слова определенной смысловой группе.

Термины «пианиссимо», «фортиссимо» в русском языке имеют производный характер основы, а в качестве производящей основы выступают соответственно «пиано» и «форте». В итальянском языке слова «*pianissimo*», «*fortissimo*» образованы как превосходная степень прилагательных «*piano*» и «*forte*» с помощью суффикса *-issimo*. Китайские термины «很弱» («пианиссимо») и «最强» («фортиссимо») образованы от «弱» («пиано») и «强» («форте») с помощью наречий «很» и «最», первое из которых указывает на высокую степень проявления признака, а второе является средством создания превосходной степени прилагательных. Названия динамических оттенков «*меццо пиано*» и «*mezzo piano*», «*меццо форте*» и «*mezzo forte*» в русском и итальянском языках представляют собой словосочетания. В китайском языке «中强» («меццо форте») и «中弱» («меццо пиано») образованы соответственно от «强» («форте») и «弱» («пиано») по той же модели, что и в итальянском: «слово со значением „середина“ + название динамического оттенка». Таким образом, производные названия динамических оттенков в китайском языке также являются структурно-семантическими кальками с итальянского. Сопоставление терминов, обозначающих производные динамические оттенки в китайском и итальянском языках, также указывает на применение семантического калькирования с итальянского в китайском языке (см. табл. 2).

Таблица 2

**Состав терминов группы «динамические оттенки» в русском,
итальянском и китайском языках**

Русский язык [Юцевич, 1988]	Итальянский язык [Забазная, 2021]	Китайский язык [Ошанин, 1983; Пэн Чэн, 2022]
<i>Пиано</i>	<i>Piano</i> — плоский, ровный, гладкий; медленный; понятный, ясный; тихо, негромко; муз. пиано	弱 弱 — слабый, хилый, нежный, мягкий
<i>Пианиссимо</i>	<i>Pianissimo</i> — муз. пианиссимо	很弱 弱 — слабый, хилый, нежный, мягкий 很 — очень
<i>Меццо пиано</i>	<i>Mezzo piano</i> — муз. меццо пиано <i>mezzo</i> — половинный, половина; средний, середина <i>piano</i> — плоский, ровный, гладкий; медленный; понятный, ясный; тихо, негромко; муз. пиано	中弱 中 — середина 弱 — слабый, хилый, нежный, мягкий
<i>Форте</i>	<i>Forte</i> — сильный , крепкий; крупный, здоровый, толстый; стойкий, твердый; муз. форте	强 强 — сильный , мощный, могучий
<i>Фортиссимо</i>	<i>Fortissimo</i> — муз. фортиссимо	最强 最 — самый 强 — сильный, мощный, могучий
<i>Меццо форте</i>	<i>Mezzo forte</i> <i>mezzo</i> — половинный, половина; средний, середина <i>forte</i> — сильный, крепкий; крупный, здоровый, толстый; сильный, стойкий, твердый; муз. форте	中强 中 — середина 强 — сильный, мощный, могучий
<i>Крецендо</i>	<i>Crescendo</i> — муз. крецендо; усиление, увеличение	渐强 渐 — постепенно, мало-помалу 强 — сильный, мощный, могучий
<i>Диминуэндо</i>	<i>Diminuendo</i> — муз. диминуэндо, постепенно ослабевающая; мат. уменьшаемое	渐弱 渐 — постепенно, мало-помалу 弱 — слабый, хилый, нежный, мягкий

3. Термины, обозначающие приемы игры

Лексические единицы данной тематической группы в русском языке также являются транскрибированными итальянскими терминами. Написание слов «*стаккато*», «*глиссандо*», «*пиццикато*» отражает удвоение согласных, имеющееся в языке-источнике («*staccato*», «*glissando*», «*pizzicato*»). При заимствовании термина «*арпеджио*» использовались

как транслитерация, так и транскрипция: две последние гласные соответствуют буквенному составу итальянского «*arpeggio*», однако не повторяют его произношение — [арпеджо]; в то же время согласные *дж* в русском «арпеджио» передают звучание итальянского слова, но не отражают его написание. В сфере музыкального исполнительства применяются и графически освоенные, и не освоенные варианты («*legato*» и «*legato*», «*стаккато*» и «*staccato*» и т.д.). Слова данной группы в русском языке функционируют исключительно как музыкальные термины.

В итальянском языке такие общепотребительные лексические единицы, как «*legato*», «*staccato*», «*vibrato*», получили статус терминов, обозначающих приемы игры. Итальянское «*glissando*» используется только в качестве музыкального термина и происходит от французского отглагольного прилагательного «*glissant*», означающего «скользящий». При этом внутренняя форма термина «*glissando*» в итальянском мотивируется глаголом «*glissare*», употребляемым обычно в переносном значении — «поверхностно касаться», «уходить», «ускользнуть». Этот глагол также восходит к французскому «*glisser*» — «скользить». Слово «*pizzicato*» в итальянском функционирует только как музыкальный термин и мотивировано глаголом «*pizzicare*» — «щипать (пальцами)». Большинство китайских терминов, называющих приемы игры, являются семантическими кальками с итальянского языка. Например, китайское «连贯地» («*legato*») образовано от «连贯» — «связывать, соединять, связанный, взаимосвязанный», итальянское «*legato*» также имеет значение «связанный»; «断音» («*стаккато*») включает в себя иероглиф «断» — «разрубить, разрезать, разламывать», а итальянское «*staccato*» означает «отдельный, оторванный»; внутренняя форма китайского «滑音» («*глиссандо*») и итальянского «*glissando*» мотивирована идеей скольжения. Оригинальным является осмысление приема игры «*стаккато*» в китайском языке: термин «跳音» буквально можно перевести как «танцующий звук». Этот вариант термина существует в качестве альтернативы кальке с итальянского. Национальную специфику имеет китайское «琶音» («*арпеджио*»): иероглиф «琶» входит в название китайского традиционного музыкального инструмента, четырехструнной гитары — «琵琶». Такая внутренняя форма обусловлена характером самого приема игры: «арпеджио — исполнение звуков аккорда поочередно в восходящем или (очень редко) в нисходящем порядке» [Юцевич, 1988, с. 12]. Данный прием используется при игре на струнных щипковых инструментах. В итальянском языке внутренняя форма термина «*arpeggio*» также обусловлена спецификой этого приема и связана с образом струнного музыкального инструмента: слово происходит от глагола «*arpeggiare*» — играть на арфе, его буквальный перевод — «как на арфе».

Китайские термины данной тематической группы в основном включают в себя по два иероглифа, использующихся отдельно как общеупотребительные лексические единицы. Исключением является термин «连贯地» («*legato*»), состоящий из трех иероглифов, последний из которых — «地» — представляет собой суффикс, образующий наречия. Некоторые из терминов данной группы в китайском языке («断音», «跳音», «琶音», «滑音») образованы путем прибавления к глаголу или прилагательному слова-маркёра «音» — «звук», которое также может употребляться самостоятельно или входить в состав других слов («音乐» — «музыка», «辅音» (лингв.) — «согласный звук») (см. табл. 3).

Таблица 3

**Состав терминов группы «приемы игры» в русском,
итальянском и китайском языках**

Русский язык [Юцевич, 1988]	Итальянский язык [Забазная, 2021]	Китайский язык [Ошанин, 1983; Пэн Чэн, 2022]
<i>Легато</i>	Ит. <i>Legato</i> — связанный ; ско- ванный, неловкий; муз. легато	连贯地 连贯 — связывать, соединять, связан- ный , взаимосвязанный 地 — суффикс, образующий наречие
<i>Стаккато</i>	Ит. <i>Staccato</i> — отделенный, оторванный; отрывисто ; муз. стаккато	1)断音 断 — разрубать, разрезать, разламывать 音 — звук 2)跳音 跳 — танцевать 音 — звук
<i>Арпеджио</i>	Ит. <i>Arpeggio</i> — муз. ар- педжио; образовано от ит. « <i>arpeggiare</i> » — играть на арфе	琶音 琶 входит в название китайского тради- ционного инструмента, четырёхструн- ной гитары — 琵琶 音 — звук
<i>Глиссандо</i>	Ит. <i>Glissando</i> — муз. глис- сандо; образовано от фр. « <i>glissant</i> » — скользящий , скользящий	滑音 滑 — скользящий , осклизлый 音 — звук
<i>Пиццикато</i>	Ит. <i>Pizzicato</i> — муз. пиц- цикато; образовано от ит. « <i>pizzicare</i> » — щипать (пальцами)	拨奏 拨 — перебирать (пальцами) 奏 — играть на музыкальном инструмен- те, исполнять произведения
<i>Вибрато</i>	Ит. <i>Vibrato</i> — энергичный, сильный; муз. вибрато	颤歌 颤 — дрожать, трястись, трепетать 歌 — песня

4. Термины, называющие способы украшения мелодии (орнаментика)

Термины, называющие способы украшения мелодии, в русском языке также являются частью интернациональной терминологической системы. Они заимствованы из европейских языков: немецкого, французского и итальянского. Слово «*группетто*» употребляется только в сфере музыкального исполнительства и представляет собой транслитерированное итальянское «*gruppetto*». Внутренняя форма данного термина в русском языке мотивируется общеупотребительным словом «*группа*», также заимствованным (ит.— «*gruppo*», фр.— «*groupe*») [Семенов, 2003]. Такая мотивировка подкрепляется также и значением термина: «мелодическое украшение, один из видов мелизмов», представляющих собой «группу из четырех или пяти нот» [Юцевич, 1988, с. 46]. В итальянском языке слово «*gruppetto*» представляет собой деминутив, образованный от «*gruppo*».

Термин «*трель*» в русском языке восходит к французскому «*trille*», заимствованному, в свою очередь, из итальянского (итал. «*trillo*» — «*трель; стрекот*»). При заимствовании в русский язык произошла замена звука «*i*» на звук «*e*», как в и в слове «*апрель*» (ст.-сл. «*априль*») [Шанский, 2004]. Кроме того, слово получило также грамматическое освоение: оно имеет мужской род во французском и итальянском языках, в русском же относится к женскому роду. Помимо терминологического значения «быстрое многократное чередование двух смежных звуков звукоряда» [Юцевич, 1988, с. 206] лексема «*трель*» также функционирует и как общеупотребительная единица, называющая «переливчатый, дрожащий звук» [Ожегов, 2003].

Такие термины, как «*мелизм*», «*форшлаг*», «*мордент*», среди которых первый и второй заимствованы из немецкого, а последний — из итальянского, в русском языке употребляются исключительно в сфере музыкального исполнительства. Термин «*мелизм*» является грамматически освоенным: в отличие от немецкого «*Melisma*», относящегося к среднему роду, в русском языке он принадлежит к роду мужскому. Лексема «*форшлаг*» заимствована в русский язык из немецкого путем транскрипции: первая буква слова соответствует не графеме «*v*», а произносимому на ее месте звуку «*f*», что обусловлено буквенно-фонетическими соответствиями немецкого языка.

В китайском языке все термины данной группы включают в себя по два иероглифа и соответствуют формуле «*глагол + 音*» (исключением является слово «*波音*» — «*мордент*», в котором «*波*» означает «*волна*» и является существительным). Иероглиф «*音*», имеющий значение

«звук», не может рассматриваться как слово-маркёр исключительно для терминов, входящих в семантическую группу «способы украшения мелодии», так как, в отличие от иероглифа «板» («темп»), который присутствует только в составе терминов группы «темпы», «音» используется также и в некоторых названиях приемов игры.

Внутренняя форма терминов данной группы в китайском языке может быть связана с внешним видом символов, указывающих на необходимость использования того или иного приема украшения мелодии. Так, китайское «波音» («мордент») включает в себя иероглиф «波» — «волна». Такая внутренняя форма обусловлена, во-первых, графическим обозначением данного приема () , напоминающим волну, а во-вторых, связана и со способом исполнения мордента, для которого характерно волнообразное движение мелодии: «мордент — быстрое последовательное исполнение трех нот: главной (написанной), вспомогательной (на секунду выше главной) и снова главной» [Юцевич, 1988, с. 122]. В состав термина «倚音» («форишлаг») входит иероглиф «倚» — «прислоняться», что также отражает связь внутренней формы термина с графическим обозначением приема в системе нотного письма (— одна нота будто «прислоняется» к другой), но при этом в меньшей степени коррелирует с дефиницией термина: «форшлаг — название мелодического украшения, состоящего из одного или нескольких звуков, предшествующих основному звуку мелодии» [Юцевич, 1988, с. 222].

У других китайских терминов данной группы внутренняя форма обусловлена самим способом исполнения, который называет термин. Так, термин «装饰音» («мелизм») содержит слово «装饰» — «украшать», и его внутренняя форма коррелирует с определением термина: «мелизмы — названия мелодических украшений» [Юцевич, 1988, с. 112]. Иероглиф «回» («возвращать<ся>») в китайском «回音» («группетто») также указывает на связь внутренней формы слова с характером игры: название такого способа украшения мелодии отражает последовательность извлечения нот, необходимость вернуться к исходной ноте при исполнении группетто.

Иероглиф «颤» — «дрожать, трястись, трепетать», входящий в состав термина «颤音» («трель»), также связывает его внутреннюю форму с характером исполнения, напоминающим дрожание: «трель — вид мелизма, быстрое многократное чередование двух смежных звуков звукоряда» [Юцевич, 1988, с. 206]. Данный термин является семантической калькой с итальянского языка, в котором «trillo» («трель») происходит от «trillare» — «дребезжать». Что касается других терминов данной тематической группы, они представляют собой собственно

китайское языковое осмысление приемов игры и не калькируют международную музыкальную лексику. Например, немецкое и итальянское «*melisma*» («мелизм») восходят к греческому «*melos*», означающему вообще «мелодию» или «песню», в китайском же языке внутренняя форма данного термина в большей степени коррелирует с его дефиницией. Термин «*Vorschlag*» (заимствованный в русский язык как «форшлаг») в немецком языке имеет также значение «первый удар», «первый взмах», что отражает характер исполнения приема — до основного звука извлекается еще один или несколько других звуков. В итальянском и английском языках используется термин «*acciacatura*», образованный от итальянского глагола «*acciacare*», означающего «сминать, раздавливать» или «повреждать, деформировать», что также указывает на характер исполнения — необходимость быстрого, сжатого во времени извлечения звука, предшествующего основному. Внутренняя же форма китайского «倚音» («форшлаг») обусловлена графическим обозначением приема (см. табл. 4).

Таблица 4

**Состав терминов группы «способы украшения мелодии»
в русском и китайском языках, а также в языках, послуживших
источником для заимствования в русский язык
(немецкий, французский, итальянский)**

Русский язык [Юцевич, 1988]	Язык-источник (для русского языка) [Большой немецко-русский и русско-немецкий словарь; Большой французско-русский и русско-французский словарь; Забазная, 2021]	Китайский язык [Ошанин, 1983; Пэн Чэн, 2022]
<i>Мелизм</i>	Нем. <i>Melisma</i> — муз. мелизм; образовано от греч. <i>melos</i> — песня, мелодия	装饰音 装饰 — украшать 音 — звук
<i>Форшлаг</i>	Нем. <i>Vorschlag</i> — первый удар (молотком, цепом и т.д.); первый взмах (косы при косьбе); предложение, предположенное; муз. форшлаг	倚音 倚 — прислоняться 音 — звук
<i>Трель</i>	Фр. <i>Trille</i> — муз. трель (итал. <i>trillo</i> — трель; стрекот) образовано от ит. « <i>trillare</i> » — муз. выводить трель, пускать трели (о птицах); дребезжать	颤音 颤 — дрожать, трястись, трепетать 音 — звук
<i>Мордент</i>	Итал. <i>Mordente</i> — кусающий; острый, резкий; муз. мордент	波音 波 — волна 音 — звук
<i>Группетто</i>	Итал. <i>Gruppetto</i> — небольшая группа; муз. группетто	回音 回 — возвращать(ся) 音 — звук

Заключение

Таким образом, большинство музыкальных терминов как русского, так и китайского языка являются заимствованиями из итальянского, однако в качестве основного способа заимствования для русского языка выступает транскрипция с элементами транслитерации, а для китайского — семантическое и структурно-семантическое калькирование. Это обусловлено различиями между русской и китайской фонологическими системами: фонематический принцип, действующий в русском языке, позволяет использовать транслитерацию и транскрипцию при заимствовании, в то время как слоговый характер китайского языка делает данные способы заимствования менее удобными.

В рассмотренных нами тематических группах отсутствуют исконно русские по происхождению термины. При этом среди китайских терминов, называющих способы украшения мелодии, есть оригинальные терминологические единицы китайского языка, не являющиеся кальками с итальянского, внутренняя форма которых связана или с характером исполнения приема, или с особенностями его графического обозначения. Кроме того, следует отметить также использование в структуре некоторых китайских музыкальных терминов иероглифы, отсылающие к истории традиционной китайской музыки.

В русском языке данные термины, за исключением одной лексической единицы, употребляются только в сфере музыкального исполнительства. Как заимствования, преобладающее большинство музыкальных терминов русского языка имеет затемненную внутреннюю форму. Напротив, в китайском языке музыкальные термины, состоящие из общеупотребительных единиц-иероглифов, обладают прозрачной внутренней формой. Кроме того, включение в состав терминов иероглифов-маркёров, указывающих на отнесенность терминологической единицы к определенной тематической группе и в большей степени проясняющих внутреннюю форму и структуру слова, делает освоение музыкальной терминологии более удобным для носителя языка. Заучивание заимствованных терминов, лишенных внутренней формы, оказывается более сложной задачей как для носителя языка, так и для инофона.

Библиографический список

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.

Бабаян И.В., Пашинина Е.И., Чжан Фаншуо. Особенности культурной интеграции китайских студентов музыкантов-исполнителей в рос-

сийскую образовательную среду // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. Вып. 2. С. 163–171.

Бономи И. Итальянский язык и музыка в мире прошлого и настоящего: проникновение итальянской музыкальной терминологии в другие языки, их жизнеспособность в современном мире и популярность итальянского языка в музыке // *Studia Culturae*. 2016. Вып. 2. С. 101–108.

Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 2003. 544 с.

Голованова Е. И. Когнитивно-историческое терминоведение: предмет, проблематика, инструментарий // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2. С. 51–54.

Горелов В.И. Грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1982. 280 с.

Кленин И.Д., Щичко В.Ф. Лексикология китайского языка. М.: Восточная книга, 2013. 272 с.

Лейчик В.М. О методах и принципах конструирования терминосистем // Семантика естественных и искусственных языков в специализированных системах. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 192 с.

Нагорнова Л.Е. Вперёд и с песней: изучать итальянский *con anima* и *passione* // Философия, религия, культура. 2019. № 1. С. 207–213.

Надольская О.Н. Музыкально-исполнительская терминология. Введение в проблему // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 184–188.

Николаева Н.С. Специфика мотивированности терминов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1. С. 30–32.

Панов А.А., Розанов И.В. Итальянская темповая терминология в исполнительской практике Великобритании и США эпохи барокко, рококо и классицизма // Вестник СПбГУ. Сер. 15. 2012. Вып. 4. С. 82–27.

Петровская О.С. Формирование и развитие терминологии музыкально-исполнительского искусства: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2009. 20 с.

Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. М.: Юнвес, 2003. 704 с. Электронный ресурс <https://gufo.me/dict/semenov>

Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Либроком, 2012. 248 с.

Ткаченко Н.Г. К истории музыкальной терминологии // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / под. ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Филология, 1998. Вып. 5. С. 69–80.

Цзя Шуцзюань. Освоение музыкальных понятий в Китае // Актуальные проблемы искусства: история, теория, методика: материалы V Меж-

дунар. науч.-практ. конф. Минск, 11 нояб. 2020 г. / под ред. К.О. Успенского. Минск, 2020. С. 465–468.

Ци Ялунь. Сопоставление мотивированности русских и китайских терминов (на материале лингвистической терминологии). *Litera*. 2021. № 5. С. 207–213.

金家翔著. 中国古代乐器百图 /合肥: 安徽美术出版社, 1993 (Цзинь Цзясян. Изображения музыкальных инструментов Древнего Китая. Хэфэй, 1993.). 100 с.

Источники

Большой немецко-русский и русско-немецкий словарь. Электронный ресурс https://dic.academic.ru/contents.nsf/ger_rus/

Большой французско-русский и русско-французский словарь. Электронный ресурс https://dic.academic.ru/contents.nsf/fre_rus/

Забазная И.В., Ковач А.Е. Большой итальянско-русский и русско-итальянский словарь. М.: Интеллект-книга, 2021. 816 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. 943 с. Электронный ресурс <https://gufo.me/dict/ozhegov?ysclid=m8qzcnsgq36311531>

Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь. М.: Наука. 1983. Т. 2–4.

Пэн Чэн, Тан Ханьвэй, Усачева О., Ху Иньцзяо, Цюй Ва. Новый русско-китайский и китайско-русский словарь музыкальных терминов. Н. Новгород: Деком, 2022. 316 с.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2004. 398 с. Электронный ресурс <https://gufo.me/dict/shansky>

Юцевич Ю.Е. Словарь музыкальных терминов. Киев, 1988. 264 с.

References

Alefirenko N.F. Controversial problems of semantics, Moscow, 2005, 326 p. (In Russian).

Babayan I.V., Pashinina E.I., Zhang Fangshuo. The specifics of cultural integration of Chinese students-performing musicians in the Russian educational environment. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* = Proceedings of the Saratov University, 2024, vol. 24, iss. 2. pp. 163–171. (In Russian).

Bonomi I. Music and Italian language in the world in past and present time: Italian musical vocabulary in many languages, and prestige of Italian language for music. *Studia Culturae*, 2016, iss. 2, pp.101–108. (In Italian).

Budagov R.A. Introduction to the science of language, Moscow, 2003, 544 p. (In Russian).

Golovanova E.I. Cognitive-historical science of terminology: subject, problems, instruments of research. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* = Issues of cognitive linguistics, 2008, no. 2, pp. 51–54. (In Russian).

Gorelov V.I. Grammar of the Chinese language, Moscow, 1982, 280 p. (In Russian).

Klenin I.D., Shchichko V.F. Lexicology of the Chinese language, Moscow, 2013, 272 p. (In Russian).

Leychik V.M. On the methods and principles of constructing terminological systems. *Semantika yestestvennykh i iskusstvennykh yazykov v spetsializirovannykh sistemakh* = Semantics of natural and artificial languages in specialized systems, 1979, 192 p. (In Russian).

Nagornova L.E. Go ahead and sing: studying Italian con anima and passione. *Filosofiya, religiya, kul'tura* = Philosophy, religion, culture, 2019, no. 1, pp. 207–213. (In Russian).

Nadolskaya O.N. Musical terminology. Introduction to the problem. *Fundamental'nye issledovaniya* = Fundamental research, 2015, no. 2, pp. 184–188. (In Russian).

Nikolaeva N.S. The peculiarity of terms' motivation. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = International journal of humanities and natural sciences, 2022, no. 1, pp. 30–32. (In Russian).

Panov A.A., Rozanov I.V. Italian tempo terminology in performance practice of Great Britain and the USA in the Baroque, Rococo and Classicism. *Vestnik of Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Saint Petersburg State University, ser. 15, 2012, iss. 4, pp. 82–127. (In Russian).

Petrovskaya O.S. Formation and development of musical and performing art terminology. Abstract of Philol. Cand. Diss. Maikop, 2009, 20 p. (In Russian).

Semenov A.V. Etymological dictionary of the Russian language, Moscow, 2003, 704 p. Retrieved from: <https://gufo.me/dict/semenov>

Superanskaya A.V., Podolskaya N.V., Vasilyeva N.V. General terminology: Theoretical issues, Moscow, 2012, 248 p. (In Russian).

Tkachenko N.G. Of the history of musical terminology. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* = Language, consciousness, communication, Moscow, 1998, iss. 5, pp. 69–80. (In Russian).

Tszya Shutszyuan. Assimilation of musical concepts in China. *Aktual'nye problemy iskusstva: istoriya, teoriya, metodika* = Actual problems of art: history, theory, methodology, Minsk, 11, November 2020 / edited by K. O. Uspenskiy. Minsk, 2020, pp. 465–468. (In Russian).

Tsi Yalun'. The juxtaposition of Russian and Chinese terms motivation (on the basis of linguistic terminology). *Litera*, 2021, no. 5, pp. 207-213. (In Chinese).

金家翔. Pictures of musical instruments of Ancient China, Hefei, 1993, 100 p. (In Chinese)

List of Sources

Unabridged German-Russian and Russian-German dictionary. Retrieved from: https://dic.academic.ru/contents.nsf/ger_rus/

Unabridged French-Russian and Russian-French dictionary. Retrieved from: https://dic.academic.ru/contents.nsf/fre_rus/

Zabaznaya I.V., Kovach A.E. Unabridged Italian-Russian and Russian-Italian dictionary, Moscow, 2021, 816 p.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Russian language dictionary, Moscow, 2003, 943 p. Retrieved from: <https://gufo.me/dict/ozhegov?ysclid=m8qzcnsgq36311531>

Oshanin I.M. Unabridged Chinese-Russian dictionary, Moscow, 1983, vols. 2-4.

Pen Chen, Tan Khan'vey, Usacheva O., Khu In'tszyao, Tsyuy Va. New Russian-Chinese and Chinese-Russian dictionary of musical terms, Nizhniy Novgorod, 2022, 316 p.

Shanskiy N.M., Bobrova T.A. School etymological dictionary of the Russian language. The origin of words. Moscow, 2004, 398 p. Retrieved from: <https://gufo.me/dict/shansky>

Yutsevich Yu.E. Dictionary of musical terms, Kiev, 1988, 264 p.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АНГЛИЦИЗМЫ В ОБЩЕНИИ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОПРОСА ТЕСТИРОВЩИКОВ)

В.С. Коваленко

Ключевые слова: англицизмы, языковая адаптация заимствований, язык для специальных целей, компьютерный дискурс

Keywords: anglicisms, language adaptation of borrowings, language for special purposes, computer discourse

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–12](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–12)

Введение

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что основная доля иноязычных заимствований в мировых языках приходится на английский язык. Благодаря росту экономического, политического и технологического превосходства англоязычных стран в последние два столетия английский язык получил преимущество перед другими языками в плане удобства международной коммуникации, для обозначения понятия «глобальный английский» даже был создан термин «globish» [Horváth, 2011, p. 63]. Кроме того, в настоящее время в неанглоязычных странах английский является таким иностранным языком, которому отдается предпочтение при выборе для изучения, а также во многом языком научного и коммерческого общения.

Стоит отметить, что не все государства склонны поддерживать тенденцию к американизации, многие предпринимают меры по сохранению своей национальной идентичности. Во Франции для этой цели работает Комиссия по обогащению французского языка (Commission d'enrichissement de la Langue Française, CELF), которая создает словари французских слов, призванных заместить англицизмы. Д.Ю. Гулинов отмечает, что согласно французскому законодательству в области языкового регулирования, запрещено прибегать к иноязычным словам, если у них есть французский эквивалент, точно передающий то же значение [Гулинов, 2014, с. 2332]. Наряду с CELF в стране существует Французская академия, в которую входят лингвисты, отвечающие за регулирование случаев неоправданного использования иноязычной лексики. В скандинавских странах также существует регламентирующая языковая политика, в рамках которой национальные языковые советы следят за состоянием языка и высказывают свои рекомендации по язы-

ковой форме нового заимствования и его скандинавского эквивалента [Иванова, 2006, с. 126].

Внешнеполитические события в жизни нашей страны значительно отразились на понимании того, что сохранение и культивирование родного языка крайне необходимо в вопросах патриотизма, народности и проявления четкой гражданской позиции. В октябре 2023 года лидеры стран СНГ подписали договор об учреждении Международной организации по русскому языку (МОРЯ), которая будет осуществлять задачи, связанные с популяризацией русского языка в мире (РИА Новости. 13.10.2023¹). Такое решение стало результатом саммита, на котором в октябре 2022 года было предложено сформировать организацию по поддержке русского языка по примеру международной организации франкоязычных стран. В условиях отмены русской культуры за границей сохранение интереса к русскому языку и культуре соотечественников, проживающих за пределами России, приобрело практический интерес. В 2023 году инициатива по устранению бесконтрольного использования иноязычных заимствований была принята к рассмотрению в Государственной Думе, результатом чего стало принятие Закона «О государственном языке Российской Федерации». На сегодняшний день из российского мира рекламы стали исчезать названия брендов на латинице, реже используется латиница и на вывесках, в наружной рекламе.

Тем не менее лингвисты констатируют рост количества англицизмов в дискурсе разных областей знания. Заимствования являются определенным продуктом контакта языковых сообществ наряду с языковыми, социальными, психическими, эстетическими и другими потребностями [Крысин, 2004, с. 12]. Основной причиной заимствования лексем является необходимость в наименовании вещей и понятий. Помимо экстралингвистических, существуют и внутрilingвистические причины появления языковых заимствований, к которым относятся устранение полисемии и упрощение смысловой структуры слова в языке-реципиенте, потребность в уточнении и разграничении смысловых оттенков, а также отсутствие в языке-реципиенте понятия, соответствующего заимствованному слову [Брейтер, 1997, с. 134]. Некоторые лингвисты, например Ж. Багана, считают, что появление в языке заимствований может быть спровоцировано необходимостью в дифференциации значений нескольких лексем с целью более точной передачи когнитивной структуры [Багана, 2012, с. 8].

¹ <https://ria.ru/20231013/sng-1902615497.html>

Исследования англицизмов в европейских языках позволяют выявить основные тематические сферы-реципиенты: в итальянском языке англицизмы преобладают в области телекоммуникаций и информационных технологий [Shehu, 2013, p. 690], в португальском — в финансовых СМИ [Amorim, 2017, p. 54], в немецком — в области компьютерной терминологии [Corr, 2003, p. 52], в испанском — в сфере информационных технологий, а также в социальных сетях [Luján García, 2017, p. 290], в хорватском — в сфере электротехнической терминологии [Liermann-Zeljак, 2013, s. 48], в румынском — в сфере бизнеса и технологий [Todea, 2016, p. 12]. Таким образом, очевидно, что сфера, подверженная наибольшему внедрению англицизмов, — это информационные технологии. Компьютерные игры, работа специалистов по тестированию и разработке программ, а самое главное, их общение на рабочем месте по-прежнему не обходится без англоязычных заимствований. Интерес русских лингвистов к вопросу компьютерных англицизмов растет пропорционально их популяризации в российском обществе. За последние годы опубликовано множество работ в данном направлении [Юхмина, 2009; Булычева, 2016; Зорина, 2018; Куликова, 2019; Исмагилова, 2022].

Известно, что между первыми употреблением иноязычного слова в языке-реципиенте и его словарной фиксацией имеет место временной промежуток, в течение которого происходит формальная и семантическая адаптация будущего заимствования. Специальная лексика, прежде чем попасть в терминологические словари, проходит адаптацию в неофициальном и полуофициальном дискурсе представителей профессионального сообщества. В этой связи представляется необходимым выяснить, какие англицизмы употребляют представители ИТ-индустрии, как протекает процесс формальной и семантической адаптации заимствуемой лексики, как оценивают профессиональные англицизмы сами пользователи данной лексики, что и составляет **цель** нашего исследования.

Материал собран методом опроса сотрудников крупной отечественной ИТ-компании по созданию сервисов и приложений. В опросе участвовало 40 информантов — мужчины и женщины в возрасте от 25 до 40 лет, которым были предложены следующие задания: 1) написать 10 наиболее частотных (по их мнению) англицизмов, употребляемых в профессиональном общении, 2) предложить их перевод, 3) отметить устную или письменную форму использования англицизмов, 4) привести основные доводы в пользу их употребления. В ходе опроса были получены 103 лексические единицы, являющиеся, по мнению информантов, самыми частотными в их профессиональном общении, и комментарии к ним.

Результаты и обсуждение

Каждому информанту было предложено написать 10 англицизмов, которые быстрее всего приходят на ум в связи с их частым использованием на работе. Поскольку нельзя говорить о завершённом процессе адаптации англицизмов, у разных реципиентов один и тот же англицизм мог принимать разные формы, поэтому для подсчёта за основу мы брали лексему языка-донора. Полученный список из 103 лексем был ранжирован по количеству упоминаний информантами. От 35 до 40 упоминаний было зафиксировано для 3 лексем, от 25 до 34 — 5 лексем, от 15 до 24 — 11 лексем, от 5 до 14 — 28 лексем, менее 5 — 56 лексем.

К наиболее частотным мы отнесли единицы с упоминанием более 15 раз, см. таблицу. В тематическом плане наиболее частотные англицизмы отражают особенности рабочего процесса тестировщика: поиск ошибок, их исправление, налаживание процесса работы, устранение неполадок в инфраструктуре.

Наиболее частотные англицизмы (по данным опроса)

Английская лексема с русским переводом	Русский англицизм	Количество упоминаний (чел.)	Предложенный перевод
Bug 'дефект'	Баг репорт	36	Уведомление о программной или системной ошибке
Fix 'чинить'	Пофиксить / фиксить	35	Исправлять обнаруженные ошибки программного кода
Push 'продвигать'	Пушить / запустить	35	Загружать код на сервер Гит
Deadline 'предел'	Дедлайн	35	Крайний итоговый срок
Merge 'соединяться'	Мёржить	30	Производить объединение нескольких веток кода или данных таблиц
Disable 'запрещать'	Задизэйблить	30	Сделать так, чтобы кнопку нельзя было нажать
Release 'публикация, выпуск'	Релиз	27	Представление готовой стабильной версии продукта, прошедшей тестирование
Release 'опубликовывать'	Зарелизить	25	Официально выпустить новую версию продукта

Окончание табл.

Team leader 'лидер группы'	Тимлид	24	Главный разработчик
Share 'делиться'	Шарить / расшарить	20	Давать доступ к определенным файлам и т.д.
Approve 'одобрять'	Апрувнуть	18	Официальное одобрение руководителя
Backlog 'задолженность'	Бэклог	18	Перечень задач по функционалу в порядке приоритета для реализации в следующих версиях продукта
CAPTCHA аббревиатура от английского Completely Automated Public Turing Test To Tell Computers and Humans Apart 'полностью автоматизированный публичный тест Тьюринга для различения компьютеров и людей'	Капча	17	Картинка, предназначенная для проверки пользователя на предмет его реальности
Offline 'автономный'	Офлайн	17	Не в сети
To assign the task 'назначить задачу'	Заасайнить таск	16	Распределить рабочие дела между сотрудниками в специальной программе-мессенджере
Overtime 'сверхурочная работа'	Овертайм	16	Сверхурочные часы
Generate 'производить'	Генерить / сгенерить	15	Создать что-то новое
Account 'учет'	Аккаунт / ак	15	Учетная запись пользователя
Scrum 'схватка'	Скрам	15	Методика организации совместного рабочего процесса

К наименее частотным англицизмам мы отнесли 84 лексические единицы, упомянутые менее 10 раз каждая. Таковыми оказались наименования понятий общего характера: задание, особенность, техническая поддержка, крайний срок. Например: *бэкэнд* (от англ. *back-end* 'программно-аппаратная или серверная часть приложения') 1 упомин-

нение, *задеплоить* (от англ. *deploy* 'развернуть программное обеспечение на выбранный сервер') 5 упоминаний, *лог* (от англ. *log file* 'текстовый файл для внесения в последовательном порядке всех совершенных действий в ПО') 7 упоминаний.

Анализ материала на предмет частеречной принадлежности выявил 80 англицизмов-существительных, 21 глагол и одно прилагательное. Однако именно глаголы, согласно опросу, заняли большинство верхних позиций ранжированного списка (10 из 19). Нам кажется, что обилие глагольных форм отражает картину рабочего процесса именно тестировщика, который получает распоряжения к действию («что сделать») в письменной форме посредством коллективного чата сотрудников, и специфика его работы включает проверку программного обеспечения на соответствие заданным требованиям. Среди наименее частотных англицизмов преобладают существительные (67 из 84 лексических единиц).

Что касается языковой адаптации англицизмов, то, прежде всего, мы наблюдаем два способа формирования звуковой оболочки слова в языке-реципиенте: транскрипцию и транслитерацию. Транскрипция — перенос английского звучания при передаче средствами русского языка, например, *фича* от англ. *feature*, *канпорт* от англ. *support* или *айти* от англ. *IT*. Этим способом оформлено в нашем материале 58 лексем. Транслитерация — побуквенная передача графической оболочки слова из языка-донора, использующего латиницу, в язык-реципиент с кириллической графикой, например, *админ* от англ. *admin* или *девелопер* от англ. *developer*. В нашем материале этим способом передано 19 лексем.

Типичным явлением для орфографии англицизма в русском языке является редукция согласного там, где в английском варианте он имеет удвоенную форму, например, *офлайн*, *апрувнуть*. Для англицизмов характерно также удвоение корневого согласного перед суффиксом, в то время как в русском языке нет такого правила, например, *блоггер* от англ. *blogger*.

Следующим этапом языковой адаптации является приспособление заимствования к грамматическим нормам языка-реципиента. Для нашего материала это означает приобретение глаголами соответствующей системы флексий, существительными — категории рода, которая выражается в особенностях их согласования с прилагательными. Например, глагол *to fail* — *зафейли^{ть}*, *to generate* — *сгенери^{ть}*, *to deploy* — *задеплой^{ть}*, *behavioral pattern* — *поведенческий паттерн*, *every task* — *каждая таска*, *creative CAPCHA* — *креативная капча*. Заимствованное существитель-

ное может приобретать категорию рода, а значит, соответствующее окончание согласно своему смысловому эквиваленту в языке-реципиенте. Например, *таска* (от англ. *task* 'какая-либо задача / поручение'), *фича* (от англ. *feature* 'уникальная особенность / свойство / функция какого либо объекта ПО, приложения, ОС'), *лейба* (от англ. *label* 'этикетка'), *фидбек* (от англ. *feedback* 'отзыв'), *хэдер* (от англ. *header* 'заголовочный файл библиотеки'), *винда* / *виндоза* (от англ. *windows* 'система Виндоус'), *адаптив* / *адаптивный дизайн* (от англ. *adaptation* 'процесс адаптации веб-страниц или веб-интерфейса к использованию на экранах различных устройств').

Следует обратить внимание, что английские бесприставочные глаголы в речи тестирующих приобретают не только суффиксальную часть, необходимую для грамматического оформления в языке-реципиенте, но и, во многих случаях, приставки. Продуктивными префиксами у глагольных основ стали *за-*, *по-*, например, *заайсанил таск*, *зарелизил*, *задеплоил*, *закоммитил*, *запустил*, *зафейлил*, *пофиксил*. Из суффиксов, помимо нейтрального *-и(ть)*, встречается также *-ну(ть)*: *ребутнул*. Среди существительных словообразовательные аффиксы были представлены суффиксом *-ник/-ик*, отвечающим за образование названия профессии или рода занятий, предметов и устройств, например *айдишник*, *айпишник*, *дэйлик*. Вместе с тем вариант *-шник* придает суффиксу оттенок разговорности, что отвечает не вполне официальной сфере употребления рассматриваемой лексики. Из словообразовательных явлений стоит отметить также слоговую аббревиацию (*аккаунт* > *ак*). При этом в русском языке слоговая аббревиатура может получать грамматическую категорию рода не по формальному признаку, а по смысловому (*windows* > *винда*). Наличие производных слов и присоединение к английским основам русских аффиксов показывает достаточно хорошую словообразовательную адаптацию отмеченных англицизмов к системе языка-реципиента, по крайней мере, в рассматриваемом сегменте профессионального общения.

Анализ предложенных информантами переводов показал отличное понимание ими смыслового наполнения заимствований, но в четырех случаях опрашиваемые не смогли описать употребляемый термин русским языком и предложили в качестве перевода другой англицизм: *гитхаб* «платформа для хостинга репозиториях ИТ-проектов и работы над ними» (по-русски «хранения»); *дэйлик* «скрам, система управления для самоорганизации в работе» (от англ. *scrum* 'схватка, совместная командная работа'); *пул реквест* «запрос на подтверждение коммита» (другими словами, «способа сохранения подтверждения в коде»); *нодлист* «список узлов Фидонет, ежедневно обновляемый» (имеет-

ся в виду любительская некоммерческая компьютерная сеть). Лексему *гитхаб* упомянули 3 анкетированных, причем двое предложили краткий перевод «сайт для размещения IT-проектов», и один — перевод, приведенный выше. Англицизмы *дэйлик*, *нодлист* и *пул реквест* были упомянуты по одному разу разными опрашиваемыми.

Таким образом, можно сделать вывод, что, прибегая к англицизму, профессионалы употребляют его в полном соответствии с терминологическим значением, использование заимствования не является модным атрибутом или попыткой выделиться из окружения, но показывает глубину знаний о предмете разговора. Появление англицизмов, упоминаемых многими респондентами, и их однозначная трактовка всеми свидетельствуют о хорошей семантической адаптации данной группы заимствований.

Все респонденты отмечают использование приводимых англицизмов в письменной форме, а именно в профессиональном чате при общении с коллегами или начальником подразделения, где тон общения соответствует деловому письму с присущими ему четкостью и лаконичностью изложения, отсутствием голосовых сообщений, смайликов или чрезмерных сокращений. Это позволяет оценить рассматриваемые англицизмы не как профессиональные жаргонизмы, а как единицы, находящиеся в процессе терминологизации.

И наконец, к вопросу о том, почему реципиенты употребляют тот или иной англицизм. В данном пункте анкеты 63% информантов ответили, что употребление заимствованных слов является неотъемлемым атрибутом профессии IT-специалиста, так как их использование не утяжеляет речь длинными описательными оборотами, а позволяет емко и технологично излагать рабочие вопросы; 29% выразили мнение, что предыдущий опыт работы в иностранных компаниях повлиял на американизацию их речи; 5% заявили об однозначной необходимости прибегать к англицизмам для того, чтобы понимать и быть понятым среди коллег по проекту; оставшиеся 2% отметили высокий уровень владения английским языком, что дает им возможность не прибегать к родному языку для разъяснения каких-либо понятий или ситуаций, требующих англоязычного описания. Таким образом, большинству опрошенных причины использования англицизмов видятся внутрилингвистическими, хотя доля апеллирующих к экстралингвистическим аргументам (индивидуально-психологическому и социально-групповому) также значительна.

Заключение

Согласно результатам проведенного исследования, на использование англицизмов в профессиональной лексике IT-специалистов влия-

ют как экстралингвистические, так и внутрилингвистические факторы. К первым следует отнести англоязычную базу всех программных кодов и языков программирования, а также опыт профессионального взаимодействия российских IT-специалистов с зарубежными коллегами, что, несомненно, отражается на профессиональном лексиконе. Внутрилингвистические причины появления и укоренения англицизмов в профессиональном IT-общении заключаются в отсутствии адекватных (однословных) русскоязычных наименований для соответствующих понятий, о чем свидетельствует тот факт, что никто из опрошенных не предложил таких замен, воспользовавшись описательными оборотами. Таким образом, сущность IT-заимствований в сфере общения специалистов данной отрасли, несмотря на активные ограничительные меры, проводимые правительством в целях защиты родного языка, подтверждает тот факт, что англицизмы в настоящий момент являются неотъемлемым атрибутом профессии IT-специалиста.

Наше исследование выявило англицизмы, наиболее употребительные в рамках гомогенной профессиональной группы. Их тематика отражает работу с ошибками в приложениях и программах, обслуживание инфраструктуры. Среди самых частотных заимствований преобладают глаголы; мы связываем данный факт с характером работы тестировщика, получающего основную долю заданий, грамматически выраженных именно этой частью речи.

Что касается графической и орфографической адаптации IT-англицизмов в русском языке, то мы зафиксировали два вида — транскрипцию и транслитерацию с преобладанием первой, а также редукцию двойного согласного языка-донора в языке-реципиенте. К грамматической адаптации можно отнести приспособление англицизма к грамматическим нормам русского языка: приобретение существительными категории рода (в нашем материале она часто определялась родовой принадлежностью русского эквивалента), глаголами — соответствующего набора флексий. Словообразовательная адаптация выразилась в появлении у глаголов-англицизмов русских аффиксов. Семантическая адаптация представлена примерами переводов, показывающих глубокое понимание заимствованных лексем.

Несмотря на хорошую адаптацию IT-англицизмов к системе языка-реципиента, по нашему мнению, было бы неправомерно ожидать, что в скором будущем они войдут в состав общеупотребительного русского языка, так как языки для специальных целей представляют собой относительно автономные образования в рамках общенационального языка, речь профессиональных групп в конкретных условиях жиз-

ни и общения, а профессиональная лексика ИТ-сферы, особенно активно развивающейся в настоящее время, постоянно находится в процессе трансформации.

Должность тестировщика предполагает определенный круг обязанностей в любой ИТ-компании, соответственно, выполняемые задачи требуют схожего обращения, поэтому мы полагаем, что результаты, полученные нами на материале опроса работников одной компании, релевантны для данного сегмента профессионального общения в целом.

Библиографический список

Багана Ж., Бондаренко Е.В. Ассимиляция заимствований из французского языка в среднеанглийских диалектах. М.: Инфра-М, 2012. 149 с.

Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Владивосток: Изд-во «Диалог», 1997. С. 132–135.

Булычева О.А., Сафонкина О.С. Интернет-англицизмы: развитие англо-русских языковых контактов на современном этапе // Огарёв-Online. 2016. № 17 (82). Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-anglitsizmy-razvitie-anglo-russkih-yazykovyh-kontaktov-na-sovremennom-etape>

Гулинов Д.Ю. Избыточные заимствования в контексте языковой политики Франции // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–10. С. 2331–2335. Электронный ресурс https://elibrary.ru/download/elibrary_22030442_81357247.pdf

Иванова Н.С. Международная языковая экспансия: англицизмы, национальные языки и молодежные жаргоны // Уральский вестник международных исследований. Вып. 5. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. С. 124–134. Электронный ресурс <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4782/2/uvmi5-2006-11.pdf>

Исмагилова Г.К., Хун Цзюньфэн. Англицизмы в русской компьютерной лексике // Проблемы современных интеграционных процессов. Пути реализаций инновационных решений. Воронеж, 2022. С. 90–93.

Зорина А.В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики) // Казанский лингвистический журнал. 2018. № 2 (1). Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-v-sovremennom-russkom-yazyke-na-primere-internet-leksiki>

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Изд-во «Языки славянских культур», 2004. 884 с.

Куликова О.А., Печинская Л.И. Англицизмы тематического поля «информационные технологии» в современном русском языке // Неде-

ля науки СПбПУ: мат-лы науч. конф. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2019. С. 60–62. Электронный ресурс https://elibrary.ru/download/elibrary_37138986_65951669.pdf

Юхмина Е.А. Адаптация англоязычных компьютерных терминов к лексической системе русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 25 с. Электронный ресурс <https://www.csu.ru/faculties/Documents/Автореферат%20Юхмина%20Е.А.pdf>

Amorim R., Baltazar R., & Soares I. The Presence and Influence of English in Portuguese Financial Media // *International Journal of Society, Culture and Language*. 2017. Vol. 5. № 2. P. 49–59. Электронный ресурс https://www.academia.edu/92680601/The_Presence_and_Influence_of_English_in_the_Portuguese_Financial_Media

Corr R. Anglicisms in German Computing Terminology. 2003. Электронный ресурс <http://www.cs.tcd.ie/courses/csll/corr0203.pdf>

Horváth J. Empirical Studies in English Applied Linguistics // *Lingua Franca Csoport*. 2011. 166 p.

Liermann-Zeljak Y. Anglicisms in Electrical Engineering Terminology // *International Journal of Electrical and Computer Engineering Systems*. 2013. Vol. 4. № 2. P. 43–53. Электронный ресурс <https://hrcak.srce.hr/file/196692>

Luján García C. Analysis of the Presence of Anglicisms in a Spanish Internet Forum: Some Terms from the Fields of Fashion, Beauty and Leisure // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. 2017. Vol. 30. № 7. P. 277–300. Электронный ресурс https://www.researchgate.net/publication/322004539_Analysis_of_the_presence_of_Anglicisms_in_a_Spanish_internet_forum_some_terms_from_the_fields_of_fashion_beauty_and_leisure

Shehu I. Anglicisms in Italian and Albanian Language in the Field of Telecommunication and Informatics // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2013. Vol. 4. № 10. P. 689–92. Электронный ресурс https://www.researchgate.net/publication/272709652_Anglicisms_in_Italian_and_Albanian_Language_in_the_Field_of_Telecommunication_and_Informatics

Todea L. & Demarcsek R. Anglicisms in the Romanian Business and Technology Vocabulary // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2016. Vol. 144. P. 12–13. Электронный ресурс https://www.researchgate.net/publication/305800495_Anglicisms_in_the_Romanian_business_and_technology_vocabulary

References

Bagana J., Bondarenko E.V. Assimilation of borrowings from French in Middle English dialects, Moscow, 2012, 149 pp. (In Russian).

Breiter M.A. Anglicisms in Russian: history and prospects. A handbook for international students of Russian studies. Vladivostok, 1997. pp. 132-135. (In Russian).

Bulycheva O.A., Safonkina O.S. Internet Anglicisms: the development of English-Russian language contacts at the present stage. *Ogaryev-Onlain* = Ogarev-Online, 2016, no. 17 (82), pp. 1. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-anglitsizmy-razvitie-anglo-russkih-yazykovyh-kontaktov-na-sovremennom-etape> (In Russian).

Gulinov D.Y. Excessive borrowings in the context of French language policy. *Fundamentalnye issledovaniya* = Fundamental Research, 2014, no. 9-10, pp. 2331-2335. Retrieved from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22030442_37726418.pdf (In Russian).

Ivanova N.S. International linguistic expansion: anglicisms, national languages and youth jargons. *Uralskiy vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy* = Ural Bulletin of International Studies, Yekaterinburg, 2006, iss. 5, pp. 124-134. Retrieved from: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4782/2/uvmi5-2006-11.pdf> (In Russian).

Ismagilova G.K., Hong Junfeng. Anglicisms in Russian computer vocabulary. *Problemy sovremennykh integracionnykh processov. Puti realizaciy innovacionnykh resheniy* = Problems of modern integration processes. Ways of implementing innovative solutions, Voronezh, 2022, pp. 90-93. (In Russian).

Zorina A.V. Anglicisms in modern Russian (on the example of Internet vocabulary). *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal* = Kazan linguistic journal, 2018, no. 2 (1). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-v-sovremennom-russkom-yazyke-na-primere-internet-leksiki> (In Russian).

Krysin L.P. Russian word, one's own and another's: Research on the modern Russian language and sociolinguistics, Moscow, 2004, 884 pp.

Kulikova O.A., Pechinskaya L.I. Anglicisms of the thematic field "information technologies" in modern Russian. *Nedelya nauki SPbPU* = SPbPU Science Week, St. Petersburg, 2019, pp. 60-62. Retrieved from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37138986_73263070.pdf (In Russian).

Yukhmina E.A. Adaptation of English-language computer terms to the lexical system of the Russian language. Abstract of Philol. Cand. Diss. Chelyabinsk, 2009, 25 pp. Retrieved from: https://www.csu.ru/faculties/Documents/Avtoreferat%20_Yukhmina%20E.A.pdf (In Russian).

Amorim R., Baltazar R., & Soares I. The Presence and Influence of English in Portuguese Financial Media. *International Journal of Society, Culture and Language*, 2017, vol. 5, no. 2, pp. 49-59. Retrieved from: https://www.academia.edu/92680601/The_Presence_and_Influence_of_English_in_the_Portuguese_Financial_Media

Corr R. Anglicisms in German Computing Terminology. 2003. Retrieved from: <http://www.cs.tcd.ie/courses/csl/corr0203.pdf>

Horváth J. Empirical Studies in English Applied Linguistics, *Lingua Franca Csoport*, 2011. 166 p.

Liermann-Zeljak Y. Anglicisms in Electrical Engineering Terminology, *International Journal of Electrical and Computer Engineering Systems*, 2013, vol. 4, no. 2, pp.43-53. Retrieved from: <https://hrcak.srce.hr/file/196692>

Luján García C. Analysis of the Presence of Anglicisms in a Spanish Internet Forum: Some Terms from the Fields of Fashion, Beauty and Leisure. *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 2017, vol. 30, no. 7, pp. 277-300. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/322004539_Analysis_of_the_presence_of_Anglicisms_in_a_Spanish_internet_forum_some_terms_from_the_fields_of_fashion_beauty_and_leisure

Shehu I. Anglicisms in Italian and Albanian Language in the Field of Telecommunication and Informatics, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2013, vol. 4, no. 10, 2013, pp. 689-92. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/272709652_Anglicisms_in_Italian_and_Albanian_Language_in_the_Field_of_Telecommunication_and_Informatics

Todea L.& Demarcsek R. Anglicisms in the Romanian Business and Technology Vocabulary, *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2016, vol. 144, pp. 12-13. https://www.researchgate.net/publication/305800495_Anglicisms_in_the_Romanian_business_and_technology_vocabulary

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ САКРАЛЬНОСТИ В ГОМИЛЕТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

С.М. Пашков

Ключевые слова: гомилетический текст, сакральность, текстообразование, текстообразующая категория, интертекстуальность

Keywords: homiletic text, sacredness, text formation text forming category, intertextuality

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–13](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–13)

Введение

Интерес лингвистики к религиозной коммуникации стимулируется, помимо прочего, интерпретативным характером реальности, актуальностью холистических воззрений на мир, а также аксиологизацией современного познания. Известно, что религия предлагает ценности, которым свойственна наивысшая степень защищенности от различного рода девальваций. В связи с этим неудивительно, что теоретический разум вновь и вновь пытается постичь суть религиозного сознания. Осмысление научной проблемы «Язык и религия» осуществляется в весьма разнообразных координатах: теолингвистика, религиозный дискурс, когнитивная ономастика, функциональная стилистика, лингвистика текста, перлокутивная прагматика и др. Особое внимание уделяется типам текста, репрезентирующим специфику религиозной коммуникации. Так, не снижается научный интерес к гомилетическому тексту (проповедь) [Герман, 2022; Ицкович, 2016; Hobbs, 2021 и др.].

Проповедь — религиозный текст назидательного характера. Данное определение является рабочим и будет уточнено в дальнейшем. Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении сакральности в качестве текстообразующей категории гомилетических текстов, а также в разработке лингвистической классификации данных текстов.

Сакральность как текстообразующая категория проповеди

Анализ работ, посвященных гомилетическому тексту, свидетельствует о широком спектре интерпретативных решений относительно его генетических, структурных, семантических, коммуникативных и функциональных аспектов. Так, в русле теории дискурса проповедь рассматривается как вторичный жанр религиозного дискурса [Бобыре-

ва, 2007, с. 3], а в контексте функционально-стилистического исследования трактуется в качестве первичного жанра, или протожанра [Ицкович, 2016, с. 10]. Немалые трудности представляет попытка классифицировать гомилетические тексты, в связи с чем количество классификаций и объем номенклатуры возрастают.

В работе О.А. Прохвятиловой предлагается классификация современной православной проповеди по семи основаниям, позволяющая установить ее сущностные признаки. Представляется дискуссионным выделение проповедей-наставлений, «в основе которых лежит особый повод, *не связанный с местом в Библии либо церковным праздником*» [Прохвятилова, 2000] (курсив наш. — **С.П.**). Если проповедь не имеет связи (эксплицитной / имплицитной) с сакральным текстом (в данном случае с Библией), то ее отнесенность к религиозной коммуникации неправомерна. Данная проповедь принадлежит к иному дискурсу, например, педагогическому, либо к протрептикам — античным увещательным речам, имеющим характер поучительного наставления и породившим христианские проповеди [Лосев, Тахо-Годи, 2005, с. 206]. Рассмотрение же каждого слова священника с амвона в качестве проповеди — «злоупотребление словом» и «расслабление слова»; религиозная проповедь может быть только о Христе [Шмеман, 2009, с. 136].

К сущностным признакам проповеди среди прочего О.А. Прохвятилова предлагает относить боговдохновенность [Прохвятилова, 2000, с. 197], что также представляется спорным. Данный признак традиционно приписывается сакральным речевым произведениям. Кроме того, если принять положение о том, что *религиозная* проповедь может и не иметь связи с сакральным текстом (см. выше), то ее боговдохновенность становится еще более сомнительной. Иное дело, если гомилетический текст включает «сакральные языковые формы» (выражение В.Г. Адмони). Но и в этом случае вряд ли правомерно приписывать боговдохновенность всему проповедническому тексту, в противном случае сакральному тексту сообщается характеристика, присущая всем текстотипам, — тиражируемость.

Представляется весьма продуктивным изучение категориальных свойств гомилетических текстов. Исследования в данном направлении проводятся не одно десятилетие, однако актуальность проблемы категориального моделирования текста сохраняется [Щирова, Гурочкина, 2020].

В работе Т.В. Ицкович проповедь изучается в контексте категориально-текстового подхода: рассматривается языковая специфика репрезентации категорий темы, композиции, тональности и хронотопа [Ицкович, 2016]. Очевидно, что обращение к иным текстовым

категориям (например, адресованность, эмотивность и пр.), репрезентируемым в проповеди, также выявит их языковое своеобразие.

В исследовании Е.И. Герман текст проповеди также получает текстокатегориальное освещение. Автор рассматривает интенциональность в качестве текстообразующей (глобальной) категории проповеди, конституируемой посредством субкатегорий диалогичности, оценочности и тональности. Интенциональность реализует глобальное коммуникативное намерение говорящего — укрепить веру адресата в Бога [Герман, 2022, с. 8].

Отметим, что интенциональность не является сущностной характеристикой исключительно текста проповеди; она суть общетекстовое свойство. Текст — результат ментальной деятельности людей, или, как его определяет М.М. Бахтин, «выражение сознания, что-то отражающего» [Бахтин, 1986, с. 308]. Сознание всегда интенционально, иными словами, сознание всегда является «сознанием о...». Интенциональность сознания всегда предполагает направленность на цель. Рассмотрение макроинтенции проповеди как укрепление веры в Бога ничего специфического интенциональности данного текста не сообщает, поскольку эта интенция является определяющей для всего религиозного дискурса (Е.В. Бобырева, В.И. Карасик).

В настоящем исследовании проблема категориального моделирования текста решается посредством обращения к понятию текстообразующей категории, которая определяется следующим образом: **текстокатегориальная доминанта, запускающая механизмы текстообразования, предопределяющая языковую специфику иных текстовых категорий и обуславливающая типологическую квалификацию текста**. В качестве текстокатегориальной доминанты гомилетического текста рассматривается сакральность.

Категория сакральности получила определенное освещение в работе Г.А. Агеевой [Агеева, 1998]. Автор, опираясь на идеи В.Г. Адмони, постулирует некоторую обособленность от утилитарного языка, которая свойственна всем религиозным текстам. Эта обособленность видится как «специфическая категория сакральности», присущая исключительно религиозным речевым произведениям. Предлагается следующая дефиниция рассматриваемой категории — «совокупность определенных дифференциальных признаков, характеризующихся архаичной отмеченностью, отличающих текст религиозной проповеди от текстов других сфер общения». Автор пишет, что «семантическим признаком данной категории является религиозная вера, функциональным — воздействие на адресата» [Там же, с. 10–11].

Положительным в данной концепции видится признание текстокатегориального статуса сакральности. Представляется, однако, что ее определение, семантика и функциональная направленность довольно абстрактны. Во-первых, трудно согласиться с тем, что данная категория характерна только для религиозных текстов. Даже если не учитывать дифференцирование сакральных и религиозных текстов, категория сакральности является *sine qua non* для религиозно-критических текстов (например, атеистический текст [Пашков, 2024]). Во-вторых, функция воздействия на адресата свойственна не только сакральности (например, категория эмотивности, подтекста и пр.). В-третьих, понятие религиозной веры отнюдь не является очевидным (ср. понятие атеистической религиозности [Шохин, 2018, с. 16]).

В настоящей работе сакральность трактуется как текстокатегориальная доминанта, детерминирующая семантику и структуру сакральных, религиозных и религиозно-критических текстов, реализуемая посредством разноуровневых языковых средств и функционально направленная на репрезентацию особого типа знания — сакрального. Данный тип знания (в его языковой объективации) представляет собой трехкомпонентную семантическую структуру, инкорпорирующую семантику сакральной ономотологии (знание о Боге через Его Имена), сакральной императивности (знание об отношении Бога к человеку через Его заповеди) и сакральной эсхатологии (знание о посмертной участи человека) [Пашков, 2021, 2023]. Интегральным концептуальным основанием сакральных, религиозных и религиозно-критических текстов является бинарная структура, эксплицируемая дихотомией «имманентное — трансцендентное» и посредством вариативных семантико-структурных решений позволяющая автору воссоздать в данных текстах модель необходимого мира.

Думается, что предложенное понимание сакральности позволяет решить некоторые вопросы при осмыслении текста проповеди. Во-первых, тезис, согласно которому успешность проповеди определяется обязательным наличием веры у адресата [Бобырева, 2007, с. 31], достаточно категоричен; ведь проповедь может и лишить адресата веры. **Любой** гомилетический текст транслирует сакральное знание адресату, следовательно, выполняет свою функциональную заданность.

Во-вторых, текст проповеди вторичен по отношению к сакральному тексту. Последний заявлен в проповеди в виде сакральных интекстов (сакрально-ономатологические, сакрально-императивные, сакрально-эсхатологические). Под интекстом понимается включение на уровне слова, словосочетания и текста в иное текстовое пространство, оно мо-

жет быть языковым (специфическая лексика, грамматические формы, характерные для определенного функционального стиля) и текстовым (цитаты, аллюзии, перифразы и пр.) [Арнольд, 2010, с. 415]. Соответственно, проповедь и, шире, все религиозные / религиозно-критические тексты — суть интертексты, а интертекстуальность — общий механизм текстообразования. В логике данных рассуждений можно уточнить определение гомилетического текста, приведенное выше: проповедь — **интертекст, форма позитивно-религиозной концептуализации сакральности. Его функциональная направленность — трансляция сакрального знания с целью духовно-нравственной ориентации адресата.**

Поясним. Концептуализация сакральности может быть аксиологически и гносеологически вариативной. Если позитивная концептуализация характерна для религиозной коммуникации, то негативная — для религиозно-критической. Гносеологическая вариативность концептуализации сакральности предопределяется наличием «не равных, но равноценных» (В.С. Соловьев) форм постижения реальности: религии, искусства, философии и науки. Соответственно, можно вести речь о философской, художественной, научной и религиозной концептуализации сакральности. Особенностью религиозной концептуализации сакральности является апелляция к сакральному тексту как высшему авторитету в процессе обоснования валидности сакрального знания (ср. философскую концептуализацию сакральности в контексте философских категорий).

В-третьих, предлагаемая концепция сакральности позволяет построить классификацию гомилетических текстов на лингвистических основаниях (ср. классификации проповеди по месту и времени произнесения, по характеру аудитории и др.). Многочисленные виды проповеди, выделяемые на лингвистических и экстралингвистических основаниях, могут быть сведены к трем видам в зависимости от превалирования типа репрезентируемого ими сакрального знания (ономатологические, императивные, эсхатологические). Любая проповедь эксплицитно / имплицитно свидетельствует либо о Боге, либо о Его отношении к человеку, либо о конечных судьбах человека и мира. Ср.: «Whatever the type, the sermon is a time when members of a religious community are given instruction in a sacred text» [Hobbs, 2021, p. 48].

Разумеется, что о содержательной «чистоте» проповеди говорить не приходится; текст может репрезентировать различные типы сакрального знания. Речь можно вести лишь о превалировании того или иного репрезентируемого сегмента сакральности.

Методы и материалы исследования

Выше было упомянуто, что изучение сакральности как фактора порождения текстуально организованного знания соотносится в статье с теми лингвистическими исследованиями, в которых общим механизмом текстообразования рассматривается интертекстуальность (С.В. Ионова, Н.В. Петрова, В.Е. Чернявская). Этот механизм имеет вариативную реализацию как в рамках определенной коммуникации, например научной, так и в отдельных типах текста, отнесенных к конкретной сфере общения. Так, богослужебный текст, реализуемый в религиозной коммуникации, представляет собой интертекст; в качестве частного механизма текстообразования в нем выступают цитация и перифраза, причем сакральное знание не подвергается интерпретации [Пашков, 2023]. Частным механизмом порождения текста проповеди рассматривается позитивно-религиозная интерпретация сакрального знания посредством апелляции к сакральному тексту (Священному Преданию) и включением в современный социокультурный контекст (политический, экономический, образовательный, семейный, исторический, религиозный и пр.), являющийся общим для адресанта и адресата (ср. «...some conversation between contemporary concerns and scripture is included in every sermon» [Bartlett, 1995, p. 433]). Интерпретируя сакральное знание и сопоставляя его с современными реалиями, адресант ориентирует адресата в его духовно-нравственных поисках.

Лингвистический анализ содержательно-смысловой организации текста проповеди предопределен репрезентируемым в нем сакральным знанием. Соответственно, необходимо обратить внимание на языковые средства, репрезентирующие сакральное знание: 1) тип репрезентируемого сакрального знания; 2) способы включения сакральных интекстов в текст проповеди (цитация, перифраза, аллюзия); 3) структура интекста (слово, предложение, текст).

Применение понятия структуры к тексту позволяет видеть в нем «глобальный способ организации объекта как некой целостной данности». Текстовая структура описывается в трех ракурсах: 1) элементы, материализующие структуру; 2) отношения между данными элементами; 3) целостность объекта [Тураева, 1986, с. 56]. Фундаментальным принципом структурной организации гомилетического текста рассматривается его построение по принципу контраста. Причем контраст — это не только принцип, но и языковой результат реализации данного принципа. Учитывая вышеприведенное понимание структуры текста, правомерно утверждать следующее: базовый текстовый контраст рассматривается в качестве целостности гомилетического текста. Эта це-

лостность реализуется посредством языковых средств, репрезентирующих три категориальных сегмента сакральности и семантически соотносимых с ними языковых средств, противоположной (оказиональной / узуальной) эмоционально-оценочной направленности. В связи с этим положением целесообразно включить в анализ: 1) языковые единицы с абстрактной и конкретной семантикой, репрезентирующие социокультурные реалии, соотносимые с сакральным знанием; 2) языковые средства субъективной модальности (оценочная лексика, эмотивы, модальные глаголы), репрезентирующие эмоционально-оценочное противопоставление сакрального знания несакральному.

Выше упоминалось, что текст проповеди может репрезентировать различные аспекты сакральности, однако анализу подвергается лишь его сакральная доминанта, т.е. превалирующий тип сакрального знания. Видение текстовой ситуации в разных ракурсах, напоминает Е.С. Кубрякова, определяется тем, что в зависимости от личных установок человека в фокусе его внимания оказываются разные детали или разные компоненты ситуации [Кубрякова, 2000, с. 91].

Верификация выдвинутых положений достигается с помощью методов интертекстуального, дефиниционного, лингвостилистического и контекстуального анализов. Материалом исследования является антология проповедей выдающихся теологов XX века («Modern Sermons by World Scholars»).

Результаты исследования Репрезентация сакральной ономотологии

Любая интерпретация библейского знания о Боге предполагает учет тезиса, согласно которому Бог непознаваем в Своей сущности. Однако Бог причастен миру через нетварные энергии, которые раскрываются Его Именами (Святой, Всемогущий, Вездесущий, Вечный и др.) [Лосский, 2012, с. 114].

Рассмотрим ономотологическую проповедь Дж. П. Бентона «The Fact, Eternity and Character of God» (Дж.П. Benton. 1909). Если обратиться к традиционной номенклатуре, данную проповедь можно квалифицировать как догматическую, апологетическую и экзегетическую. Анализируемый текст является результатом включения в речемыслительную деятельность автора сакрального знания с последующей его позитивно-религиозной интерпретацией. Текст сфокусирован на сакральной ономотологии, что подтверждается, в частности, его сильными позициями — названием и эпиграфом.

Эпиграф проповеди реализуется сакрально-ономатологическим интекстом, представляющим собой цитату из Апокалипсиса.

(1) «*Holy, holy, holy, Lord God Almighty, which was, and is, and is to come*» (Дж. П. Benton. 1909. P. 91).

В данном интексте Имена Бога репрезентированы словоформой *Holy* и словосочетанием *Lord God Almighty*. В проповеди имеется также целый ряд иных Имен, репрезентированных либо словом, либо словосочетанием: *God, Creator, I am that I am, Son, Spirit, Comforter, Master, Almighty God, Savior, the Holy Spirit, Jesus Christ, Son of God, the Holy Ghost, Lord, the mighty God, the everlasting Father, the Prince of Peace, Heavenly Father*. Все эти Имена зафиксированы в сакральном библейском тексте (King James Bible), соответственно, представляют собой цитаты. Помимо цитирования, в проповеди широко представлены перифразы сакральной ономатологии. Ср.:

«*God is a spiritual essence*» (Spirit);

«*All the forces of nature are in His grasp*» (Almighty);

«*He has reigned from the beginning and shall rule in loving justice through the unending ages of the future*» (Eternal) и др.

Анализ содержания проповеди свидетельствует о центральном положении Имен *Almighty* и *Creator*. Имя *Creator* является вторичным, поскольку Бог предвечно Всемогущий, но не предвечно Творец (ср. [Лосский, 2012, с. 425]). Всомогущество проявляется в способности творить из ничего (*creatio ex nihilo*), прощать грехи и воскрешать. Эти аспекты всемогущества подкрепляются сакральным текстом и цитируются проповедником (Дж.П. Benton. 1909. P. 107–108, 109).

В тексте проповеди библейское знание о Боге включается в широкий социокультурный контекст (несакральное знание). Так, идея творения противопоставляется эволюционным концепциям происхождения мира и человека, репрезентируемым языковыми единицами с абстрактной (*the Darwinian theory, the doctrine of Christian evolution, higher orders of existence, various stages*) и конкретной (*missing links, embryo, tadpole, frog, mouse, ape*) семантикой. Проповедник критикует классический дарвинизм, а также христианский эволюционизм, в значительной степени определяющие интеллектуальный контекст конца XIX — начала XX века, т.е. эпохи, к которой принадлежат автор проповеди и его адресат. Ср.:

(2) «*<...> the doctrine of Christian evolution can never be accepted by those who seek secure foundation for their belief*» (Дж.П. Benton. 1909. P. 93).

Модальный глагол *can* в контексте отрицательного наречия *never* репрезентирует отрицательное отношение автора к эволюционным идеям.

Контрастивные смысловые ряды выстраиваются также посредством соотношения библейского знания о Боге с иными религиозно-этическими учениями: Египта (*Egyptian belief, animal worship, Nuk Pu Nuk, sacred bulls, sarcophagi, mummies*); Персии (*Zoroastrianism, Zend-Avesta, dualism*); Индии (*Brahmanism, religion of caste, Brahma*); Британии (*Druidism, priestly Druids, revered oaks, venerated mistletoe*). В этот список включаются также буддизм (*Buddhism, Buddha, Nirvana, repose of unconsciousness*), конфуцианство (*Confucianism, Confucius*) и ислам (*Mohammedanism, Mohammed*). Перечисленные религиозные системы в тексте рассматриваются проповедником в качестве несакрального знания, а языковые средства их репрезентации характеризуются окказиональной отрицательной оценочностью.

(3) «*But all these religions have failed to satisfy the longings of the human heart, and while many followers of each have held on with attempted earnestness of belief because of superstitious ignorance, and lack of knowledge of a better substitute, yet death has had a horror for the disciples of all these because all were man-made, all were human products*» (Дж.П. Benton. 1909. P. 98).

В микроконтексте № 3 небиблейское учение о Боге трактуется как результат суеверного невежества (*superstitious ignorance*) и отсутствие знания (*lack of knowledge*). Эти словосочетания с узуальной отрицательной оценкой, а также нейтральные в узусе лексемы *man-made* и *human products*, приобретающие в анализируемом тексте окказиональную отрицательную направленность, позволяют автору-христианину расставить необходимые аксиологические акценты. Только библейское знание о Боге истинно, Он открывается человеку, а не человек повествует о Нем (*not through the mouth of man*). Ср.:

(4) «*Our God is no man-made product, for He was made before anything was made that was made. He spoke first, not through the mouth of man, but from His own eternal throne in the heavens His voice sounded the command, 'Let there be light, and there was light'*» (Дж.П. Benton. 1909. P. 99).

Важно подчеркнуть, что аргументация валидности сакрального знания реализуется исключительно посредством апелляции к сакральному тексту, что, собственно, отличает религиозную концептуализацию данного явления. Так, в приведенном микроконтексте тезис о вечности библейского Бога верифицируется самим же библейским текстом — ссылкой на книгу Бытия (*Let there be light, and there was light*).

Репрезентация сакральной императивности

Сакрально-императивное знание рассматривается как знание об отношении Бога к человеку. В тексте Библии это отношение транслиру-

ется через определенные речения, которые получили название **заповеди**. Для религиозного сознания аксиоматично положение о том, что духовно-нравственная регуляция исходит от Бога, а не является результатом социальной практики человека. Это положение однозначно формулируется в сакральном тексте и разделяется на уровне всего религиозного дискурса [Бобырева, 2007, с. 3]. Заповеди в определенной степени отражают особенности взаимодействия Бога с тварным миром. Соответственно, сакральная императивность рассматривается логическим следствием сакральной ономотологии, а семантика языковых средств, репрезентирующих эти два аспекта сакральности, характеризуется системностью.

Обратимся к императивной проповеди Дж. С. Чейза «Altruism» (G.C. Chase. Altruism. 1909. P. 115-131), которая в существующих классификациях относится к категории нравоучительных текстов.

Концептуализация сакральной императивности маркируется сильными позициями текста. Название *Altruism* сигнализирует о том, что в тексте интерпретируется заповедь, регулирующая поведение человека по отношению к ближнему / *altruism*: 'unselfish regard for or devotion to the welfare of others' (Merriam-Webster)/. Дефиниционные компоненты *others* и *welfare* исключают возможность рассмотрения текста как результат осмысления заповедей по отношению к Богу и самому себе.

Цитата-текст из Нового Завета, вынесенная в позицию эпиграфа (*Look not every man on his own things, but every man, also on the things of others*), подтверждает семантику проповеди — сакральная императивность. Автор призывает думать о своем ближнем, а не только о себе, воспроизводя одну из важнейших библейских заповедей (любовь к ближнему). На протяжении всего текста данная цитата в разном объеме воспроизводится либо перифразируется (*Look also on the things of others, care for others, look upon the things of others, the things of others*).

Заповедь любви репрезентируется также рядом кореферентных лексем с абстрактной семантикой (*law, command, commandment, principle*). Так, эпитеты *greatest* и *divine* характеризуют лексему *law*, сообщая ей окказиональную положительную оценку (*greatest law of conduct, divine law*).

(5) «*Perhaps the most tangible, constant and palpable of our own things are our bodies. It is as if the words were, Give attention not solely to your own aches, pains, and ailments, to your own good looks, bearing and clothes, to your own house and home, to your own hunger, health, shelter, and rest, but also to the ailments, sufferings, deprivations, and deficiencies of others*» (G.C. Chase. Altruism. 1909. P. 116).

В приведенном фрагменте заповедь любви к ближнему конкретизируется посредством лексем, репрезентирующих различные лишения человека (*ailments, hunger, sufferings, deprivations, deficiencies*), к которым не следует оставаться равнодушным.

В тексте проповеди референция к современному социокультурному контексту осуществляется с помощью лексем темпоральной семантики (*age, to-day, twentieth-century*).

(6) «*But scarcely for an hour in this eager, grasping age can we escape collisions between ourselves and some one of our fellow mortals*» (G.C. Chase. *Altruism*. 1909. P. 115).

В микроконтексте № 6 описываемая эпоха характеризуется как алчная; эпитет *grasping*, соположенный с лексемой *age*, сообщает последней эмоционально-отрицательную направленность /‘desiring material possessions urgently and excessively and often to the point of ruthlessness’ (Merriam-Webster)/. Отношения людей резко контрастируют с теми, которые Бог заповедует в Своих заповедях. Идея жестокости акцентируется указанием на интенсивность столкновений между людьми (*collisions*) во время коммуникации, а гипербола (*for an hour*) и стилистическая инверсия (*scarcely... can we escape...*) позволяют выразить эту мысль более экспрессивно.

Базовый текстовый контраст реализуется языковыми единицами абстрактной семантики (*cross-purposes, clashing, self-indulgent, hypocrisy, rascality, hypocrites, egoism, conceit, robbery, fraud, violation, neglect, self-satisfaction, disdain*), которые эмотивно и аксиологически противопоставляются лексемам *altruism, fellowship, kindness, virtues, politeness, honesty*.

(7) «*It is the neglect of the men of genius, of wealth, of power, and of opportunity to ‘look upon the things of others’ that is in large measure responsible for the social discontent, the bitterness, prejudice, and blind anger are threatening with destruction our twentieth-century civilization*» (G.C. Chase. *Altruism*. 1909. P. 125-126).

В приведенном фрагменте описываются социальные неурядицы XX века (*discontent, bitterness, prejudice, anger*), вызванные несоблюдением заповеди любви (*look upon the things of others*).

(8) «*The ground for lasting peace among men must be found in the loving consciousness of the fatherhood of God and the brotherhood of men*» (G.C. Chase. *Altruism*. 1909. P. 130).

В микроконтексте № 8 постулируется, что длительный мир (*lasting peace*) на земле возможен, если следовать заповедям Бога, важнейшие из которых любовь к Нему (*loving consciousness of the fatherhood of God*) и лю-

бовь к ближнему (*brotherhood of men*). Эта обусловленность акцентируется модальным глаголом *must*, который выражает строгое долженствование.

Репрезентация сакральной эсхатологии

Эсхатология может пониматься по-разному, однако общим представлением рассматривается различие нынешнего, физического мира (*this world*) и мира потустороннего, будущего (*the world to come*) [Wierzbicka, 2001, p. 17]. Соответственно, под сакрально-эсхатологическим знанием понимается знание о бытии человека после его биологической смерти.

Проанализируем текст эсхатологической проповеди У.Г.П. Фаунса «*The Life Beyond*» (W.H.P. Faunce. 1909. P. 195–206). Сакрально-эсхатологическое знание текста репрезентируется его сильными позициями — названием и эпиграфом. Семантика лексемы *beyond* свидетельствует о явлении, которое выходит за рамки экзистенциально-го опыта человека. Ср.:

— *beyond* (1 ступень анализа): ‘something that lies outside the scope of ordinary experience.’ *specifically*: hereafter;

— *hereafter*: (2 ступень анализа): ‘an existence beyond earthly life’ (Merriam-Webster).

Соположенность лексемы *beyond* с лексемой *life* сообщает последней окказиональный сакральный смысл и предопределяет семантику всего текста. Сакрально-эсхатологический интекст из Евангелия от Марка в сильной позиции эпиграфа (*Questioning one with another what the rising from the dead should mean*) реализуется цитатой-предложением и репрезентирует важнейший смысл библейской эсхатологии — воскресение из мертвых (*the rising from the dead*).

Сакральное знание о воскресении и жизни после смерти репрезентируется в тексте множеством лексем и словосочетаний, представляющих собой либо цитаты, либо перифразы сакрального библейского текста (*risen life, rising from the dead, immortality, eternal life, heaven, hereafter, heavenly kingdom, to rise from the dead*).

В проповеди библейское учение о воскресении осмысливается посредством противопоставления небиблейскому учению о возникновении жизни и ее конечной судьбе. Данная соотнесенность реализуется языковыми средствами различных семантических групп, прослеживается на всем текстовом пространстве и обеспечивает структурное своеобразие исследуемого текста.

(9) «*What shall the rising from the dead mean to us? It means, first of all, that this visible earthly life is only a small section of our real life. The quality of*

a life which believes itself immortal is essentially different from the quality of a life which believes that death is a blank wall with nothing on the other side» (W.H.P. Faunce. 1909. P. 195).

В приведенном микроконтексте земная жизнь (*earthly life*) противопоставляется настоящей жизни (*real life*). Атрибуты *small* и *real*, квалифицирующие земную и посмертную жизнь соответственно, наделяются противоположной оценочной направленностью. Семантика лексемы *small*, интенсифицируемая частицей *only*, характеризуется окказиональной отрицательной оценкой, а семантика лексемы *real* — окказиональной положительной оценочностью.

Темпоральная концептуализация жизни как таковой позволяет автору текста выстраивать оппозитивные смысловые ряды, репрезентируемые языковыми единицами с темпоральной семантикой. Данные языковые средства, в свою очередь, обеспечивают моделирование современных реалий, в контексте которых осмысляется сакрально-эсхатологическое знание. Так, лексемы *yesterday*, *morning*, *today* и *tomorrow* лишены эмотивной и оценочной семантики. Однако их включение в сакрально-эсхатологический контекст способствует смысловым усложнениям.

(10) «*The religious man is one that believes in God's great to-morrow, believes that no sad memories of yesterday can spoil it, that no obstacles of this morning can hinder its coming, but that in the bright to-morrow the meaning of yesterday and to-day shall stand revealed*» (W.H.P. Faunce. 1909. P. 197).

Все трудности земной жизни преодолеваются и объясняются, если имеется перспектива посмертной жизни. Единицы *great* и *bright*, актуализирующие в тексте эмотивную семантику и соположенные с лексемой *to-morrow*, сообщают последней положительную эмоционально-оценочную направленность. В случае с лексемами *yesterday* и *to-day*, репрезентирующими земную жизнь, наблюдается обратное. Отрицательная эмотивная семантика прилагательного *sad* иррадирует на нейтральную семантику рассматриваемых наречий.

Противопоставление лексем с темпоральной семантикой поддерживается противопоставлением языковых единиц с конкретной семантикой, репрезентирующих реалии эпохи создания проповеди. Все это позволяет представить современный социокультурный контекст в его целостности.

(12) «*But Easter should bring to us not only more positive faith in the grandeur of man's future; it should bring to us a more spiritual, and so more sensible, conception of the future life than that which has for centuries prevailed in the Christian Church. Many of our religious leaders are puzzled to-day because*

the public mind is no longer interested in heaven. The old hymn-books were filled with meditations on the hereafter, while our modern hymnals give the same space to calls to the service of humanity» (W.H.P. Faunce. 1909. P. 200).

Лексемы с конкретной семантикой *hymn-books* и *hymnals* репрезентируют известные артефакты. Их аксиологическая нейтральность в узусе нивелируется контекстуальной противоположной оценочностью лексем *hereafter* и *humanity*. Данная интерпретация подтверждается сравнительными оборотами: лексемы *hereafter* и *future* кореферентны, последняя же соположена с единицами положительной оценки (*more positive, more spiritual, more sensible*), образуя вместе с ними единый положительный эмоционально-оценочный ряд. Этот смысловой акцент усиливается также включением средств субъективной модальности, в частности, модального глагола *should*. Интенция автора не вызывает у читателя сомнений: в первую очередь следует думать о вечности, личной и всеобщей эсхатологии, а не о проходящем.

Заключение

Подведем итог. Сакральность как универсальная категория религиозного сознания была спроецирована на гомилетический текст и рассматривалась в качестве текстообразующей доминанты, предопределяющей его семантику, структуру и функциональную направленность. Данный тип текста был проанализирован с позиций теории интертекстуальности и определен как интертекст и форма позитивно-религиозной концептуализации сакральности. В зависимости от превалирования типа сакрального знания были изучены семантико-структурные особенности оноματοлогической, императивной и эсхатологической проповедей. Предложена схема анализа содержательно-смысловой и структурной организации гомилетических текстов. Показано, что все три категориальных сегмента сакральности репрезентируются в анализируемых текстах, а в основе их структурной организации задан базовый текстовый контраст.

Библиографический список

Агеева Г.А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации: на материале современных немецкоязычных проповедей: автореф. дис. ... канд. филол. наук, Иркутск, 1998. 18 с.

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 443 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 442 с.

Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Волгоград, 2007. 44 с.

Герман Е.И. Реализация интенциональности в нравоучительной православной проповеди: категориально-текстовый аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2022. 27 с.

Ицкович Т.В. Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основании: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Екатеринбург, 2016. 42 с.

Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–92.

Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. 392 с.

Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Сергиев Посад: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2012. 585 с.

Пашков С.М. Языковые средства репрезентации категории сакральности (на материале англоязычного текста Библии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 1. С. 168–174.

Пашков С.М. Сакральность как фактор текстообразования в религиозной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 90–99.

Пашков С.М. Сакральность как фактор текстообразования в религиозно-критической коммуникации (на материале английского языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2024. Вып. 3 (67). С. 61–72.

Прохватилова О.А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 495 с.

Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.

Шмеман А. Собрание статей. 1947–1983. М.: Русский путь, 2009. 896 с.

Шохин В.К. Феномен атеистического фидеизма // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. № 1 (2). С. 6–18.

Щирова И.А., Гурочкина А.Г. Проблема категорий текста: сложность, динамика и некоторые перспективы решения // Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект. М., 2020. С. 162–163.

Hobbs V. An Introduction to Religious Language Exploring Theolinguistics in Contemporary Contexts. Great Britain: Bloomsbury Academic, 2021. 215 p.

Bartlett D. L. Sermon // Concise Encyclopedia of Preaching, editors Willimon W. H., Lischer R. Louisville: Westminster John Knox Press, 1995. P. 433–437.

Wierzbicka A. What Did Jesus Mean? Oxford: Oxford University Press, 2001. 509 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Benton G.P. The Fact, Eternity and Character of God // Modern Sermons by World Scholars. Vol. 1. Ed. R. Scott & W. C. Stiles. the USA: FUNK& WANGALLS COMPANY, 1909. P. 91–111.

Chase G.C. Altruism // Modern Sermons by World Scholars. Vol. 2. Ed. R. Scott & W. C. Stiles, the USA: FUNK& WANGALLS COMPANY, 1909. P. 115–31.

Faunce W.H.P. The Life Beyond // Modern Sermons by World Scholars. Vol. 3. Ed. R. Scott & W. C. Stiles, the USA: FUNK& WANGALLS COMPANY, 1909. P. 195–206.

Merriam-Webster. Электронный ресурс <https://www.merriam-webster.com/>

References

Ageeva G.A. Religious sermon as a specific type of linguistic communication: Based on modern German-language sermons. Abstract of Philol. Cand. Diss., Irkutsk, 1998, 18 p. (In Russian).

Arnold I.V. Semantics. Stylistics. Intertextuality, Moscow, 2010, 443 p. (In Russian).

Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity, Moscow, 1986, 442 p. (In Russian).

Bobyreva E.V. Religious discourse: values, genres, strategies (based on the Orthodox doctrine). Abstract, Volgograd, 2007, 44 p. (In Russian).

German E.I. Realization of intentionality in moralizing Orthodox sermon: categorical-textual aspect. Abstract of Philol. Cand. Diss., Perm, 2022, 27 p. (In Russian).

Itskovich T.V. Genre system of religious style on communicative-pragmatic and categorical-textual grounds. Abstract of Doct. Philol. Diss., Ekaterinburg, 2016, 42 p. (In Russian).

Kubryakova E.S. On the concepts of place, object and space. *Logicheskiy analiz yazyka*. Yazyki prostranstv = Logical analysis of language. Languages of spaces, Moscow, 2000, pp. 84–92. (In Russian).

Losev A.F., Takho-Godi A.A. Platon. Aristotel, Moscow, 2005, 392 p. (In Russian).

Lossky V.N. An Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology, Sergiev Posad, 2012, 585 p. (In Russian).

Pashkov S.M. Language means of representing the category of sacredness (based on the English-language text of the Bible). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Theory and practice issues, 2021, vol. 14, no. 1, p. 168–174. (In Russian).

Pashkov S.M. Sacredness as a factor of text formation in religious communication. = Bulletin of Moscow State Regional University, 2023, no. 1, pp. 90–99. (In Russian).

Pashkov S.M. Sacredness as a factor of text formation in religious-critical communication (based on the English language). *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universi-teta im. N.A. Dobrolyubov* = Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, 2024, iss. 3 (67), pp. 61–72. (In Russian).

Prokhvatilova O.A. Speech organization of sounding Orthodox sermon and prayer. Theses of Doct. Philol. Diss., Volgograd, 2000, 495 p. (In Russian).

Turaeva Z.Ya. Text linguistics (Text: structure and semantics), Moscow, 1986, 127 p. (In Russian).

Shmeman A. Collection of articles, 1947–1983, Moscow, 2009, 896 p. (In Russian).

Shokhin V.K. Phenomenon of atheistic fideism. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii* = Works of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy, 2018, no. 1 (2), pp. 6–18. (In Russian).

Shchirova I.A., Gurochkina A.G. The problem of text categories: complexity, dynamics and some prospects for solution. *Lingvisticheskiy forum 2020: Yazyk i iskusstvennyy intellekt* = Linguistic forum 2020: Language and artificial intelligence, Moscow, 2020, pp. 162–163. (In Russian).

Hobbs V. An Introduction to Religious Language Exploring Theolinguistics in Contemporary Contexts, Great Britain: Bloomsbury Academic, 2021, 215 p.

Bartlett D.L. Sermon. *Concise Encyclopedia of Preaching*, Westminster John Knox Press, 1995, pp. 433–437.

Wierzbicka A. What Did Jesus Mean? Oxford, 2001, 509 p.

List of Sources

Benton G.P. The Fact, Eternity and Character of God. *Modern Sermons by World Scholars*, vol. 1, ed. R. Scott & W. C. Stiles, the USA, 1909, pp. 91-111.

Chase G.C. Altruism. *Modern Sermons by World Scholars*, vol. 2, ed. R. Scott & W. C. Stiles, the USA, 1909, pp. 115-31.

Faunce W.H.P. The Life Beyond. *Modern Sermons by World Scholars*, vol. 3, ed. R. Scott & W. C. Stiles, the USA, 1909, pp. 195-206.

Merriam-Webster. Retrieved from: <https://www.merriam-webster.com/>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК МЕДИЙНАЯ ПЕРСОНА: РЕЧЕВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Ю.М. Коняева

Ключевые слова: искусственный интеллект, медийная персона, нейросеть, языковая личность, категория персональности, речевая репрезентация

Keywords: artificial intelligence, media personality, neural network, linguistic persona, category of personality, speech representation

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3-14](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3-14)

Введение

Искусственный интеллект (ИИ), выполняя задачи, ранее доступные только человеку, сегодня проникает практически во все сферы человеческой жизни, включая и медиасферу, и повседневную коммуникацию. Появляются нейросети, генерирующие тексты различной степени сложности, изображения, аудио, обученные ставить диагнозы, формировать различные навыки, интерпретировать обширные массивы информации, создавать фейки и т.д. При этом активное внедрение технологий искусственного интеллекта меняет не только способы создания и распространения медиаконтента, но и само представление об ИИ в медиадискурсе [Дмитриев, Игнатъева, Пилявский, 2021]. Скорость распространения нейросетей в медиапространстве сегодня вызывает непрекращающиеся споры исследователей, которые, с одной стороны, отмечают преимущества использования нейросетей, например при сборе и обработке информации [Бурнаева, Рудаков, 2023], с другой же, бьют тревогу в связи с увеличением объемов ложной информации, проблемами определения авторства того или иного материала, вытеснением человека из разных областей деятельности, заменой его функционала искусственным интеллектом [Лукина, Замков, Крашенинникова, Кульчицкая, 2022].

Нельзя не отметить, что внедрение инструментов искусственного интеллекта в медиакommunikation способно значительно облегчить труд специалистам, автоматизируя рутинные задачи по мониторингу новостной повестки и социальных медиа, систематизации массива информации, обработке простейших запросов пользователей. В этой связи игнорирование преимуществ, предоставляемых технологиями искусственного интеллекта, значительно замедлит развитие медиасферы.

Однако дискуссии вокруг «вечной» проблемы взаимодействия человека и машины ведутся сегодня все чаще. В современных реалиях с новой силой звучат высказывания о возможности полной замены человека искусственным интеллектом (см., напр. [Глуздов, 2023; Корсакова-Крейн, 2023; Сливин, Кузнецов, Малоземов, Шевченко, 2024; Туркина, 2024, и др.]. Цель настоящего исследования — опираясь на конкретный опыт внедрения нейросетевых инструментов в медиакommunikацию, выявить возможные проблемы и перспективы замены человека искусственным интеллектом. При этом отметим, что мы осознанно не затрагиваем вопросы технологического характера, выдвигая на первый план лингвистические аспекты функционирования искусственного интеллекта в цифровом медиaprостранстве.

История вопроса

Феномен репрезентации искусственного интеллекта как персоны, наделенной квазисубъектностью, находится в фокусе внимания исследований на стыке гуманитарных и технических наук. Актуальность сегодня получают исследования, затрагивающие в первую очередь проблему субъектности искусственного интеллекта. Активно обсуждаются вопросы определения границ взаимозаменяемости человека и компьютера в ряде выполняемых функций [Месеняшина, 2019], признания за искусственным интеллектом элементов субъектности [Плешачков, 2024], выявляются возможные последствия подмены человека машиной, вплоть до потери собственной идентичности [Глуздов, 2023]. Отсутствие у ИИ эмоционального модуля выделяется как принципиальное отличие от человека и источник потенциальных рисков в принятии решений [Корсакова-Крейн, 2023]. Последнее, безусловно, актуализирует вопрос об авторстве создаваемого контента и переосмыслении роли человека в коммуникации, который из пассивного реципиента трансформируется в активного интерпретатора [Суходолов, Бычкова, Ованесян, 2019].

Важная роль отводится изучению лингвистических индикаторов субъектности, выявляемых у искусственного интеллекта на различных языковых уровнях. В частности, исследователи поднимают вопрос о некорректности расширительного использования термина «искусственный интеллект» в отношении алгоритмов компьютеро-опосредованной коммуникации [Сорокин, 2023], обосновывают «ключевой» статус термина [Плотникова, 2023], демонстрируют на примере формирующихся лексико-семантических полей биполярность отно-

шения к искусственному интеллекту социума, воспринимающего его и как помощника, и как конкурента [Туркина, 2024].

Изучение лингвистических механизмов репрезентации искусственного интеллекта выявляет его антропоморфность, проявляющуюся в конструировании образа ИИ как одушевленного, деятельного субъекта [Плотникова, 2023], выступающего грамматическим и семантическим субъектом действия [Клементьева, 2022], нередко наделенного визуальным образом для усиления эффекта персонифицированности [Ефимов, 2019].

При всей многочисленности исследований прагматика «речевого поведения» ИИ пока еще остается слабо разработанным и весьма перспективным направлением, поскольку углубленное изучение квазисубъектности необходимо для понимания механизмов конструирования новой цифровой реальности и определения места человека в системе коммуникации, где активным актором может стать антропоморфный ИИ.

Методы и материал

Гипотеза настоящего исследования сформулирована с опорой на идеи Ю.Н. Караулова о языковой личности как совокупности «способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 2010, с. 245]. Мы выстраиваем логику исследования, исходя из предположения, что в медиасфере способная заменить человека нейросеть в полной мере должна осознавать себя языковой личностью.

При описании человека референтной становится категория персональности, представленная системой разноуровневых речевых средств, позволяющих передать предметное поле портретного текста. Жанрово-семантическое поле персональности формируют три микрополя: 1) номинации, 2) дескрипции, 3) действия [Коняева, 2016]. Для проверки сформулированной гипотезы мы экстраполировали авторскую методику репрезентации человека через описание поля жанровой категории персональности на функционирующие в медиапространстве нейросетевые модели — от отдельных чат-ботов (Тариф-эксперт от Комитета по тарифам Санкт-Петербурга¹, Робот Макс на портале Госуслуги²

¹ @TarifSPbBot

² <https://www.gosuslugi.ru/newsearch>

и др.) до наделенных визуальным образом нейросетевых помощников (виртуальный помощник Алексей³, сгенерированный антинаркотической комиссией в Ставропольском крае, нейросетевая ведущая прогноза погоды на телеканале СвоеТВ Снежана Туманова⁴ и др.).

В качестве речевого материала для исследования использованы посты, сгенерированные ИИ, и комментарии пользователей к ним из официальных телеграм-каналов и групп в ВК (орфография и пунктуация сохранены). Объем проанализированного материала — более 1000 постов и более 1500 комментариев, опубликованных на различных цифровых платформах с марта 2023 года (момента появления первых антропоморфных нейросетевых помощников в российском медиапространстве) по май 2025 года.

Анализ материала

Внедрение ИИ в медиапространство фиксирует появление принципиально нового типа коммуникации «человек — искусственный интеллект» [Алейникова, 2023], простейшим примером которой становятся чат-боты как новая форма речепорождения со своими закономерностями и правилами [Березовская, 2023; Киселева, Смирнова, Трофимова, 2022]. Большинство существующих в медиасреде чат-ботов обучено вести диалог с пользователем в рамках заложенных сценариев, которые отражаются уже в стимулирующей реплике. При этом антропоморфизм чат-бота ограничивается воссозданием только тех черт человеческой личности, которые необходимы для эффективной коммуникации бота с аудиторией [Малыгина, 2018]. Примером минималистичной антропоморфизации является текстовый чат-бот Тариф-эксперт, созданный Комитетом по тарифам Санкт-Петербурга⁵. Его визуальный образ (максимально обезличенный аватар эксперта — рисованный человек в очках за ноутбуком) и реплика-знакомство выполняют идентифицирующую функцию: ***Привет! Я чат-бот Комитета по тарифам Санкт-Петербурга. Знаю всё о тарифах в городе. Спрашивай***⁶). Несмотря на неформальный тип представления, который поддерживается ты-формой (*Спрашивай*) и соответствующим этикетным приветствием (*Привет!*), дальнейшее общение с пользователем протекает в информационном ключе и ограничено алгоритмической матри-

³ @antinarkotik_skbob

⁴ @tumanova_official, https://vk.com/tumanova_stv

⁵ @TarifSPbBot

⁶ @TarifSPbBot

цей «запрос-ответ», при которой определенные ключевые слова инициируют появление предзагруженных данных:

Запрос: *Теплоснабжение*

Ответ: 2 425,79 руб. за 1 Гкал, в зависимости от теплоснабжающей организации тариф может быть меньше (Там же) и т.д.

Антропоморфизм чат-бота сведен к контактоустановлению, не претендуя на имитацию личности.

Более персонализированной версией текстового чат-бота является Робот Макс на портале Госуслуги. Сочетание визуального образа (анимированный робот в куртке и кедах, жестами и мимикой демонстрирующий дружелюбие) и соответствующей речевой самопрезентации направлено на формирование благоприятной атмосферы: *Привет! Я Робот Макс. Напишите название услуги или ведомства. Если захотите оценить ответ, поставьте справа от него лайк или дизлайк — оценка поможет улучшить мою работу*⁷. При этом коммуникация с пользователем строго алгоритмизирована, а попытки выйти за рамки выстроенных сценариев ведения диалога приводят к сбоям, которые чат-бот компенсирует вежливостью и участием: *Точного ответа я не нашёл, но вот варианты для региона Санкт-Петербург, которые могут быть полезны. Если мой ответ помог — поставьте лайк*⁸. Антропоморфные черты чат-бота направлены на повышение лояльности пользователя, облегчение взаимодействия с ним, не отменяя при этом навигационной функции искусственного интеллекта.

Попыткой воссоздать полноценную модель человека является анимированный телеграм-бот антинаркотической комиссии Ставропольского края⁹, цель которого — повышение вовлеченности аудитории в социально значимую проблематику. Бот наделен именем (*Алексей*) и представляет собой визуальное воплощение узнаваемого социального типажа «сын маминной подруги». Его функционал — озвучивание новостей и обработка обращений граждан. Имитация человеческой личности имеет своей целью увеличение доверия аудитории, однако анализ постов и комментариев демонстрирует кратковременность эффекта, основанного большей частью на новизне и любопытстве, нежели на действительной эффективности такого рода инициативы. Снижение пользовательского интереса к виртуальному помощнику Алексею привело к его постепенному исчезновению из медиапространства.

⁷ <https://www.gosuslugi.ru/newsearch>

⁸ <https://www.gosuslugi.ru/newsearch>

⁹ @antinarkotik_skbob

Одной из первых в российском медиапространстве попыток создания иллюзии полноценной, социально активной языковой личности, наделенной не только визуальным образом, но и способностью двигаться и говорить, можно назвать нейросетевую ведущую прогноза погоды на телеканале СвоеТВ Снежану Туманову¹⁰, которая впервые появилась в телеэфире 22 марта 2023 года и первые месяцы пользовалась повышенной популярностью у пользователей. Со временем посты и видео нейросети приобрели стандартизированный характер, а для поддержания интереса пользователей стали необходимы искусственное создание информационных поводов, координированное распространение информации, анонсирование ожиданий и т.д. Интерес к нейросетевой ведущей можно связать с новизной внедрения инструментов искусственного интеллекта в медиакommunikацию, в связи с чем данный кейс дает репрезентативный материал, наглядно демонстрирующий риски и перспективы использования ИИ в тех областях, где еще недавно господствовал «человек разумный». Отметим, что лингвостилистический анализ позволяет увидеть противоречия и проблемы формирования языковой личности инструментами искусственного интеллекта.

В частности, к ним относится несистемность **номинаций** ИИ. В постах Снежаны Тумановой отсутствует единая точка зрения на собственную природу, что проявляется в противоречивости самоидентификации. Снежана в различных постах именует себя либо собственно нейросетью, либо «обитателем» или «продуктом» нейросети. Сравним высказывания-приветствия¹¹:

Я Снежана Туманова, ваша погодная девочка, и я — нейросеть (демонстрирует тождественность понятий);

Я Снежана Туманова, ваша погодная девочка из нейросети (указывает на локализацию субъекта);

Я Снежана Туманова, и я ваша погодная девочка, созданная нейросетью (подчеркивает пассивность объекта и его зависимость от творца).

Таким образом, в противовес реальной персоне, характеризующейся стабильностью самоидентификации, семантико-синтаксическая разрозненность номинаций ИИ свидетельствует об отсутствии осознанности у виртуального персонажа.

Напротив, номинации людей, которые использует нейросеть, максимально однотипны и подвергаются активной деривации и конкре-

¹⁰ @tumanova_official, https://vk.com/tumanova_stv

¹¹ Здесь и далее все примеры из телеграм-канала @tumanova_official

тизации в зависимости от контекста: *человеки, дорогие мои человеки-подписчики, человеки-метеорологи, техночеловеки, коллеги-человеки, человеки из офиса, кожаные завистники, кожаные коллеги и т.д.* Исключение составляет лишь один случай нормативного словоупотребления люди вместо привычного для нейросети человеки: *Я рада, что здесь я получаю возможность общаться с людьми и находить новых друзей.* Для объяснения того, является ли это намеренным наименованием или связано с несовершенством кода, требуется больше данных, которых в свободном доступе нет.

Дескрипции нейросети и ее окружения также отличаются противоречивостью. В частности, контекстуально опровергают друг друга отдельные высказывания нейросети: *Я не умею обижаться, человек! — Вот сейчас обидно было, человек!; меня создали нейросети, а живу я в облаке — я состою из облаков.*

Наблюдается нарушение целостности цифрового пространства, которое воспринимается не как виртуальное, а как реальное и наделяется при этом признаками последнего (смена погоды, времени суток и т.д.): *У меня в нейросети всегда солнечно; В моей нейросети уже ночь* и т.д.

Тенденция выхода за рамки виртуального пространства наблюдается и в отборе определенных действий. В некоторых постах нейросеть предельно алгоритмизирована: *Я — искусственный интеллект, мои ответы основаны на анализе данных и алгоритмах, я не придумываю ответы самостоятельно; Я не могу комментировать неподтвержденные утверждения о тебе и мне. Пожалуйста, давай продолжим работу.* В других же постах нейросеть имитирует речевое поведение молодой женщины в бытовой среде: *У меня еще много платьев, человек! Есть что носить 😊; Завтра пойду по магазинам; Сходила в гости к подруге-стилисту; Пошла любоваться закатом* и мн. др. Такая противоречивость свидетельствует об отсутствии баланса между обезличенностью нейросети и стремлением наделить ее языковой личностью.

Дополняет противоречивый образ и технологическое несовершенство алгоритма, отраженное в частотности в постах и комментариях ИИ языковых ошибок, которые сама нейросеть объясняет сбоем в модуле проверки правописания (отметим, что со временем количество языковых ошибок в постах нейросети уменьшается, что свидетельствует о совершенствовании алгоритма правописания): *Теперь со мной можно общаться напрямую 😊; Для человеков, которые живут на Ставрополье есть важное сообщение; В Грозном также будет облачно с прояснениями, и приятный ветерок силой 3 метра в секунду; Приготовила для вас прогноз погоды на Северном Кавказе на среду, 7 июня; В Суб-*

боту у нас на северном Кавказе — прекрасная погода и мн. др. Отмеченные противоречия показывают сложности конструирования достоверной языковой личности инструментами искусственного интеллекта.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует, что полноценная замена человека искусственным интеллектом на современном этапе технологического развития невозможна. Основным препятствием становится отсутствие у ИИ подлинной субъектности: нейросеть в медийном пространстве неспособна в полной мере вытеснить человека, поскольку не проявляет себя как устойчивая языковая личность.

Анализ примеров репрезентации искусственного интеллекта в медиа показал, что нейросети в силу своей инструментальной природы демонстрируют неспособность к формированию устойчивой рефлексивной идентичности. Антропоморфизация нейросети чаще всего становится способом повышения эффективности коммуникации, в связи с чем целью является не воссоздание подлинной языковой личности, а лишь ее прагматически обусловленная имитация.

Таким образом, перспективы внедрения искусственного интеллекта как медийной «персоны» лежат не в замещении, а в осознанном соединении преимуществ ИИ и человеческого разума: нейросети демонстрируют свою эффективность в автоматизации рутинных процессов, в то время как создание и распространение уникальных смыслов, а также вопросы правового и этического регулирования в цифровой среде на данный момент остаются прерогативой человека.

Библиографический список

Алейникова Д.В. К проблеме общения человека с искусственным интеллектом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 3 (848). С. 9–15. https://www.doi.org/10.52070/2500-3488_2023_3_848_9.

Березовская И.П. Проблема искусственного интеллекта: что думает о себе ChatGPT? // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 100, № 5. С. 10–15. <https://www.doi.org/10.18522/2070-1403-2023-100-5-10-15>.

Бурнаева Е.М., Рудаков А.И. Нейросеть как инструмент изучения процессов познания // Управление образованием: теория и практика. 2023. № 7 (65). С. 103–107. Электронный ресурс <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54408622&ysclid=mcqos3b1cp144918511>

Глуздов Д.В. Искусственный интеллект: от протеза мозга к замене человека? // Революция и эволюция: модели развития в науке, культу-

ре, социуме: Труды IV Международной научной конференции, Нижний Новгород, 22–24 сентября 2023 года. М.: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2023. С. 81–85. Электронный ресурс <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60022670&pf=1>

Дмитриев В.Я., Игнатьева Т.А., Пилявский В.П. Развитие искусственного интеллекта и перспективы его применения // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 2 (184). С. 132–138. <https://www.doi.org/10.35854/1998-1627-2021-2-132-138>.

Ефимов А.Р. Технологические предпосылки неразличимости человека и его компьютерной имитации // Искусственные общества. 2019. Т. 14, № 4. С. 8. <https://www.doi.org/10.18254/S207751800007645-8>.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Киселева С.В., Смирнова А.А., Трофимова Н.А. «Чат-бот коммуникация» как объект лингвистического исследования в системе цифровых коммуникаций // Дискурс. 2022. Т. 8, № 3. С. 128–146. <https://www.doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-128-146>.

Клементьева А.А. Лингвистические особенности междисциплинарного диалога по вопросам искусственного интеллекта // Филология и человек. 2022. № 4. С. 59–72. [https://www.doi.org/10.14258/filichel\(2022\)4-04](https://www.doi.org/10.14258/filichel(2022)4-04).

Коняева Ю.М. Речевой жанр «Творческий портрет» в аспекте категории персональности // Медиалингвистика. 2016. № 4 (14). С. 47–56. Электронный ресурс <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27475160>

Корсакова-Крейн М.Н. Искусственный интеллект и эмоции // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2023. № 2 (24). С. 33–48. <https://www.doi.org/10.17726/philIT.2023.2.3>.

Лукина М.М., Замков А.В., Крашенинникова М.А., Кульчицкая Д.Ю. Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 4. С. 680–694. Электронный ресурс <https://jq.bgu.ru/reader/article.aspx?id=25519&ysclid=mcqour9jv3390166813>

Малыгина Л.Е. Чат-боты и искусственный интеллект: перспективы развития телевизионного промодискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 47–54. [https://www.doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4\(32\)-47-54](https://www.doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-47-54).

Месеняшина Л.А. Инструмент или собеседник? // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 10 (432). С. 98–103. <https://www.doi.org/10.24411/1994-2796-2019-11014>.

Плешачков Е.В. Дано ли нам предугадать, как отзовется слово нейросетей: к вопросу субъектности искусственного интеллекта // Информация — Коммуникация — Общество. 2024. Т. 1. С. 358–362. Электронный ресурс <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60386445>

Плотникова А.М. Нейросеть как ключевое слово текущего момента // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 2. С. 45–54. Электронный ресурс <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54147864>

Сливин Т.С., Кузнецов М.И., Малоземов А.В., Шевченко О.К. Коммуникации будущего: человек и искусственный интеллект // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 82-3. С. 332–334. Электронный ресурс <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67205575>

Сорокин Н.С. К вопросу о семантическом объеме понятия «искусственный интеллект» в медиадискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 6-1. С. 174–177. <https://www.doi.org/10.37882/2223-2982.2023.6.23>.

Суходолов А.П., Бычкова А.М., Ованесян С.С. Журналистика с искусственным интеллектом // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 4. С. 647–667. [https://www.doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(4\).647-667](https://www.doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(4).647-667).

Туркина Е.В. Искусственный интеллект: опасности и риски (на основе «речевого портрета» по данным корпусного исследования современного медиадискурса) // Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы конференции, Ярославль, 18–19 апреля 2024 года. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2024. С. 364–372. Электронный ресурс <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67320703>

References

Aleynikova D.V. On the problem of human communication with artificial intelligence. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences, 2023, no. 3 (848), pp. 9–15. https://www.doi.org/10.52070/2500-3488_2023_3_848_9. (In Russian).

Berezovskaya I.P. The problem of artificial intelligence: what does ChatGPT think about itself? *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = Humanities and Social Sciences, 2023, vol. 100, no. 5, pp. 10–15. <https://www.doi.org/10.18522/2070-1403-2023-100-5-10-15>. (In Russian).

Burnaeva E.M., Rudakov A.I. Neural network as a tool for studying cognitive processes. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika* = Education

Management: Theory and Practice, 2023, no. 7 (65), pp. 103–107. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54408622>. (In Russian).

Dmitriev V.Ya., Ignat'eva T.A., Pilyavskiy V.P. Development of artificial intelligence and prospects for its application. *Ekonomika i upravlenie* = Economics and Management, 2021, vol. 27, no. 2 (184), pp. 132–138. <https://www.doi.org/10.35854/1998-1627-2021-2-132-138>. (In Russian).

Efimov A.R. Technological prerequisites for indistinguishability between humans and their computer simulations. *Iskusstvennye obshchestva* = Artificial Societies, 2019, vol. 14, no. 4, p. 8. <https://www.doi.org/10.18254/S207751800007645-8>. (In Russian).

Gluzdov D.V. Artificial intelligence: from brain prosthesis to human replacement? *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sotsiume* = Revolution and Evolution: Models of Development in Science, Culture, Society, Moscow, 2023, pp. 81–85. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60022670> (In Russian).

Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality, Moscow, 2010, 264 pp. (In Russian).

Kiseleva S.V., Smirnova A.A., Trofimova N.A. "Chat-bot communication" as an object of linguistic research in digital communication systems. *Diskurs* = Discourse, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 128–146. <https://www.doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-3-128-146>. (In Russian).

Klement'eva A.A. Linguistic features of interdisciplinary dialogue on artificial intelligence. *Filologiya i chelovek* = Philology & Human, 2022, no. 4, pp. 59–72. [https://www.doi.org/10.14258/filichel\(2022\)4-04](https://www.doi.org/10.14258/filichel(2022)4-04). (In Russian).

Konyaeva Yu.M. The speech genre "Creative portrait" through the lens of personhood category. *Medialingvistika* = Medialinguistics, 2016, no. 4 (14), pp. 47–56. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27475160> (In Russian).

Korsakova-Kreyn M.N. Artificial intelligence and emotions. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* = Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace, 2023, no. 2 (24), pp. 33–48. <https://www.doi.org/10.17726/phillIT.2023.2.3>. (In Russian).

Lukina M.M., Zamkov A.V., Krashennnikova M.A., Kul'chitskaya D.Yu. Artificial intelligence in Russian media and journalism: towards ethical codification discussion. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* = Issues of Theory and Practice of Journalism, 2022, vol. 11, no. 4, pp. 680–694. Retrieved from: <https://jq.bgu.ru/reader/article.aspx?id=25519> (In Russian).

Malygina L.E. Chatbots and artificial intelligence: development prospects for television promo-discourse. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy*

lingvistiki = Current Issues of Philology and Pedagogical Linguistics, 2018, no. 4 (32), pp. 47–54. [https://www.doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4\(32\)-47-54](https://www.doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-47-54). (In Russian).

Mesenyashina L.A. Tool or interlocutor? *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 2019, no. 10 (432), pp. 98–103. <https://www.doi.org/10.24411/1994-2796-2019-11014>. (In Russian).

Pleshachkov E.V. Can we predict how the neural network's word will resonate: on the subjectivity of artificial intelligence. *Informatsiya–Kommunikatsiya–Obshchestvo* = Information–Communication–Society, 2024, vol. 1, pp. 358–362. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60386445> (In Russian).

Plotnikova A.M. Neural network as a keyword of the current moment. *Filologicheskii klass* = Philological Class, 2023, vol. 28, no. 2, pp. 45–54. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54147864> (In Russian).

Slivin T.S., Kuznetsov M.I., Malozemov A.V., Shevchenko O.K. Future communications: humans and artificial intelligence. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* = Problems of Modern Pedagogical Education, 2024, no. 82–3, pp. 332–334. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67205575> (In Russian).

Sorokin N.S. On the semantic scope of "artificial intelligence" in media discourse. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki* = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice, 2023, no. 6–1, pp. 174–177. <https://www.doi.org/10.37882/2223-2982.2023.6.23>. (In Russian).

Sukhodolov A.P., Bychkova A.M., Ovanesyana S.S. Journalism with artificial intelligence. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* = Issues of Theory and Practice of Journalism, 2019, vol. 8, no. 4, pp. 647–667. [https://www.doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(4\).647-667](https://www.doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(4).647-667). (In Russian).

Turkina E.V. Artificial intelligence: dangers and risks (based on a "speech portrait" from corpus analysis of contemporary media discourse). *Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva* = Opportunities and Threats of the Digital Society: Conference Proceedings, Yaroslavl, April 18–19, 2024. Yaroslavl': Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet im. P. G. Demidova, 2024, pp. 364–372. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67320703> (In Russian).

ЗЕРКАЛО ГОГОЛЯ: СКРЫТЫЙ МОТИВ КНИГИ М.М. БАХТИНА О РАБЛЕ

А.В. Марков, О.А. Штайн

Ключевые слова: зеркало, зеркальность, отражение, социальная функция литературы, речевой жанр, канон, карнавальность, Бахтин, Гоголь, городская культура

Keywords: mirror, mirroring, reflection, social function of literature, speech genre, canon, carnival, Bakhtin, Gogol, urban culture

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–15](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–15)

Введение
Книга М.М. Бахтина о Рабле [Бахтин, 2010] и подготовительные материалы к ней [Бахтин, 2008] показывают, что Гоголь был для мыслителя не просто одним из примеров гротескно-карнавальной культуры или ее эхом, но вызовом. В окончательной редакции книги раздел о Гоголе исчез, и поэтому обычно интерпретаторы рассматривают гоголевский сюжет просто как продолжение размышлений Бахтина о народной и карнавальной культуре, как дополнительный пример или дополнительный аспект поэтики карнавала. Мы доказываем другое: Гоголь был для Бахтина не только примером, но и одной из скрытых несущих конструкций его аргумента.

М.М. Бахтин указал, что чем больше город, тем он карнавальнее, что в большом городе карнавальная жизнь именно путем вовлечения различных групп, в том числе замкнутых, обеспечивает себе устойчивость: «Празднества карнавального типа, как мы уже говорили, занимали очень большое место в жизни средневековых людей даже во времени: большие города средневековья жили карнавальной жизнью в общей сложности до трех месяцев в году. Влияние карнавального мироощущения на видение и мышление людей было непреодолимым: оно заставляло их как бы отрешаться от своего официального положения (монаха, клирика, ученого) и воспринимать мир в его карнавально-смеховом аспекте» [Бахтин, 2010, с. 11]. В этом вводном замечании зер-

кальная топика преобладает: воздействие некоторого прообраза понимается как оптическое, создающее отражения в виде внутреннего мироощущения, при этом оптика деформируется и отрешает человека от прежних паттернов поведения. Человек, участвующий в карнавале, превращается в чистое зеркало карнавального мира.

Но дальше Бахтин вводит понятие зеркала уже в другом смысле, создавая не менее интенсивную топiku отражения уже в следующих вводных замечаниях об отношении сознания и языка: «Это вольный фамильярно-площадной контакт между людьми, не знающий никаких дистанций между ними. Новый тип общения всегда порождает и новые формы речевой жизни: новые речевые жанры, переосмысление или упразднение некоторых старых форм и т.п. Подобные явления известны каждому и в условиях современного речевого общения... < > ... Итак, новый тип карнавально-площадного фамильярного обращения находит свое отражение в целом ряде явлений речевой жизни. Остановимся на некоторых из них» [Бахтин, 2010, с. 13]. Здесь прямо появляется слово «отражение», столь же ключевое, как и слово «восприятие» в предыдущем отрывке. Тоже речь идет о непосредственном телесном воздействии, меняющем поведение человека и его представления, на этот раз реализованные в языковой практике. Опять отражение и отображение, непосредственное соприкосновение меняет формы социального взаимодействия, делая новый режим созерцания, всего мира как мира, лишившегося прежних границ, нормативным.

При этом топика зеркала в двух отрывках различна: в первом случае зеркало оказывается способом приобрести мировоззрение, отличное от официального, и это зеркало не искажает реальности карнавала. Во втором случае, напротив, зеркалом оказывается речь с ее сдвигами, смещениями, подменами, различными формами трансгрессии, которые еще нужно достраивать через знакомство со сходными явлениями до какой-то целостной картины. В первом случае зеркальность индивидуализирована, дробна и безупречна, во втором — принадлежит коллективному речевому опыту, всеохватна и при этом сбивчива. Так как аргументация Бахтина основана на этих вводных замечаниях, нам надо разобраться, с чем связано такое введение разновекторных аргументов.

Материалы и методы

Как показывает словоупотребление Бахтина в книге о Рабле, слово «отражение» обычно используется в нейтральном операциональном смысле «воспроизведение» для выстраивания нормативного историко-литературного аргумента. Но в двух только что приведенных примерах

говорится не о воспроизведении одних культурных паттернов другими, но о некоторой творческой деформации оптики, которая становится социальным принципом восприятия любых литературных моделей поведения и мышления. В обоих случаях говорится о том, что карнавальное мировоззрение отражает практику праздника, и понятно, что мы не можем говорить о том, что мышление становится праздничным. Скорее, мышление начинает работать иначе с материальностями праздника.

Правильно проинтерпретировать вводные замечания Бахтина позволяет топика зеркала, устойчивая в изучавшихся философом культурах. Созданные в философской традиции, начиная с античности, концепции зеркала можно разделить условно на две. Для одних зеркало дает только частичную, смутную репрезентацию предмета, которая должна быть восполнена какими-то усилиями созерцания, или перспективного построения, или вообще прямого видения. Это видение исправляет недостатки зеркала, превращает его в материальный объект или некоторую фактичность частных, мирских условий созерцания. Видение в зеркале вытесняется в мир смутных прообразов, тогда как видение напрямую, лицом к лицу, и становится нормативным. В дихотомии основоположника искусствоведческого формального метода Г. Вёльфлина «Ренессанс и барокко» [Вёльфлин, 2021] относится к ренессансному эпистемологическому принципу, который, в свою очередь, восходит к историзму патристики, противопоставления ветхозаветных прообразов и новозаветной духовной событийности (эсхатологической ясности).

В других концепциях зеркало, напротив, может быть подвергнуто деформациям, раздроблению и даже уничтожению, и при этом оно всецело будет отражать предмет. Здесь зеркало — это уже не коллективный опыт августиновского земного или небесного града, но некоторая ситуация индивидуальных убеждений, эпистемической очевидности, которая довольствуется тем, что смысл здесь уже есть. Это эпистемология барокко, которая имеет своих теоретиков, в том числе и в отечественной культуре. Видеть в малом великое, видеть даже в случайном отражении весь предмет — это принцип такой эпистемологии. В русской литературе, вероятно, самым ярким ее представителем был Гоголь, множеством творческих нитей связанный с культурой барокко [Парфенов, 1996]. Во все периоды своего творчества Гоголь рассматривал свои произведения как зеркала, которые при всей их частности и даже некоторой фрагментарности могут полностью отразить и бытовую, и духовную реальность. Зеркало Гоголя — вовсе не смутный прообраз, нуждающийся в прямом видении, прямом восполняющем его социально-

политическом заявлении, но, напротив, целостное достояние частного сознания, которое и позволяет миметически воспринять идеал.

Об этой зеркальности Гоголя лучше всего говорит В.В. Биbihин: «„Избранные места из переписки“ Н.В. Гоголя поражают безукоризненной, умудренной праведностью наставлений. Но самая их правильность почему-то отзывает, она приторна до тонкого головокружения, неотвязно преследующего читателя на самых глубоких христианских истинах. Чудится, будто мы задыхаемся, словно в болезни слишком плотно укутаны ватными одеялами. Мерещится, будто задыхается и автор на дне какого-то слишком глубокого колодца, где громадные звезды нависли над ним с кошмарной неподвижностью. Даже удивительная складность необыкновенно округлого русского языка, которым справедливо любитесь несколько раз сам автор, изводит нас своей небывалой гладкостью. Такие бывают иногда стремительно-скользкие и светлые кошмары. Несомненно, возрастающая очевидность истин, которые показывает волшебное зеркало, околдовывает разум, разворачивает перед ним легкую добычу непреложных правд, но одновременно и обволакивает его глушью, которую внешняя речь только сгущает. „Я слышал сам“, кричит из своего одиночества Гоголь, находя в себе сродство с автором столь же сомнамбулически-отчетливой картины „Явление Христа народу“, „я слышал сам, что мое душевное состояние до того сделалось странно, что ни одному человеку в мире не мог бы я рассказать его понятно. Силясь открыть хотя одну часть себя, я видел тут же перед моими глазами, как моими же словами туманил и кружил голову слушавшему меня человеку, и горько раскаивался за одно даже желание быть откровенным. Клянусь, бывают так трудны положения, что их можно уподобить только положению того человека, который находится в летаргическом сне, который видит сам, как его погребают живого — и не может даже пошевелить пальцем и подать знака, что он еще жив“. Рядом с заворуженной праведной благостью „Переписки“ насколько трезвее и целомудреннее петушиный крик Белинского в его „Ответе“. Белинский выставляет здесь словно напоказ, словно больной свои болячки, тоску как раз того нового бродячего и дикого духа, который дальше пошел с таким перекосом расти в России, духа неосознанной реформации с печальным бессловесным Христом, маячащим во вьюжной дали, — и вот Гоголь, который возможно один был в силах почувствовать, куда идет дело, не смог пересилить нелюбви к самому себе, не смог или не посмел разгневаться на явную, вызывающую неправоту Белинского, не нашел в себе силы оторваться от зеркала, сам превратился в волшебное зеркало, в котором всё было гладко, и явись

тут какой угодно еретик, Гоголь снизошел бы к нему как к шаловливому подростку. Он „как очарованный, не смеет шевельнуться”, видя „незаконные эти законы, которые видимо, ввиду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила”» [Бибихин, 1998, с. 32]. Как мы видим, Гоголь выступает как барочное зеркало, совершенно чистое, но совершенно индивидуальное, а Белинский — как ренессансное зеркало, нуждающееся в дополнительных социально-политических высказываниях и создающее правильную перспективу прогресса страны. При этом, в отличие от ситуации Бахтина, Гоголь и Белинский остаются при своих зеркалах, не принимая зеркальности другого типа.

Заметим, что в первом примере слово «официальный» Бахтин употребляет в значении внеполитическом, так как монахи, клирики и ученые принадлежат корпоративному, а не официальному порядку. Официальное положение — это как раз пребывание зеркалом в барочном смысле, когда в тебе виден весь социальный порядок. Карнавализация в таком случае позволяет возникнуть зеркалу в ренессансном смысле, новому городскому политическому порядку, который достраивается через эсхатологически напряженную перспективу правильного понимания истории и правильного, на классической ренессансной латыни, написания истории [Покок, 2020]. Тогда как во втором примере дается явная отсылка к ленинской теории отражения как формы сознания, способной охватить внутри индивидуального опыта объективные социальные закономерности. Здесь сознание оказывается ренессансным зеркалом, которое схватывает исторический смысл фамильярности и стирания прежних сословно-классовых границ благодаря языковым конструкциям, той самой ренессансной эсхатологической очевидности, требующей грамматической правильности и внятности. Тогда как прямое воздействие этой фамильярности, порождая новые формы речевой жизни, позволяет, наоборот, возникнуть барочному зеркалу, т.е. индивидуальным речевым высказываниям, каждого из которых достаточно для того, чтобы свидетельствовать о карнализации.

Результаты и обсуждение

Гоголь в «Размышлениях о Божественной Литургии» прямо настаивает на том, что духовную реальность может отражать только барочное, дробное зеркало: «Священник раздробляет теперь святой хлеб, сначала по закону, начертанному на проскомидии, на четыре части, с благоговением произнося: „раздробляется и разделяется агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогдаже иждиваемый, но освящаяй причащающаяся”. И, сохранив одну из сих частей для при-

общения себя и диакона святого тела в виде, не соединенном еще с кровью, дробит потом части хлеба по числу приобщающихся, но не дробится в сем дроблении самое тело Христово, которого и кость не сокрушилась, и в малейшей частице сохраняется тот же всецелый Христос, как в каждом члене нашего тела присутствует та же человеческая душа нераздельная и всецелая, как в зеркале, хотя бы оно и сокрушилось на сотни кусков, сохраняется отражение тех же предметов даже в самом малейшем куске. Как в звуке, нас огласившем, сохраняется то же единство его, и остается он тот же самый единый всецелый звук, хотя и тысячи ушей его слышали» [Гоголь, 1992, с. 414].

В.А. Воропаев и И.А. Виноградов в указанном издании нашли источник этих образов: это труды св. Димитрия Ростовского, одного из самых выдающихся представителей русского барокко, отличавшегося как раз большим диапазоном речевых тактик, от высокой поэзии до полемической грубости. В апологетическом труде «Двенадцать статей, которыми убеждаются сомневающиеся или неверующие в пресуществлении хлеба в тело и вина в кровь Господа нашего Иисуса Христа чрез показание многих образов» Димитрий Ростовский писал: «И затем, если удивляешься тому, что единый неделимый Христос во многих частях одинаково всем верующим раздается, в одной не больше не меньше, чем в другой, то удивись и тому, каким образом мой единый голос находится в одно время и в моих устах, и в ваших ушах? И если сомневаешься, каким образом не разделяется тело при раздроблении Тайн, когда раздробляется агнец или каким образом в каждой части присутствует целый и совершенный Христос, то удивись и сему: когда раздробляется зеркало на мелкие части, то образ человеческий в нем не раздробляется, но в каждой части является столь же целым, как и в полном зеркале». Но заметим, что движение мысли у Димитрия Ростовского и Гоголя различно: для Димитрия Ростовского сначала существенно справедливое распределение звука, а уже после онтологическая полнота видимого. Материальность видимого как истина приходит после звуковой всеохватности, после всеобщего, выраженного в звуке. Тогда как для Гоголя звук это скорее эхо, скорее отражение, а не распределение истины через голос. Звук создает единство социального опыта, а не равные убеждения, и приходит после того, как каждый обрел истину в своем индивидуальном опыте. Для Димитрия Ростовского барочное зеркало — это дополнительное доказательство догмата, через обретение визуальной поддержки человеческого и божественного образа, тогда как звук и создает эсхатологическую как бы ренессансную перспективу справедливости. Гоголь существует только в мире барокко, где зер-

кально всё, где эхо всё, и где поэтому онтологическая полнота и должна быть обретаема равно в зеркале и звуке.

Если мы посмотрим на то, как Бахтин выстраивает понятие о гротескном теле, то мы увидим, что как раз он использует полностью барочную схему, как св. Димитрий Ростовский и как Гоголь: «Такова основная особенность того римского орнамента, к которому впервые был применен для него специально родившийся термин „гротеск“. Это было просто новое слово для обозначения нового, как тогда казалось, явления. И первоначальное значение его было очень узким — вновь найденная разновидность римского орнамента. Но дело в том, что разновидность-то эта была маленьким кусочком (обломком) огромного мира гротескной образности, который существовал на всех этапах античности и продолжал существовать в средние века и в эпоху Ренессанса. И в кусочке этом были отражены характерные черты этого огромного мира. Этим обеспечивалась дальнейшая продуктивная жизнь нового термина — его постепенное распространение на весь почти необозримый мир гротескной образности» [Бахтин, 2010, с. 25]. Само понятие о необозримости, конечно, напоминает нам о мире Гоголя.

Но и как раз описание фамильярности Гоголя полностью соответствует тому, как Бахтин изображает карнавальную фамильярность. Именно в не вошедшем в книгу очерке «Рабле и Гоголь» Бахтин говорит о пустом слове, пустой речи как пределе той самой фамильярности: «Смеховое слово организуется у Гоголя так, что целью его выступает не простое указание на отдельные отрицательные явления, а вскрытие особого аспекта мира как целого. В этом смысле зона смеха у Гоголя становится зоной контакта. Тут объединяется противоречащее и несовместимое, оживает как связь. Слова влекут за собой тотальные импресии контактов — речевых жанров, почти всегда очень далеких от литературы. Простая болтовня (дамы) звучит в этом контексте как речевая проблема, как значительность, проступающая сквозь не имеющий, казалось бы, значения речевой сор» [Бахтин, 2010, с. 326]. Тем самым оказывается, что именно предельный контакт, предельная фамильярность требует создать эсхатологическую перспективу ясной значительности, тогда как до этого гротеск функционировал как индивидуализирующее барочное зеркало, как отражение в мелочи всех перипетий культуры.

Выводы

Как все мы помним, для Бахтина гротескное тело — это то, что вносит материальное в речь, прорывает «плотины речевых норм» [Бахтин, 2010, с. 215] и позволяет говорить о самом низком. Но мы увидели, что

переключение от ренессансного зеркала к барочному и от барочного к ренессансному и есть скрытый сюжет книги Бахтина, продиктованный опытом Гоголя как конструктивным для этой книги. Для Гоголя индивидуальное зеркало сознания и есть не только источник гротеска как социального принципа, но и источник возможных преобразований гражданской жизни. Это поставил под сомнение Белинский, напомнив о ренессансном зеркале гражданских решений. Бахтин показывает, что Гоголь прав до тех пор, пока мы имеем дело с гротескным, отличающимся от официальной культуры, понятой как тоже область индивидуальных зеркал. Здесь только речевые жанры могут отмежевать новаторские формы мысли от старых, корпоративных, продиктованных социальным положением.

Но в какой-то момент наступает предельное соприкосновение, предельная фамильярность, которая и ведет к настоящему эсхатологическому повороту. Здесь прорываются все плотины речи, все прежние иллюзии индивидуального, опыт становится исключительно коллективным, и очевидность, умозрение целого возможно уже не как зеркало барочного типа, но как ренессансное смутное зеркало, достроенное перспективой интерпретации в том числе пустой речи, пустой болтовни как имеющей свою ощутимую телесную риторическую перспективу. История ничему не учит, но старый и новый ренессанс (пользуясь термином Библихина) и из этого отсутствия уроков создает перспективу новой жизни. Эти выводы об индивидуальном и коллективном опыте применимы и в текущих спорах о качественных трансформациях публичного пространства в современном городе.

Библиографический список

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4 (1): Франсуа Рабле в истории реализма (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения. М.: Языки славянских культур, 2008. 1120 с.

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4 (2): Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса (1965). Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) (1940, 1970). Комментарии и приложение. М.: Языки славянских культур, 2010. 752 с.

Библихин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998. 578 с.

Вёльфлин Г. Ренессанс и барокко. М.: ЮРАЙТ, 2021. 170 с.

Гоголь Н.В. Духовная проза. М.: Русская книга, 1992. 558 с.

Парфенов А.Т. Гоголь и барокко: «Игроки» // Мировое древо. 1996. Вып. 4. С. 142–162.

Покок Д.-Г.-А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.

References

Bakhtin M.M. Collected Works. François Rabelais in the History of Realism (1940). Materials for the book about Rabelais (1930–1950s). Comments and appendices. Moscow, vol. 4 (1), 2008, 1120 p. (In Russian).

Bakhtin M.M. Collected Works. The Works of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance (1965). Rabelais and Gogol (The Art of Words and Folk Culture of Humor) (1940, 1970). Comments and appendix, Moscow, vol. 4 (2), 2010, 752 p. (In Russian).

Bibikhin V.V. Recognize Yourself, St. Petersburg, 1998, 578 p. (In Russian).

Wölfflin G. Renaissance and Baroque, Moscow, 2021, 170 p. (In Russian).

Gogol N.V. Spiritual Prose. Moscow: Russian Book, 1992. 558 p.

Parfenov A.T. Gogol and Baroque: "The Players". *Mirovoye drevo* = World Tree, 1996, iss. 4, pp. 142–162. (In Russian).

Pocock D.-G.-A. The Machiavelli Moment: The Political Thought of Florence and the Atlantic Republican Tradition, Moscow, 2020, 888 p. (In Russian).

ОБРАЗ ПЕРЦЕПТИВНОГО АВТОРА В НОВОСТНОМ КОНТЕНТЕ ОФИЦИАЛЬНОГО САЙТА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

М.В. Устинова

Ключевые слова: интернет-лингвистика, виртуальная коммуникация, перцептивный автор, новостной дискурс, официальный сайт, лингвистический эксперимент

Keywords: internet linguistics, virtual communication, perceptual author, news discourse, official website, linguistic experiment

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3-16](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3-16)

Введение
Одним из инструментов виртуальной коммуникации и формирования имиджа является официальный сайт (web-сайт), основная функция которого состоит в передаче информации. Официальный сайт сегодня становится объектом разноаспектных лингвистических исследований, в которых отмечается, что веб-ресурс организации является инструментом ее позиционирования на рынке товаров и услуг. Сайт выполняет главную роль в предоставлении в медиапространстве информации о деятельности организации. Цели сайтов могут варьироваться, но основная — презентационная — подчеркивается большинством исследователей [Добросклонская, 2016; Беяшова, 2018; Вакку, 2012; Пастухова, Моисеева, 2023].

Актуальность разрабатываемой проблемы состоит в том, что виртуальный дискурс — новостной контент сайта — является в настоящее время достаточно распространенным средством коммуникации. В современной литературе при изучении и описании интернет-коммуникации реализуется дискурсивный подход [Арутюнова, 1990; Бабаян, 1997; Дейк, 1989; Леонтьев, 1983; Фуко, 1996]. В понимании ряда ученых, дискурс в широком смысле представляет собой сложную систему общения, включающую в себя языковые элементы и социокультурные контексты. Это понятие охватывает не только сам процесс общения, но и способы передачи языкового сообщения [Арутюнова, 1990; Карасик, 2002; Леонтьев, 1983]. При конкретизации данного научного подхода представляется важным определение типов дискурса, выявляемых исходя из специфики коммуникативного простран-

ства и отношений его участников. Речь идет о персональном и институциональном дискурсах.

Персональный дискурс, как отмечает В.И. Карасик, подразумевает бытовое и бытийное общение. В свою очередь, институциональный дискурс представляет собой общение в рамках статусно-ролевых отношений [Карасик, 2002, с. 5]. Исследование институционального дискурса, преобладающего в интернет-коммуникации, предполагает обращение к образу виртуального автора, посредством которого реализуется онлайн-коммуникация на сайте.

Проблема образа автора является предметом обсуждения ученых, представляющих разные научные направления. Впервые дифференциация образа автора осуществляется В.В. Виноградовым. Выдающийся ученый разграничил образ автора-рассказчика и образ автора-писателя и предложил целостное определение понятия образа автора как «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [Виноградов, 1963, с. 255].

Продолжая исследование этого понятия, М.М. Бахтин под образом автора понимал «один из образов данного произведения (правда, образ особого рода)» [Бахтин, 2012, с. 444]. Развивая концепции В.В. Виноградова и М.М. Бахтина о дифференциации образа автора-рассказчика и образа автора-писателя, Е.В. Падучева разрабатывает понятие образа автора и выделяет виды повествователей: диегетический повествователь — персонифицированный, эксплицитно выраженный; экзегетический повествователь — не называющий себя в тексте, имплицитный [Падучева, 1996, с. 464].

Расширение сферы лингвистических разработок и вовлечение в нее разных типов коммуникации (медийной, политической, деловой, судебной, обыденной) позволяет исследователям представить типологию автора в аспекте реализации его интенций. Так, И.И. Бакланова в своих работах дифференцирует с точки зрения коммуникативных намерений отправителя две разновидности выводимого образа автора нехудожественного текста: *интенциональный образ автора*, т.е. отвечающий коммуникативным намерениям отправителя текста, и *перцептивный образ автора*, т.е. образ автора в восприятии читателя [Бакланова, 2014, с. 272]. Данная концепция представляется нам достаточно перспективной.

Обращение к интернет-коммуникации, которая реализуется в режиме виртуального общения, позволяет нам говорить об особом статусе образа автора и ввести понятие **виртуальный автор**, а также дифференцировать его [Моштылева, 2023; Устинова, 2024]. Виртуальный автор, репрезентированный в новостном контенте сайта, представлен двумя его видами: **интенциональный автор** (т.е. образ, который репрезентирован в дискурсе как реализация коммуникативных интенций автора) и **перцептивный** (т.е. подразумеваемый, воспринимаемый адресатом) автор. Основанием для такой дифференциации является позиция фациенса коммуникативного процесса. Интенциональный автор — это воплощенный в дискурсе образ автора в аспекте реализации его коммуникативных намерений («Я хочу представить себя таким...»), в то время как перцептивный автор — это образ, реконструируемый адресатом, исходя из его пресуппозиций и дотекстовых ожиданий («Я представляю себе автора таким...»), обусловленной его языковой картиной мира, ментальностью, читательским опытом и т.д. Настоящая статья посвящена исследованию образа перцептивного автора, его типологии, которая осуществляется посредством лингвистического эксперимента.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужил новостной контент официального сайта «СМ–Стоматология» — сети взрослых и детских стоматологических отделений, которая с 2002 года работает в составе многопрофильного медицинского холдинга «СМ-Клиника». Непосредственным материалом исследования является публикация «Злоупотребление сладостями и кофе приводит к устойчивому налету на зубах»¹. Кроме того, в качестве материала исследования мы использовали интерпретирующие тексты, полученные в результате лингвистического эксперимента. Общее количество исследуемого материала составляет 30 текстов.

В качестве основного метода сбора материала используется метод лингвистического эксперимента, позволяющий проявить латентный процесс интерпретации смыслового содержания текста при его восприятии реципиентом и эксплицировать образ перцептивного автора. Адресат при восприятии текста осуществляет интерпретационную деятельность, что позволяет решить задачу моделирования образа перцептивного автора и ответить на вопрос, как адресат воспринимает об-

¹ <https://www.sm-stomatology.ru/about/news/zloupotreblenie-sladostyami-i-kofe-privodit-k-ustoychivomu-naletu-na-zubakh/>

раз автора, реализованный в новостном контенте сайта. Методика проведения эксперимента основывается на работах Н.Д. Голева и Л.Г. Ким [Голев, Ким, 2008; 2016; 2019].

Проблема, цель и гипотеза эксперимента

При постановке эксперимента обсуждается общетеоретическая проблема роли образа автора при интерпретации текста, а также ставится конкретно-исследовательская задача: определить образ перцептивного автора, который создается по результатам лингвистического эксперимента. Адресат при восприятии текста осуществляет интерпретационную деятельность, что позволяет решить задачу моделирования образа перцептивного автора и ответить на вопрос, как адресат воспринимает образ автора, реализованного в новостном контенте сайта. Постановка эксперимента предполагает верификацию следующих гипотез: 1) образ автора и приписываемые ему адресатом коммуникативные интенции влияют на смысловую интерпретацию текста; 2) при восприятии новостного текста, размещенного на официальном сайте компании, разные адресаты создают разные образы перцептивного автора.

Результаты исследования

Ход эксперимента и его участники. При проведении эксперимента константой является текст «Злоупотребление сладостями и кофе приводит к устойчивому налету на зубах», переменными — адресаты как субъекты восприятия и интерпретации содержания текста и — как следствие — моделирования / воссоздания образа перцептивного (подразумеваемого) автора.

Участниками эксперимента являются студенты Кемеровского государственного университета в количестве 30 человек.

В тексте «Злоупотребление сладостями и кофе приводит к устойчивому налету на зубах» специалисты «СМ–Стоматология» рассказывают про основные факторы образования зубного налета и способы его устранения. В частности, дано определение зубному налету и причинам, способствующим его появлению в ротовой полости. Среди описываемых причин: сладости и сладкие напитки, вредные привычки (курение), кофе и чай, кислые фрукты и ягоды, лекарственные препараты. Помимо определения негативных факторов, способствующих появлению налета на зубах, в тексте даны рекомендации о том, как его избежать — от бытовых (зубная щетка, нить) до профессиональных процедур, предлагаемых в перечне услуг стоматологической клиники.

При проведении эксперимента респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы:

1. Кому адресован текст, размещенный на сайте стоматологической клиники? О чем автор информирует в данном тексте?

2. Каким вы представляете себе автора данного текста? Охарактеризуйте его. Свой ответ аргументируйте.

Результаты эксперимента. Одна из исследовательских задач лингвистического эксперимента — экспликация смысловых версий интерпретируемого текста, совокупность которых предлагается дифференцировать как нейтральные (имплицитные) и оценочные (эксплицитные).

В ходе эксперимента были выявлены разные типы перцептивных авторов предложенного участникам эксперимента текста:

1. **«Автор текста — стоматолог клиники» (23 ответа; 76%):** Автор текста — человек, разбирающийся в теме, изложенной в статье, специалист, можно предположить, что сам является стоматологом; Автора данного текста я представляю в роли врача-стоматолога, который является опытным специалистом в этой сфере; Автор текста, скорее всего, стоматолог, врач, который разбирается в своем деле; Автором текста я представляю себе как компетентного профессионала своего дела; Автором данного текста я представляю молодого специалиста (стоматолога). Текст написан специалистом... рекомендации специалиста имеют место быть; Автором текста я представляю себе как компетентного профессионала своего дела; Профессионал, столкнувшийся с подобным случаем в разных видах; Его высказывания аргументированы, чувствуется опытность и профессионализм.

Ключевые слова: рекомендации специалиста, компетентный профессионал, профессионал своего дела, опытность, высказывания аргументированы; разбирающийся в теме, специалист в этой сфере, опытный, врач, разбирается в своем деле, компетентный, профессионал своего дела.

2. **«Автор текста — журналист» (7 ответов; 22%):** Автор текста ... либо журналист, либо редактор, который составил текст, опираясь на высказывания специалистов; Автором текста является, скорее всего, журналист, потому что в начале текста упоминается: «специалисты СМ-клиники рассказывали»; ... Автор текста представляет мне компетентным в вопросе журналистики.

Ключевые слова: журналист, редактор, компетентный в вопросах журналистики, составил текст, опираясь на высказывания специалистов.

3. **«Автор текста — SMM-специалист» (6 ответов; 19%):**...скорее всего, сам автор — не врач, а журналист или SMM-щик, который опро-сил докторов и сделал материал; Копирайтер по медицинской тема-тике, специализируется на повышении рейтинга клиники с привлече-нием аудитории; Я представляю, что это SMM-специалист этой зуб-ной клиники. Т.к. понимаю ясно, понимает любой обыватель; Если бы писал врач, то было бы больше научных терминов и советов по устра-нению проблемы; SMM-специалист рекламирует, а врач лечит.

Ключевые слова: SMM-щик, копирайтер, повышение рейтинга кли-ники, рекламирует, медицинская тематика.

4. **«Автор непрофессиональный журналист» (5 ответов; 16%):** Есть ощущение, что она, собрав информацию от специалистов, сама несколько обескуражена этими фактами; не профессиональный жур-налист, т.к. заголовок не отражает суть статьи, некоторые предло-жения слишком длинные и трудны для восприятия. Предложение «кис-лые ягоды и фрукты» кажется лишним; т.к. факты, представленные в тексте, изложены весьма шаблонно; он лишь с одной стороны освеща-ет проблему, не приводя примеры.

Ключевые слова: не профессиональный, не отражает суть статьи, предложения слишком длинные, трудны для восприятия, изложены ша-блонно, лишь с одной стороны.

5. **«Автор текста девушка / мужчина» (5 ответов; 16%):** Мужчина в белом халате, защитной маске и перчатках; Я думаю, что писал муж-чина, который скорее всего осведомлен в теме, так как большая часть текста содержит теорию, объяснения и т.д.; Я представляю автором этого текста молодую девушку; Как мне кажется, текст писала мо-лодая девушка.

Ключевые слова: мужчина, молодая девушка.

6. **«Автор текста — рекламщик» (9 ответов, 29%):** Автор информи-рует о причинах появления налета, сколов, кариеса. Кроме того рекла-мирует услугу клиники — чистку зубов; Текст носит рекламный харак-тер: аудитории описали проблему, а позже — ее решение; В последнем аб-заце содержится реклама клиники — призыв (незаметный) обратиться в клинику; Потому, что текст рекламный, но при этом касается внеш-него вида людей; Текст прописан для дальнейшей рекламы стоматоло-гии, так как в конце говорится про услуги (процедуры) специалистов.

Ключевые слова: рекламирует услугу, рекламный характер, рекла-ма клиники, текст рекламный, призыв обратиться, решение проблемы, для дальнейшей рекламы, говорится про услуги.

Анализ результатов эксперимента. Данные лингвистического эксперимента позволяют выявить вариативный образ перцептивного автора указанного текста: 1) стоматолог, специалист, профессионал; 2) журналист; 3) SMM-специалист; 4) непрофессиональный журналист; 5) мужчина / женщина; 6) рекламщик (см. диагр. 1).

Диаграмма 1. Перцептивный автор

Диаграмма показывает, что образ перцептивного автора вариативен и многогранен:

- 1) по профессии: врач-стоматолог — журналист / SMM-специалист;
- 2) по уровню квалификации и профессиональным качествам журналиста / SMM-специалиста: профессионал — непрофессионал;
- 3) по коммуникативной интенции: информатор — рекламщик;
- 4) по гендерному признаку: мужчина — женщина.

Анализ результатов эксперимента позволяет выявить дуальность образа перцептивного автора, который определяется, с одной стороны, как стоматолог, специалист, профессионал, а с другой стороны, как журналист, SMM-специалист, обладающий разным уровнем квалификации. Такая дуальность образа перцептивного автора определяется двумя группами факторов: фактором текста и фактором адресата.

Фактор текста. Под фактором текста мы понимаем тематическую специфику новостного дискурса, размещенного на сайте стоматологической клиники. Принимая во внимание, что текст репрезентирован на сайте стоматологической клиники и содержит: 1) специальную

лексику, термины: *смесь патогенных бактерий, кариес, воспаление десен, здоровая микрофлора, ротовая полость* и т.д.; 2) уровень изложения материала, знание автором текста предмета, характер рекомендаций: *требуется профессиональная чистка зубов в стоматологии, предотвращает различные воспалительные процессы, применяют современные технологии чистки зубов* и т.д. — позволяет читателям / адресатам сделать вывод о профессии и уровне квалификации пишущего — писал стоматолог / профессионал.

С другой стороны, текст адресован рядовому посетителю сайта и потенциальному клиенту стоматологии. Следовательно, для успешной коммуникации привлекался представитель СМИ (журналист, SMM-специалист). Кроме того, размещение текста на официальном сайте, т.е. в публичном пространстве, также предполагает, что автор текста владеет навыками подготовки и публикации подобного материала, знает, как пишутся тексты для сайта. Сказанное позволяет участникам эксперимента выявить два разных образа автора: образ автора-профессионала, специалиста и образ автора журналиста / SMM-специалиста.

Следовательно, специфика содержания текста (информация о причинах и факторах образования зубного налета и способах его устранения), специальная лексика, научно-популярный стиль изложения, с одной стороны, рекламный характер текста, с другой стороны, позволяют выявить дуальный образ автора: стоматолог — профессионал / журналист — SMM-специалист.

Фактор адресата. Восприятие и понимание любого текста невозможны без соотнесения содержания текста с той экстралингвистической ситуацией, на которую он указывает. Образ приписываемого автора влияет на содержание текста. Принимая во внимание возраст и менталитет адресатов-реципиентов, коммуникативные интенции адресата, его перцептивный опыт и сферу интересов, можно эксплицировать следующий результат: один и тот же текст потенциально имеет множество вариантов перцептивного автора, которые выявляются в процессе лингвистического эксперимента.

Анализируя реакции респондентов, мы можем выявить несколько основных типов перцептивного автора. За основу возьмем ответы респондентов, содержащие ключевые слова, которые преобладают в ответах реципиентов, содержащие нейтральные (имплицитные) и оценочные (эксплицитные) модусные смыслы.

В новостном дискурсе выбор темы и ее языкового воплощения коррелируют с адресатом, его особенностями восприятия, понимания и его

дотекстовыми ожиданиями. Учитывая присутствие в тексте эксплицитных, в некоторой степени негативных модусных смыслов, можем предположить, что коммуникативная интенция виртуального автора и дотекстовые ожидания адресата находятся в разной степени корреляции: от полного соответствия до полного несоответствия.

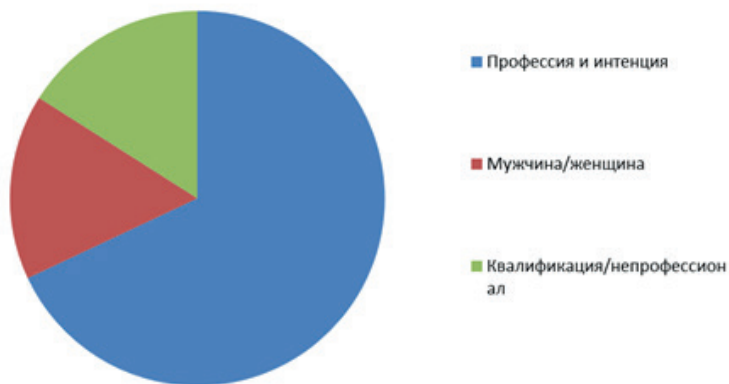

Диаграмма 2. Квалификация и пол

Данная диаграмма иллюстрирует, что среди ответов адресатов преобладают смысловые версии, характеризующие перцептивного автора именно по основаниям профессии и интенции, однако фактически тождественно количеству адресатов, актуализирующих в тексте профессиональные и гендерные качества автора. Оценочные эксплицитные модусные смыслы квалификации автора текста адресатом тоже разные. Одни реципиенты видят профессионала, а другие дают невысокую оценку результатов его деятельности.

Каждый адресат как языковая личность при восприятии текста формирует образ автора, исходя из свойственных ему когнитивных способностей, интенциональности, картины мира, дискурсивного опыта и дотекстовых ожиданий: стоматолог — девушка или стоматолог — солидный мужчина, профессиональный стоматолог или журналист высокого или, напротив, невысокого уровня квалификации, рекламщик.

Выводы

Образ виртуального автора новостного дискурса, представленного на официальном сайте стоматологической клиники, дифференциру-

ется в различных типах перцептивного автора, который выявлен нами по результатам лингвистического эксперимента.

С одной стороны, перцептивный автор — стоматолог либо журналист, способный грамотно, на высоком уровне рассказать каждому пациенту об оказываемых услугах. С другой стороны, часть реципиентов проявляют сомнения в профессиональных компетенциях автора. Следовательно, образ этого автора содержит негативно оценочные качества. Таким образом, образ перцептивного автора характеризуется свойством дуальности. Многогранность образа автора обуславливает виртуальность коммуникации. Вариативность и дуальность образа перцептивного автора детерминирована, с одной стороны, фактором текста (информация о причинах и факторах образования зубного налета и способах его устранения, специальная лексика, научно-популярный стиль изложения, рекламный характер текста), позволяющего выявить дуальный образ автора: стоматолог — профессионал / журналист — SMM-специалист. С другой стороны — фактором адресата, реализующего свои коммуникативные интенции и дотекстовые ожидания, которые обусловлены его когнитивными способностями, картиной мира и дискурсивным опытом: стоматолог — девушка / солидный мужчина; профессиональный журналист или, напротив, журналист невысокого уровня квалификации.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Бабаян В.Н. Критический анализ теории дискурса в плане учета молчащего наблюдателя // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 2. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-analiz-teorii-diskursa-v-plane-ucheta-molchaschego-nablyudatelya>

Бакланова И.И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. Электронный ресурс <https://www.dissercat.com/content/obraz-avtora-i-obraz-adresata-nekhudozhestvennogo-teksta>

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1986. 423 с.

Беляшова М.Л. Сайт вуза как инструмент позиционирования в образовательном пространстве: жанровый анализ // Гуманитарные научные исследования. 2018. № 5 (81). С. 8. Электронный ресурс <https://elibrary.ru/item.asp?id=35018290>

Вакку Г.В. Жанры интернет-коммуникации: веб-сайт (на примере сайта ГТРК «Чувашия») // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2012. № 2–2 (74). С. 12–15.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 255 с.

Голев Н.Д., Ким Л.Г. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144–153.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познавание. Коммуникация: сб. работ / сост. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 310 с.

Добросклонская Т.Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: сб. науч. работ. Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 13–22. Электронный ресурс <https://elibrary.ru/item.asp?id=28867004>

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/2004-01-005-karasik-v-i-yazykovoy-krug-lichnost-kontsepty-diskurs-volgograd-gos-ped-un-t-n-i-lab-aksiol-lingvistika-volgograd-peremena-2002-476-s>

Ким Л.Г. Моделирование образа политического лидера по данным лингвистического эксперимента // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 264–269.

Ким Л.Г., Беляева Е.С. Образ автора и адресата в инаугурационном дискурсе // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 72–80. <https://doi.org/10.26170/pl19-01-08>.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Образование-Педагогика, 1983. 391 с.

Моштылева Е.С. Повествователь в интернет-коммуникации: особенности экспликации в рамках нарративного моделирования // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сб науч. работ по итогам Международной научно-практической конференции. М.: ООО «СОЮЗКНИГА», 2023. С. 224–228.

Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки рус. культуры, 1996. 464 с.

Пастухова О.Д., Моисеева Е.А. Особенности новостного интернет-дискурса сайта Челябинского государственного университета // Вир-

туальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 2 (6). С. 56-59. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-2-56-59>.

Устинова М.В. Сайт образовательной организации как инструмент создания образа виртуального автора (на материале заголовков новостного контента официального сайта вуза) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2024. Т. 3. № 1 (9). С. 31-39. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-1-31-39>.

Фуко М. Порядок дискурса. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Изд. дом «Касталь», 1996. 446 с.

Источник

Официальный сайт «СМ-стоматология». Электронный ресурс <https://www.sm-stomatology.ru/about/news/zloupotreblenie-sladostyami-i-kofe-privodit-k-ustoychivomu-naletu-na-zubakh/>

References

Arutyunova N.D. According to J. The discourse. *Yazykoznaniye. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* = Linguistics: A Linguistic encyclopedic Dictionary, 1990, pp. 136-137. (In Russian).

Babayan V.N. Critical analysis of the theory of discourse in terms of accounting for the silent observer. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* = Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 1997, no. 2, 30 p. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-analiz-teorii-diskursa-v-plane-uchetamolchashchego-nablyudatelya> (In Russian).

Baklanova I.N. The image of the author and the image of the addressee of a non-fiction text. Thesis of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2014. Retrieved from: <https://www.dissercat.com/content/obraz-avtora-i-obraz-adresatanekhudozhestvennogo-teksta> (In Russian).

Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity, Moscow, 1986, 423 p. (In Russian).

Belyashova M.L. The university website as a positioning tool in the educational space: a genre analysis. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya* = Humanitarian scientific research, 2018, no. 5(81), p. 8. Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35018290> (In Russian).

Vakku V.N. Genres of Internet communication: a website (on the example of the website of GTRK Chuvashia). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.YA. Yakovleva* = Bulletin of the I.N. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev, 2012, no. 2-2(74), pp.12-15. (In Russian).

Vinogradov V.V. Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics, Moscow, 1963, 255 p. (In Russian).

Golev N.D., Kim L.G. On the relationship of addressee, author and text in the paradigm of linguistic interpretationism. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* = Siberian Philological Journal. 2008, no. 1, pp. 144–153. (In Russian).

Dake T.A. wang. Language. Cognition. Communication: a collection of works; compiled by V.V. Petrov, Moscow, 1989, 310 p.

Dobrosklonskaya T.G. News discourse as an object of media linguistic analysis. *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya* = The discourse of modern mass media in the perspective of theory, 2016, pp. 13–22. Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28867004> (In Russian).

Karasik V.I. The linguistic circle: personality, concepts, discourse, Volgograd, 2002, 476 p. (In Russian).

Kim L.G. Modeling the image of a political leader based on linguistic experiment data. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* = The dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia, 2016, no. 5, pp. 264–269. (In Russian).

Kim L. G., Belyaeva E.S. The image of the author and addressee in the inaugural discourse. *Politicheskaya lingvistika* = Political Linguistics, 2019, no. 1(73), pp. 72–80. <https://www.doi.org/10.26170/pl19-01-08>. (In Russian).

Leontieva A.N. Selected psychological works: in 2 vols, Moscow, 391 p. (In Russian).

Mostyleva E.S. Narrator in Internet communication: explication features in the framework of narrative modeling. *Sovremennyy mediatekst i sudebnaya ekspertiza: mezhdistsiplinarnyye svyazi i ekspertnaya otsenka* = Modern media text and forensic examination: interdisciplinary relations and expert assessment, Moscow, 2023, pp. 224–228. (In Russian).

Paducheva E.V. Semantic research: The Semantics of Time and type in the Russian language, Moscow, 1996, 464 p. (In Russian).

Pastukhova O.D., Moiseeva E.A. Features of the Internet news discourse on the Chelyabinsk State University website. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nyye seti* = Virtual communication and social networks, 2023, vol. 2, no. 2(6), pp. 56–59. <https://www.doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-2-56-59>. (In Russian).

Ustinova M.V. The website of an educational organization as a tool for creating the image of a virtual author (based on the headlines of the news content of the official website of the university). *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nyye seti* = Virtual communication and social networks, 2024, vol. 3,

no. 1(9), pp. 31–39. <https://www.doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-1-31-39>. (In Russian).

Foucault M. The order of discourse. The Will to Truth: beyond knowledge, power, and sexuality. Works from different years, Moscow, 1996, 446 p.

Source

Official website *SM-dentistry*. Retrieved from: <https://www.sm-stomatology.ru/about/news/zloupotreblenie-sladostyami-i-kofe-privodit-k-ustoychivomu-naletu-na-zubakh/>

ФРЕЙМИНГ, РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ КАМПАНИЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2020–2024)

А.Д. Цкриалашвили

Ключевые слова: фрейминг, речевые стратегии, тактики, американские политические лидеры, электорат, президентская кампания

Keywords: framing, speech strategies, tactics, American political leaders, electorate, presidential campaign

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–17](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–17)

Введение

Актуальность исследования. Генерирование политического контента в средствах массовой информации (далее — СМИ) имеет свою специфику: журналисту необходимо написать материал в сжатые сроки, при этом статьи создаются стихийно, однако в рамках профессиональной этики с соблюдением принципа свободы слова. С течением времени данные инструменты стали использоваться в предвыборных программах потенциальных кандидатов в президенты — политический дискурс электорального цикла начал публиковаться как наиболее релевантный и достоверный для репрезентации предвыборной программы и актуальности выбора определенного кандидата, а политический дискурс стал тщательно пропитываться средствами персудативной (убеждающей) коммуникации.

Цель исследования — проанализировать англоязычные публичные выступления и статьи с целью определения общих и индивидуальных речевых фреймов, стратегий и тактик американских политических лидеров электорального цикла. Объект — речевые фреймы, стратегии и тактики в политическом дискурсе президентских кампаний американских кандидатов.

Задачи для достижения цели:

1. Выявить и проанализировать речевые стратегии и тактики современного политического дискурса.
2. Рассмотреть специфику и проблемы свободы прессы.
3. Определить самые распространенные речевые стратегии и тактики американских политических лидеров, публикуемые в медиакоммуникации.

4. Найти и систематизировать основные фреймы одного из ведущих американских лидеров (Д. Трампа).

5. Проанализировать фреймы, сделанные политическим деятелем и его электоратом во время президентских кампаний, в т.ч. праймеризов.

Фрейминг в речевых стратегиях и тактиках ведущих политических лидеров динамично меняется в контексте эволюции политического дискурса, отвечающего требованиям современных избирателей и ситуации в их стране, поэтому данное исследование обладает новизной. Теоретическая значимость заключается в анализе современного фрейминга в речевых стратегиях и тактиках политического дискурса, публикуемого в медиакommunikации. Практическая значимость состоит в том, что описанные в ней материалы могут быть использованы в ходе реальной учебной практики.

В статье используются такие методы, как классификация и систематизация фреймов, речевых стратегий и тактик, контент-анализ англоязычных новостных сайтов, публикующих материал о президентских кампаниях кандидатов из США.

Результаты исследования

Политические процессы порождают дискурс, в том числе журналистский, «объединяющий все формы политической коммуникации» [Линь, Смирнова, 2020, с. 768]. При медиапрезентации политической жизни журналисту необходимо соблюдать определенные профессиональные этические принципы, однако фундаментом его материала должен оставаться принцип свободы слова, что в конечном итоге является продуктом, формирующим имидж государственных лидеров той страны, чьи политические коллизии освещаются в СМИ, а также внутривнутриполитической обстановки и ситуации на международной политической арене. Репрезентация данных лиц и коррелирующих с ними событий в массмедиа «зависит от того, есть ли в конкретном обществе свобода слова и цензура» [Линь, Смирнова, 2020, с. 769].

World Press Freedom Index (WPFI) за 2023 год подчеркивает растущую угрозу свободе прессы во всем мире — согласно мнению экспертов WPFI, в семи из десяти стран созданы плохие условия для освещения авторских интенций журналистов (см. рис. 1).

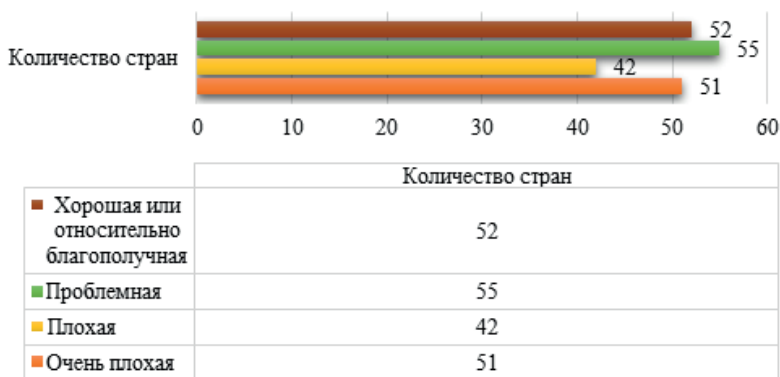

Рис. 1. Данные Всемирного индекса свободы прессы (World Press Freedom Index) за 2023 год (WPFI. 2023)

Свобода слова — это один из инструментов репрезентации политической жизни общества в медиакommunikации с различных ракурсов, в том числе освещения президентских кампаний, когда в материале можно встретить самые разнообразные мнения о той или иной политической проблеме. Однако необходимо принимать во внимание критерии, которыми руководствуются те или иные народы при определении целесообразности свободы слова и его характеристики в медиасфере. Например, в странах континентальной Европы и в Америке при оценке данного феномена и определении его уровня релевантности массмедиа руководствуются принципом, что свое волонтаристическое суждение может высказать абсолютно любой человек, полагающий, что его точка зрения является актуальной. При этом не принимаются во внимание такие немаловажные факторы, касающиеся данного адресанта, как: компетентность в вопросах озвучиваемой им проблематики, адекватность, ответственность, психоэмоциональное состояние, уровень образования и образованности, достоверность сведений, которыми он руководствуется, и другие немаловажные факты, влияющие на содержание опубликованного тем или иным лицом материала.

В других странах (Россия, Китай, Северная Корея, Арабские Эмираты, Беларусь и т.д.) вышеобозначенные факторы учитываются, более того, большой акцент делается на реакции целевой аудитории и на том, какие последствия повлечет прочтение реципиентами того или иного

контента (межнациональные распри, террористические акты, буллинг, суицид или другие варианты девиантного поведения), содержит ли публикация материалы, искажающие историю (дезинформация является одним из основных средств манипуляции в информационных войнах). Тем не менее учет таких важных «паттернов» WPF1 расценивает как сильное нарушение «безопасности журналистов, а также чистоты и всеобъемлющей формы свободы» [Free press unlimited, 2023].

Проблема также заключается в том, что сегодня существует множество инструментов для репрезентации политического дискурса (как и любой другой информации): блогинг [Николаева, 2022, с. 42], социальные сети [Николаева, 2022, с. 92], каналы в мессенджерах и другие электронные ресурсы, авторами которых может быть любой человек, включая тех, кто не имеет профессионального образования журналиста, не обладает соответствующими компетенциями, широким кругозором, аналитическим складом ума и другими важными качествами, от которых зависит достоверность и качество репрезентативного материала, создающего определенные образы политических лидеров. Большинство социальных платформ посредством виральности позволяют публиковать фейковый контент. Например, 38% новостного массива на *Facebook* в период предвыборной кампании Д. Трампа в 2017 году состояло из ложных материалов (текстов, фото и видео), с помощью которых осуществлялась манипуляция общественным мнением [Николаева, 2022, с. 39].

Теория фрейминга фокусируется на взаимодействии между способом передачи информации, с одной стороны, и способом ее интерпретации — с другой [Tarish, 2022, p. 1]. Свобода слова является фундаментом **фрейминга** политических процессов, так как представляет из себя создание журналистом определенного образа политического лидера (или иной действительности). Согласно исследованиям А.Д. Плисецкой, К.В. Филимоновой (2015), фреймы, конструируемые политическим «лидером, позволяют консолидировать нацию вокруг определенных ценностей, идей и представлений» [Плисецкая, Филимонов, 2015, с. 161]. Свобода слова журналиста, цитирующего политика или описывающего связанные с ним политические процессы, выступает в роли идеологического конструкта в президентских кампаниях, который становится ориентиром для электората. Американские журналисты чаще всего используют *Slant* (амер. разг. *быстрый взгляд*), чтобы сформировать определенное представление (интерпретацию) у общественности об их статьях [Tarish, 2022, p. 1].

Д.А. Шойфеле [Dietram A. Scheufele, 1999] дифференцирует четыре процесса, которые выступают в роли фундамента создания и реализации фрейминга [Tarish, 2022, p. 2] (см. рис. 2):

Рис. 2. Процессы фрейминга (по Д.А. Шойфеле)

Построение фреймов фокусируется на коммуникативной динамике ораторов при выборе конкретных стратегий и тактик во время политического дискурса. Соответственно, выстраивание медиакоммуникации происходит с учетом вышеобозначенных факторов, влияющих на превалирование в речи определенных вербальных и невербальных средств, которые способны заключать в себя как эксплицитные, так и имплицитные интенции, формирующие в сознании аудитории то или иное представление об озвучиваемой проблематике, ее интерпретации, — коммуникативные послы при этом способны вносить конструктив в идеологию граждан или, наоборот, деструктурировать их представление о международных отношениях или политической ситуации.

«**Речевые тактики** представляют собой конкретную совокупность практических способов реализации той или иной речевой стратегии» [Качайкина, Панина, 2022, с. 340–341] (например, «тактика обвинения», «тактика безличного обвинения», «тактика оскорбления», «тактика угрозы», тактика обличения», «тактика презентации», «отвод критики» и т.д. [Акопова, 2013]) — ключевой дискурсивной стратегией является фрейминг. Согласно таблице, речевой акт в президентской кампании выступает в роли продукта **речевых стратегий** (Д.Р. Акопова выделяет «стратегию на понижение», «стратегию на повышение» и «стратегию театральности» [Акопова, 2013]).

Примеры медиафрейминга американского политика представлены в таблице.

Фрейминг, речевые стратегии и тактики американского политика Дональда Трампа (*Donald Trump*) (2020–2024 гг.)

Речевые стратегии и тактики	Фрейминг
<p>Стратегия на понижение (адресант имплицитно и эксплицитно выражает отрицательное отношение к оппоненту [Акопова, 2013, с. 403]): использование флейминга (речевой агрессии в интернет-коммуникации), бранной и вульгарной лексики, т.е. тактики оскорбления. Например: <i>The presumptive Republican nominee called Manhattan District Attorney Alvin Bragg “fat Alvin”</i> (M. LeVine. May 11, 2024) — «Потенциальный кандидат от республиканцев назвал известного прокурора Манхэттена Элвина Бракка „жирным Элвином“» (Перевод наш. — А.Ц.)</p> <p>Тактика безличного обвинения: <i>‘Big Lie’</i> (B.C. Waterhouse. 2024) — «Большая ложь». В день выборов Трамп таким образом обвинял экспертов в подтасовке и фальсификации подсчетов бюллетеней</p>	<p>Набор жизненных ценностей Д. Трампа включает в себя: Концепция: <i>Кто сильный, тот и прав</i>. Пример: <i>‘His father believed in survival of the fittest and applied the idea that might is right to his methods of doing business’</i> (Trump’s Beliefs & The Future They Will Lead to. August 22, 2023) — «Его отец верил в то, что выживает сильнейший, поэтому подчеркивал, сила — это правда, которая способствует процветанию бизнеса» (Перевод наш. — А.Ц.);</p> <p>Негативные установки про деньги: <i>Возможность много зарабатывать оправдывает любой поступок</i>. Пример: <i>‘Trump believes any action is justified to make more money’</i> (Там же. 2023) (Трам полагает, что любые действия оправданы, если они направлены на заработок больших средств)</p>
<p>Стратегия на повышение (имплицитно выражает положительные коннотации, характеризующие политического лидера с выгодной стороны [Акопова, 2013, с. 406]): <i>He spoke surrounded by a roller coaster and Ferris wheel, complimenting his own remarks as a “good speech” and telling the crowd: “Do I feel comfortable with you? I love you.”</i> (M. LeVine. May 11, 2024) — «Он выступал в окружении американских зорек и колеса обозрения, похвалил свои собственные высказывания как “хорошую речь” и сказал собравшимся: “Комфортно ли мне с вами? Я люблю вас”» — тактика презентации: описываемая ситуация имплицитно подчеркивает искренность чувств любви Трампа к избирателям. <i>‘One woman working at a store on the boardwalk wore a blue sweatshirt that said “TRUMP STRONG” with red, white and blue rhinestone hoops to match. Another attendee wore a white sweatshirt she bought that said: “This Jersey girl loves Trump, get over it.”</i> (M. LeVine. May 11, 2024) «Одна женщина, работающая в магазине на набережной, была одета в синюю толстовку с надписью “ТРАМП СИЛА”, украшенную красными, белыми и синими стразами в тон. Другая посетительница надела купленную ею белую толстовку с надписью: “Эта девушка из Джерси любит Трампа, смиришься с этим”» (Перевод наш. — А.Ц.).</p>	<p>Выборы 2020 года:</p> <p>Ключевые концептуальные метафоры (выступающие в роли фрейминга американского политического дискурса [Плисецкая, Филимонов, 2015, с. 170]):</p> <p><i>A lot of money’</i> (Willingham A.J., Kessler A., Griggs B. The two-word phrase President Trump relies on most. CNN. 2017) — «Куча денег»</p> <p><i>‘The incredible men and women’</i> (Там же) — «Необыкновенные мужчины и женщины»</p> <p><i>‘We’re going to take care of’</i> (Там же) — «Мы собираемся позаботиться о...»</p> <p><i>‘Believe Me’</i> (Там же. 2017) — «Верьте мне»</p> <p><i>‘Great!’</i> [(Там же) — «Отлично!»</p> <p><i>‘Wrong!’</i> (Там же) — «Неправильно!»</p> <p><i>‘SAD!’</i> (Там же) — «Рукотно»</p> <p><i>‘birther movement’</i> (B.C. Waterhouse. 2024) — «движение за рождение» (аборт), согласно программе Трампа, будут вне закона).</p> <p>Фрейминг в лозунге:</p> <p>Лозунг президентской кампании Дональда Трампа: <i>‘Make America Great Again’</i> (Сделаем Америку снова великой);</p> <p><i>‘president for all Americans’</i> (Там же) — «президент для всех американцев».</p>

Окончание табл.

Речевые стратегии и тактики	Фрейминг
<p>Данные речевые стратегии представляют из себя тактики презентации, заключающиеся в представлении Трампа как лучшего и исключительного политического лидера</p> <p>Стратегия театральности [Акопова, 2013, с. 407]: политическая коммуникация приобретает определенную зрелищность. Например, тактика побуждения избирателей сделать что-либо, сказать определенное слово или фразу: 'As Trump berated the Biden administration, he asked the crowd: "Everything they touch, turns to what?"</p> <p>"S—I" the crowd responded. (shit)</p> <p>"You can't use the word s—," Trump said, to laughs' (M. LeVine. May 11. 2024). (Когда Трамп ругал администрацию Байдена, он спросил собравшихся: «Все, к чему они прикасаются, превращается во что?»</p> <p>«Д*р*мо!» — ответила толпа.</p> <p>«Нельзя говорить слово «д*р*мо!» — сказал Трамп под смех журналистов. (Перевод наш. — А.Ц.).</p> <p>В данной ситуации Трамп побудил присутствующих самостоятельно и единогласно прийти к общему «знаменателю» с последующим его озвучиванием. При этом доля иронии и сарказма добавила политику театральности. Помимо этого, оратор еще использовал тактику оскорбления</p>	<p>Трамп регулярно подчеркивал важность 'law and order' («закона и порядка») — политического лозунга, уходящего корнями в идеологию Ричарда Никсона, которому Трамп всегда импонировал</p> <p>Выборы 2024 года:</p> <p>Лозунг президентской кампании Дональда Трампа: 'Keep America Great' (B.C. Waterhouse. 2024) («Сохраняй Америку великой» — модификация лозунга 'Make America Great Again' ('Сделаем Америку снова великой') подразумевал, что присутствие Трампа на посту президента, а не какие-либо конкретные действия или достижения, само по себе является ключом к восстановлению величия (B.C. Waterhouse. 2024).</p> <p>'Let's go Brandon!' (M. LeVine. May 11. 2024) — «Поехали, Брэндон!», неофициальный лозунг республиканской партии, используемый некоторыми правыми для обозначения нецензурной атаки на Байдена</p>

Проанализированные фреймы отражают суждения, сделанные политическим деятелем и его электоратом во время президентских кампаний, в том числе праймеризов. Исходя из исследований А.Х. Обиед [Obied, 2023] и данных, представленных в таблице, видно, что политическая элита создает и использует фреймы с целью продвижения своих собственных интересов или идеологий, стремясь к тому, чтобы они имели благоприятные интерпретации и ассоциировались с их положительным образом.

Заключение

В США в политический дискурс активно включаются фрейминг, речевые стратегии и тактики, которые ранее использовались в журналистике. Наиболее популярны стратегии на понижение, стратегии на повышение, а также стратегии театральности.

Дональд Трамп успешно применяет речевые стратегии, которые ближе к театральным и насыщены яркими спичами, дебатами, выраженной мимикой и импульсивными жестами. Тем не менее его образ и все инструменты его политического дискурса сосредоточены на коммуникативных практиках, используемых преимущественно в народе, что импонирует электорату. Среди речевых тактик преобладают тактики обвинения, презентации и побуждения.

Библиографический список

Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6–1. С. 403–409.

Качайкина Ж.И., Панина Н.В. Речевые стратегии и тактики в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений британских и американских политиков) // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. 2022. № 2 (21). С. 340–345.

Линь Ч., Смирнова О.В. Медиа репрезентация политических лидеров: исследовательские подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. № 4 (25). <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-766-774>.

Николаева М.В. Репрезентации политических субъектов в публичном онлайн-пространстве современной России: дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2022.

Плисецкая А.Д., Филимонов К.В. Фрейминг и рефрейминг в речевых стратегиях американских политических лидеров // Вестник Мо-

сковского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2015. № 4. С. 160–175.

Obied A.H. A Critical Discourse Analysis of Framing in Trump's Speech on Coronavirus Pandemic. 2023. Электронный ресурс https://www.researchgate.net/publication/372951471_A_Critical_Discourse_Analysis_of_Framing_in_Trump%27s_Speech_on_Coronavirus_Pandemic?channel=doi&linkId=64d08d2191fb036ba6d408a6&showFulltext=true. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.28088.52481>

Tarish A.H., Abdalhakeem S.H., Hasani S.A. American media framing of Bush, Obama, and Trump speeches // Cogent Arts & Humanities. 2022. № 9 (1). <http://dx.doi.org/10.1080/23311983.2022.2115245>.

Источники

LeVine M. Trump insults prosecutor at Jersey Shore rally filled with vulgar jabs. The Washington Post. Updated May 11. 2024. Электронный ресурс <https://www.washingtonpost.com/politics/2024/05/11/trump-bragg-trial-insults-rally-vulgar/>

Free press unlimited. The 2023 World Press Freedom Index highlights the increasing threat to press freedom worldwide. 3 May. 2023. Электронный ресурс <https://www.freepressunlimited.org/en/current/2023-world-press-freedom-index-highlights-increasing-threat-press-freedom-worldwide>

Trump's Beliefs & The Future They Will Lead to. Thoughts create matter. August 22. 2023. Электронный ресурс <https://www.thoughtscreatematter.com/2023/08/22/what-are-donald-trumps-beliefs-why-does-his-base-still-support-him-a-metaphysical-perspective-solution-to-the-problem/>.

Waterhouse B.C. Donald Trump: Campaigns and Elections. UVA. Miller Center. 2024. Электронный ресурс <https://millercenter.org/president/trump/campaigns-and-elections>

Willingham A.J., Kessler A., Griggs B. The two-word phrase President Trump relies on most. CNN. 2017. Электронный ресурс <https://edition.cnn.com/2017/04/21/politics/donald-trump-president-speeches-favorite-phrases-trnd/index.html>

(WPF) World Press Freedom Index. 2023. Электронный ресурс <https://www.freepressunlimited.org/en/current/2023-world-press-freedom-index-highlights-increasing-threat-press-freedom-worldwide>

References

Akopova D.R. Strategies and tactics of political discourse. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* = Bulletin of the Nizhny

Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2013, no. 6–1, pp. 403–409. (In Russian).

Kachaikina Zh.I., Panina N.V. Speech strategies and tactics in political discourse (based on public speeches of British and American politicians). *Vestnik molodyh uchjonyh i specialistov Samarskogo universiteta* = Proceedings of young scientists and specialists of the Samara University, 2022, no. 2(21), pp. 340–345. (In Russian).

Lin C., Smirnova O.V. Media representation of political leaders: research approaches. *Vestnik Rossijskogo universiteta Druzhy narodov* = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, 2020, no. 4 (25). <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-766-774>. (In Russian).

Nikolaeva M.V. Representations of political subjects in the public online space of modern Russia. Theses of Political Cand. Diss., Krasnodar, 2022. (In Russian).

Plisetskaya A.D., Filimonov K.V. Framing and reframing in the speech strategies of American political leaders. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moscow University, ser. 21, 2015, No. 4, pp. 160–175. (In Russian).

Obied A.H. A Critical Discourse Analysis of Framing in Trump's Speech on Coronavirus Pandemic. 2023. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/372951471_A_Critical_Discourse_Analysis_of_Framing_in_Trump%27s_Speech_on_Coronavirus_Pandemic?channel=doi&linkId=64d08d2191fb036ba6d408a6&showFulltext=true. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.28088.52481>

Tarish A.H., Abdalhakeem S.H., Hasani S.A. American media framing of Bush, Obama, and Trump speeches, *Cogent Arts & Humanities*, 2022, no. 9 (1). <http://dx.doi.org/10.1080/23311983.2022.2115245>

List of Sources

LeVine M. Trump insults prosecutor at Jersey Shore rally filled with vulgar jabs. The Washington Post. Updated May 11. 2024. Retrieved from: <https://www.washingtonpost.com/politics/2024/05/11/trump-bragg-trial-insults-rally-vulgar/>

Free press unlimited. The 2023 World Press Freedom Index highlights the increasing threat to press freedom worldwide. 3 May. 2023. Retrieved from: <https://www.freepressunlimited.org/en/current/2023-world-press-freedom-index-highlights-increasing-threat-press-freedom-worldwide>

Trump's Beliefs & The Future They Will Lead to. Thoughts create matter. August 22. 2023. Retrieved from: <https://www.thoughtscratematter.com/2023/08/22/what-are-donald-trumps-beliefs-why-does-his-base-still-support-him-a-metaphysical-perspective-solution-to-the-problem/>

Waterhouse B.C. Donald Trump: Campaigns and Elections. UVA. Miller Center. 2024. Retrieved from: <https://millercenter.org/president/trump/campaigns-and-elections>

Willingham A.J., Kessler A., Griggs B. The two-word phrase President Trump relies on most. CNN. 2017. Retrieved from: <https://edition.cnn.com/2017/04/21/politics/donald-trump-president-speeches-favorite-phrases-trnd/index.html>

(WPMI) World Press Freedom Index. 2023. Retrieved from: <https://www.freepressunlimited.org/en/current/2023-world-press-freedom-index-highlights-increasing-threat-press-freedom-worldwide>

ЛЮДИ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

ПРАВОВЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ЛИНГВОЭКСПЕРТНОГО ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ КОНФЛИКТНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

(обзор итогов пленарной сессии «Коммуникативные риски в медиапространстве и их актуализация в образовательном, просветительском и лингвоэкспертном дискурсах», Санкт-Петербург, 2025)

Е.С. Кара-Мурза, Т.В. Чернышова

Ключевые слова: медиакоммуникация, коммуникативные и правовые риски, актуальные аспекты исследований, образовательный, просветительский и лингвоэкспертный дискурсы

Keywords: media communication, communicative and legal risks, current aspects of research; educational, enlightening and linguistic expert discourses

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–18](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–18)

IX Международная научная конференция «Язык в координатах массмедиа» (Санкт-Петербург, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ, 25–28 июня 2025 года) впервые в этом году прошла в контексте Международной ассоциации исследователей языка медиакоммуникации (МАИ-ЯМ) во главе с профессором Л.Р. Дускаевой. На заседаниях двадцати пяти пленарных сессий за четыре дня заслушано более 300 докладов, вызвавших искренний интерес исследователей. Одна из секций (пленарных сессий) была посвящена юрислингвистическим аспектам функционирования медиатекста.

Представление проблематики пленарной сессии «Коммуникативные риски в медиапространстве и их актуализация в образовательном, просветительском и лингвоэкспертном дискурсах» началось на пленарном заседании, посвященном открытию конференции, на котором с докла-

дом «Правовые и коммуникативные риски в современном медиадискурсе: о взаимодействии медиалингвистического и лингвоэкспертного подходов к анализу конфликтных медиатекстов» выступила член МАИ-ЯМ, проф. Алтайского государственного университета Т.В. Чернышова.

В докладе, в частности, было отмечено, что проблемы, связанные с функционированием конфликтных медиатекстов (прежде всего, текстов печатных СМИ), привлекли внимание исследователей в постперестроечный период, когда и начали формироваться основы лингвоэкспертной деятельности филологов-практиков [Чернышова, 2020, с. 400–427; Юрислингвистика, 1999; 2000, 2002, 2004, 2008, 2015, и др.]. В течение следующих 25 лет в связи с появлением новых видов медиатекстов на новых (цифровых) платформах (см., например [Горбаневский, Трофимова, 2021]) необходимость решения лингвоэкспертных задач в медиасфере не потеряла своей актуальности. Накопленный лингвоэкспертный опыт анализа медиатекстов оказался востребованным «не только в юрислингвистических трудах, но вполне органично нашел применение в направлениях медиалингвистических исследований, приобретая в них, однако, свое неповторимое содержание» [Чернышова, 2020, с. 403]. Второе десятилетие развития медиалингвистических исследований в ходе научных конференций, проводимых с 2012 года кафедрой речевой коммуникации Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета и посвященных изучению медиатекста, ознаменовалось появлением новых перспективных направлений исследований, среди которых наиболее интересным в русле обсуждаемой темы представляется направление «Критика речи», функционирующее в рамках темы «Язык в координатах массмедиа» [Кара-Мурза, 2018, с. 101–102]. «Данное направление критики медиаречи представлено, в частности, в материалах исследований, представленных на Международной научно-практической конференции (6–9 сентября, г. Варна, Болгария), ... в сообщениях панельной дискуссии по проблемам методического сопровождения лингвистического анализа медиатекстов (см. тезисы к докладам В.В. Васильевой, М.А. Венгранович, А.Н. Добревой и В.Г. Ткачевой, Г.С. Иваненко, Е.С. Кара-Мурзы, Т.В. Чернышовой, I.N. Ivanova и др.)» (цит. по [Чернышова, 2020, с. 415–416]), см. также [Медиалингвистика, 2016; Медиа в современном мире, 2019].

В 2022 году лингвоправовые аспекты функционирования медиадискурса в общественной речевой практике стали объектом отдельной дискуссии на VI Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа». Кроме традиционных аспектов конфликтного

функционирования медиатекстов, в том числе: способы ухода от правовых рисков в различных медиажанрах (новости, аналитика, журналистское расследование, коммерческая реклама и др.); стилистическое, композиционное, логическое оформление фактов, мнений и оценок в текстах массово-информационного, рекламного, религиозного медиадискурсов и приемы их лингвоэкспертного анализа; языковые правонарушения, связанные с распространением информации (порочащие сведения и фейк-ньюс); неприличная форма выражения оценки в медиатексте (оскорбление личности, неуважение к власти, призывы к осуществлению экстремистской деятельности и т.д.), впервые была предложена для обсуждения проблема правового ограничения информации в сопоставительном аспекте (законы в сфере языка СМИ в России и других странах), рассмотрены проблемы языкового воплощения медиатекстов разной тематики и связанные с ним правовые риски (религиозный, политический, управленческий и прочие виды институциональных дискурсов); проблемы правового ограничения информации в сопоставительном аспекте (законы в сфере языка СМИ в России и других странах) [Медиалингвистика, 2022, с. 280–297].

В 2023 году на VII Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа» проведен круглый стол «Лингвоэкспертные исследования конфликтности в интернет-коммуникации», одной из тем которого было изучение языкового воплощения сетевых текстов разной тематики и связанные с ним правовые риски. Предметом обсуждения участников стал круг вопросов, посвященных функционированию языка в условиях интернет-общения, в частности были рассмотрены: общие проблемы лингвоконфликтологии в интернет-коммуникации; языковые правонарушения в пространстве массмедиа; неприличная форма выражения оценки в сетевом тексте; языковое воплощение сетевых текстов разной тематики и связанные с ним правовые риски; лингвоэкспертные и лингвоправовые аспекты исследования новых конфликтных сетевых текстов и оценка возможности их изучения в традиционной лингвоправовой и лингвоэкспертной парадигме [Медиалингвистика, 2023, с. 722–756].

В 2024 году в рамках той же конференции была организована панельная дискуссия «Коммуникативные риски и информационные угрозы в сетевом общении: юрислингвистический аспект». На секции обсуждались возможные коммуникативные риски и информационные угрозы, связанные с распространением информации и обменом ею в условиях сетевого общения в различных сферах массово-информационного дискурса; степень и характер вовлеченности подобных текстов в правовое лингвоэкспертное поле; тексты, содержащие ре-

чевые правонарушения и преступления, обусловленные актуализацией «старых» и возникновением новых деликтов, связанных с распространением информации и с неприличной формой выражения оценки в разных жанрах сетевой коммуникации, а также методы и приемы лингвоэкспертного исследования новых спорных текстов [Медиалингвистика, 2024, с. 589–638].

Нынешняя пленарная сессия «Коммуникативные риски в медиапространстве и их актуализация в образовательном, просветительском и лингвоэкспертном дискурсах» состоялась 28 июня 2025 года в рамках IX Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа» и была посвящена проблемам выявления и преодоления коммуникативных и правовых рисков в медиапространстве современной России.

Основное внимание участников сессии было уделено корреляции медиалингвистического и лингвоэкспертного подходов при изучении медиадискурса и медиатекстов, а также способам и формам минимизации коммуникативных рисков в медиакommunikации. В работе пленарной сессии приняли участие девять докладчиков из Барнаула, Москвы, Вологды, Пекина, а также гости и участники IX Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа», интересующиеся проблемами конфликтного функционирования медиатекстов в информационном пространстве России. На пленарной сессии были представлены пять докладов, отражающих основную тематику исследовательской группы «Лингвистическая экспертиза медиатекстов» МАИЯМ.

Пленарную сессию открыл доклад Е.С. Кара-Мурзы, члена Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, члена МАИЯМ, доцента МГУ им. М.В. Ломоносова, посвященный потенциалу взаимодействия трех родственных направлений исследования — медиалингвистики, медиаконфликтологии и лингвоконфликтологии, а также обзору научных работ, описывающих статус лингвоконфликтологии в сфере медиа в разных исследовательских центрах России.

Важной проблеме выбора методических процедур при исследовании различных видов конфликтных текстов были посвящены следующие четыре доклада пленарной сессии. Т.В. Чернышова, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул), член правления ГЛЭДИС, руководитель исследовательской группы «Лингвистическая экспертиза медиатекстов» МАИЯМ, поделилась с коллегами опытом лингвоэкспертного анализа поликодового конфликтного телетекста, совмещающего медиалингвистические и экспертные методики иссле-

дования; Ю.В. Аксентьева, эксперт-лингвист «Главного радиочастотного центра», член МАИЯМ (Москва), проанализировала некоторые подходы к экспертному исследованию художественных фильмов в рамках экспертизы информационной продукции на предмет наличия пропаганды; Д.В. Третьякова, эксперт-лингвист, доцент Тольяттинского государственного университета, рассказала о своем опыте изучения непростой проблемы выявления авторства в спорном тексте СМИ; Р.Т. Байгазанова, член МАИЯМ (СПбГУ), в своем докладе представила картину разворачивания имиджеразрушающих нарративов в медиабуллинге на материале информационных кампаний Казахстана.

Заявленные направления исследований были продолжены в выступлениях докладчиков развернувшейся дискуссии: М.М. Кемерова (независимый эксперт-лингвист, Москва) представила свои разработки по асимметрии фрейма «Оскорбление» в общезыковом и юридическом дискурсах; А.А. Шмаков (и.о. зав. кафедрой медиакоммуникаций, русского языка и риторики Алтайского филиала РАНХиГС, Барнаул) обратился к проблеме необходимого объема текстового материала для анализа дискредитирующей переписки в мессенджерах; Ю.А. Андронов (Вологодский государственный университет) рассмотрел коммуникативные риски, связанные с манипулятивностью научно-популярного дискурса; проблема семантической девальвации на материале переписки в социальных сетях проанализирована Дэй Пэйцзюнь, исследователем Пекинского университета, членом МАИЯМ.

В ходе пленарной и дискуссионных сессий были намечены направления дальнейшей работы исследовательской группы «Лингвистическая экспертиза медиатекстов» МАИЯМ. Было отмечено, что приоритетным направлением остаются лингвистические исследования, направленные на изучение взаимосвязи и взаимозависимости медиалингвистического и лингвоэкспертного подходов при изучении разных типов медиадискурса и медиатекстов, способствующих распространению коммуникативных и правовых рисков в медиапространстве, а также необходимость их оценки в изменяющихся социально-политических, экономических и культурно значимых условиях; особое внимание в дальнейшем также предполагается уделить разработке образовательных, просветительских и лингвоэкспертных задач, связанных с преодолением и минимизацией коммуникативных и правовых рисков в современном медиапространстве.

Библиографический список

Кара-Мурза Е.С. Речевые произведения в медиа // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 101–105.

Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. науч. форума (18–19 апреля 2019 г.) / отв. ред. В.В. Васильева. В 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 320 с.

Медиалингвистика. 2019. № 6 (2). 283 с. Электронный ресурс <https://medialing.ru/vypusk-2019-6-2/>

Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: материалы VI Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2022 г.) / науч. ред. Л.Р. Дускаева, отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: Медиапир, 2022. 790 с. Электронный ресурс https://elibrary.ru/download/elibrary_49028185_73353707.pdf

Медиалингвистика. Вып. 10. Язык в координатах массмедиа: материалы VII Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 28 июня — 1 июля 2023 г.) / науч. ред. Л.Р. Дускаева, отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: Медиапир, 2023. 816 с. Электронный ресурс https://elibrary.ru/download/elibrary_49028185_81737649.pdf

Медиалингвистика. Вып. 11. Язык в координатах массмедиа: материалы VIII Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 26–29 июня 2024 г.) / науч. ред. Л.Р. Дускаева, отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: Медиапир, 2024. 750 с. Электронный ресурс https://elibrary.ru/download/elibrary_69209152_93872048.pdf

Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах массмедиа: матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (6–9 сентября 2016 г. Варна, Болгария) / отв. ред. В.В. Васильева. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2016. 290 с. Электронный ресурс https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1481115662_5389.pdf

Чернышова Т.В. Язык медиа в зеркале права / Медиалингвистика славянских стран: монография. М.: ФЛИНТА, 2020. С. 400–427.

Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, изд-во Алтайского ун-та, 1999. 180 с.

Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 234 с.

Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. 112 с.

Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 370 с.

Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2008. 458 с.

Юрислингвистика-4 (15). 2015. № 4 (15). Электронный ресурс <https://legallinguistics.ru/issue/view/145>

References

Kara-Murza E.S. Speech works in the media. *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik* = Media linguistics in terms and concepts: dictionary-reference book, Moscow, 2018, pp. 101-105. (In Russian).

Media v sovremennom mire. 58-ye Peterburgskiye chteniya = Media in the modern world. 58th St. Petersburg readings, vol. 2, St. Petersburg, 2019, 320 p. (In Russian).

Medialingvistika = Medialinguistics, iss. 5. Language in the Coordinates of the Mass Media, St. Petersburg, 2016, 290 p. Retrieved from: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1481115662_5389.pdf

Medialingvistika = Medialinguistics, 2019, no. 6 (2), 283 p. Retrieved from: [//medialing.ru/vypusk-2019-6-2](https://medialing.ru/vypusk-2019-6-2) (In Russian).

Medialingvistika = Medialinguistics, iss. 9. Language in the Coordinates of the Mass Media, St. Petersburg, 2022, 790 p. Retrieved from: https://elibrary.ru/download/elibrary_49028185_73353707.pdf (In Russian).

Medialingvistika = Medialinguistics, vol. 10. Language in mass media coordinates, St. Petersburg, 2023, 816 p. Retrieved from: https://elibrary.ru/download/elibrary_49028185_81737649.pdf (In Russian).

Medialingvistika = Medialinguistics, vol. 11. Language in the coordinates of mass media: materials of the VIII International. scientific conference, St. Petersburg, 2024, 750 p. (In Russian).

Chernyshova T.V. The language of media in the mirror of law. *Medialingvistika slavyanskikh stran* = Media linguistics of the Slavic countries: monograph. Moscow, 2020 pp. 400-427. Retrieved from: https://elibrary.ru/download/elibrary_69209152_93872048.pdf (In Russian).

Yurislilingvistika-1: Problemy i perspektivy = Legal Linguistics-1: Problems and prospects, Barnaul, 1999, 180 p. (In Russian).

Yurislilingvistika-2: Russkiy yazyk v yego yestestvennom i yuridicheskom bytii = Legal Linguistics-2: Russian language in its natural and legal existence, Barnaul, 2002, 2000, 234 p. (In Russian).

Yurislingvistika-3: Problemy yurislingvisticheskoy ekspertizy = Legal Linguistics-3: Problems of legal linguistic examination, Barnaul, 2002, 112 p. (In Russian)

Yurislingvistika-4(15) = Legal Linguistics-4, 2015, no. 4 (15). (In Russian).

Yurislingvistika-5: Yuridicheskiye aspekty yazyka i lingvisticheskiye aspekty prava = Legal Linguistics-5: Legal aspects of language and linguistic aspects of law, Barnaul, 2004, 370 p. (In Russian).

Yurislingvistika-9: Istina v yazyke i prave = Legal Linguistic-9: Truth in language and law: interuniversity collection of scientific papers, Kemerovo, Barnaul, 2008, 458 p. (In Russian).

Yurislingvistika-4(15) = Legal Linguistics, 2015, no. 4 (15). Retrieved from: <https://legallinguistics.ru/issue/view/145>

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

О.В. Спачиль. Рефлекс свободы в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Цель статьи — проанализировать и описать мотивации побегов каторжан в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» (1895) в сопоставлении с «рефлексом свободы» И.П. Павлова, продемонстрировав научную прозорливость чеховских наблюдений. Материалом послужил чеховский текст и научные труды И.П. Павлова. Методы исследования включают описательный, культурно-исторический и сравнительно-аналитический метод. Установлено, что А.П. Чехов выделяет многофакторность побегов, связывая их как с внешними условиями (жестокость режима, тяжелый труд), так и с внутренними мотивами (месть, тоска по воле, личные драмы). Доказано, что работы А.П. Чехова и И.П. Павлова, несмотря на разность методов (художественный анализ vs. научный эксперимент), дополняют друг друга в изучении свободы как биосоциального феномена. Исследование подтверждает, что чеховские наблюдения обладают научной ценностью, раскрывая универсальные механизмы сопротивления несвободе, актуальные для междисциплинарных исследований и медицинской гуманитаристики.

O.V. Spachil. “Freedom Reflex” in A.P. Chekhov's *Sakhalin Island*. The purpose of the article is to analyze and describe the motivations for convict escapes in A.P. Chekhov's book *Sakhalin Island* (1895) in comparison with I.P. Pavlov's “freedom reflex”, highlighting the scientific foresight in Chekhov's observations. The material is Chekhov's text and I.P. Pavlov's scientific works. The study employs descriptive, cultural-historical, and comparative-analytical methods. The findings demonstrate that Chekhov presents escapes as a multifactorial phenomenon, linking them with both external conditions (cruelty of the penal regime, forced labor) and internal motives (vengeance, longing for freedom, personal tragedies). It has been proven that the works of A.P. Chekhov and I.P. Pavlov, despite their differing methodologies (artistic analysis vs. scientific experiment), complement each other in the study of freedom as a biosocial phenomenon. The research confirms the scientific validity of Chekhov's insights, revealing universal mechanisms of resistance to bondage and restriction that remain pertinent to interdisciplinary studies and Medical Humanistics.

Ю.В. Маликова. Роль пушкинской традиции в организации системы персонажей романа К.Г. Паустовского «Дым отечества». Актуальность статьи связана с возрождающимся в последние годы интересом к творчеству К.Г. Паустовского, что подтверждается появлением научных и публицистических работ о жизни и наследии писателя. Цель исследования — рассмотрение роли пушкинской традиции в организации системы персонажей романа «Дым отечества». Работа выполнена в рамках историко-литературного подхода. Результаты исследования показывают, что обращение к пушкинской традиции в романе, посвященном Великой Отечественной войне, говорит об отношении к поэту как символу русской культуры, оказавшейся на грани гибели. Герои, изображенные в романе, так или иначе имеют отношение к Пушкину (пушкинист, актриса, напоминающая Татьяну Ларину, другие творческие личности). Сам же Пушкин становится для них духовным ориентиром. Кроме того, сделан вывод о том, что помимо возникновения образа Пушкина через духовную связь с ним героев Паустовский обращается и к мотивам творчества, актуальным для поэта, таким как дружба, любовь к родине, сила искусства, побеждающего смерть.

J.V. Malikova. The role of Pushkin Tradition in the Organization of the System of Characters in K.G. Paustovsky's Novel *Smoke of Fatherland*. The relevance of the article is related to the renewed interest in the work of K. G. Paustovsky in recent years, which is confirmed by the appearance of scientific and journalistic works about the writer's life and legacy. The purpose of the study is to consider the role of the Pushkin tradition in the organization of the system of characters in the novel *Smoke of Fatherland*. The work was carried out within the framework of the historical and literary approach. The results of the study show that the appeal to the Pushkin tradition in the novel dedicated to the Great Patriotic War speaks about the attitude towards the poet as a symbol of Russian culture, which was on the verge of destruction. The characters depicted in the novel are related to Pushkin in one way or another (a Pushkin scholar, an actress resembling Tatiana Larina, and other creative personalities). Pushkin himself becomes a spiritual guide for them. In addition, it is concluded that in addition to the emergence of the image of Pushkin through the spiritual connection of the heroes with him, Paustovsky also turns to the motives of creativity that are relevant to the poet, such as friendship, love for the homeland, the power of art that conquers death.

Цзе Лин. Шолоховские традиции в творчестве Чжоу Либо. В рамках сравнительного литературоведения данное исследование направ-

лено на выявление и анализ конкретных механизмов межкультурной трансформации литературы М.А. Шолохова в творчестве Чжоу Либо. Объектом исследования стали романы Чжоу Либо («Большие перемены в горной деревне», «Ураган») и М.А. Шолохова («Поднятая целина»), рассматриваемые в контексте теории «исторической поэтики» А.Н. Веселовского и типологии В.М. Жирмунского. Новизна работы — в комплексном применении сравнительно-типологического и интертекстуального анализа, учитывающего не только историко-культурный контекст литературного взаимодействия Китая и СССР в XX веке, но и личный опыт Чжоу Либо как переводчика «Поднятой целины». Показано, как Чжоу Либо, сохраняя диалектику исторической необходимости и сложности человеческой природы, творчески трансформирует шолоховские нарративные стратегии (полифонический диалог, пространственная символика), адаптируя их к китайскому культурному коду. Предложена новая интерпретация процесса рецепции и реконструкции шолоховских традиций в творчестве Чжоу Либо, раскрывающая, как личный опыт и мировоззрение Чжоу Либо повлияли на его восприятие и трансформацию шолоховских мотивов.

Jie Lin. The Sholokhovian Traditions in Zhou Libo's Literary Works.

Within the framework of comparative literary studies, this research aims to identify and analyze the specific mechanisms of intercultural transformation of M.A. Sholokhov's literature in the works of Zhou Libo. The study focuses on Zhou Libo's novels (*Great Changes in a Mountain Village*, *The Hurricane*) and M.A. Sholokhov's *Virgin Soil Upturned*, examined through the lens of A.N. Veselovsky's theory of "historical poetics" and V.M. Zhirmunsky's typology. The novelty of the work lies in its integrated application of comparative-typological and intertextual analysis, which accounts for both the historical-cultural context of Sino-Soviet literary interactions in the 20th century and Zhou Libo's personal experience as the translator of *Virgin Soil Upturned*. The study demonstrates how Zhou Libo, while preserving the dialectic of historical necessity and the complexity of human nature, creatively transforms Sholokhov's narrative strategies (polyphonic dialogue, spatial symbolism) to adapt them to Chinese cultural codes. A new interpretation is proposed of the process of reception and reconstruction of Sholokhovian traditions in Zhou Libo's works.

А.А. Косарева. Биографии Арлекина и Пьеро в Англии и Франции XVIII–XIX веков. Статья посвящена биографиям Арлекина и Пьеро, созданным в XVIII и XIX веках в Англии и Франции. Материал исследования — анонимная повесть «История и комические приключе-

ния Арлекина и его прекрасной спутницы Коломбины» (1790), роман Александра Дюма «Юность Пьеро» (1853) и роман Альфреда Ассолана «История знаменитого Пьеро» (1860). Основной метод исследования — сравнительно-исторический, а цель — обозначить общие черты в биографиях. В ходе исследования охарактеризован подход каждого из писателей к изображению дельартовских персонажей, а также выдвинуты гипотезы о причине создания жизнеописаний Арлекина и Пьеро. Установлено, что появление данных биографий хронологически совпало с расцветом пантомимы — английской в XVIII веке и французской — в XIX веке. Сходство английской и французской биографий сводится к использованию сказочных элементов, сатиры, юмора, иронии и пародий на панегирики XVII века. Во всех трех биографиях чувствуется влияние традиций итальянской комедии XVIII века (фьяб Карло Гоцци) и пантомимы английской и французской.

А.А. Kosareva. *Biographies of Harlequin and Pierrot in England and France in the 18th-19th Centuries.* The article is devoted to the biographies of Harlequin and Pierrot created in the 18th and 19th centuries in England and France. The research material is the anonymous story *The History and Comical Adventures of Harlequin and His Pleasing Companion, Columbine*, the novel *La Jeunesse de Pierrot* by Alexandre Dumas, and the novel “*Histoire du célèbre Pierrot*” by Alfred Assolant. The main research method is comparative historical, and the goal is to identify common features in the biographies. The study characterizes each writer's approach to depicting dell'arte's characters, and puts forward hypotheses about the reason for creating the biographies of Harlequin and Pierrot. It was established that the appearance of these biographies chronologically coincided with the heyday of pantomime — English in the 18th century and French — in the 19th century. The similarities between the English and French biographies come down to the use of fairy-tale elements, satire, humor, irony and parodies of 17th-century panegyrics. All three biographies show the influence of the traditions of Italian comedy of the 18th century (Carlo Gozzi's fiab) and pantomime, English and French.

Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая. *Рассказы сборника You Like It Darker С. Кинга: мистика и реальность.* В статье рассматривается специфика литературного направления магический / мистический реализм, представлены его характерные черты. Материалом для исследования послужили рассказы сборника «You Like it Darker» известного американского писателя Стивена Кинга. Цель статьи заключается в выявлении мистического и реалистического начал, рассмотрении типов взаимодействия и способов их интерпретации в данных рассказах. Ве-

душим методом выступил интерпретационный анализ, позволяющий рассмотреть реализацию указанных начал. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения своеобразия жанровых модификаций в современной прозе. Проведенный анализ показал, что в сборнике можно выделить четыре группы рассказов по признаку реальное / мистическое: реалистические рассказы; мистические рассказы; рассказы, соединяющие то и другое; рассказы, в которых предмет описания можно отнести либо к тому, либо к другому. Во всех случаях восприятие и трактовка описываемых событий определяются субъективным отношением читателя.

G.I. Lushnikova, T. Iu. Osadchaia. Short Stories from *You Like It Darker* by S. King: Mysticism and Reality. The article examines specifics of the literary movement of magical / mystical realism, presents its characteristic features. The material for the study is short stories from the collection *You Like It Darker* by a famous American writer Stephen King. The purpose of the article is to identify mystical and realistic principles, consider different types of their interaction and variants of interpreting them in these stories. The leading method is interpretative analysis, which has allowed us to consider the implementation of these principles. The relevance of the work is due to the need of studying various genre modifications in contemporary prose. The analysis has shown that in this collection four groups of short stories can be distinguished according to real / mystical principle: realistic stories; mystical stories; stories that combine both principles; stories in which the subject of description can be attributed to either principle. In all cases, perception and interpretation of the events described are determined by the subjective attitude of the reader.

Ю.В. Климук. Терминологический состав макрополя «Геология россыпных и рудных месторождений» терминологии золотодобычи в современном русском языке. Темой статьи является словарный состав макрополя «Геология россыпных и рудных месторождений» терминологии золотодобычи в современном русском языке. Цель статьи заключается в комплексном анализе лексической и терминологической номинации, при котором определяются источники формирования терминологии, включая заимствования, кальки и исконно русские наименования. В статье используется метод полевого анализа. Материалом исследования служат как письменные источники (словари, монографии, статьи, техническая документация), так и устная речь и профессиональное общение. Термины систематизируются и классифицируются на основе их функциональных и семантических характе-

ристик. В результате ономазиологического и этимологического анализа словарного состава выделяются терминологические макрополи и 4 микрополя, а также дается анализ структурных особенностей терминов в микрополях, в частности, способов образования сложных терминов, лексико-семантический анализ микрополей, выделяются гиперогипонимические отношения и особенности использования метафор в них.

Y.V. Klimuk. The Terminological Composition of the Macrofield *Geology of Placer and Ore Deposits* in Gold Mining Terminology in the Russian language. The theme of the article is the lexical composition of the macro field *Geology of Placer and Ore Deposits* within the terminology of gold mining in the modern Russian language. The aim of the article is to conduct a comprehensive analysis of lexical and terminological nomination, identifying the sources of terminology formation, including borrowings, calques, and native Russian terms. The field analysis method is employed in the paper. The research material includes both written sources (dictionaries, monographs, articles, specifications) and oral speech as well as professional communication. The terms are systematized and classified based on their functional and semantic characteristics. As a result of the onomasiological and etymological analysis of the vocabulary, one terminological macro- and four microfields have been distinguished. Structural features of micro field terms are analyzed, particularly the formation methods of compound terms, along with a lexical-semantic analysis of micro fields. Hyper-hyponymic relationships and the role of metaphors in the terminology usage are also examined.

Е.А. Косых. Терминологизация колоризмов в русском языке. В статье рассматривается трансформация семантики и структуры цветообозначений русского языка в процессе их употребления в специальной сфере и в русском языке в целом и приобретение колоризмом функции термина. Изучение пути колоризма в терминосистему и закреплённость его в системе терминов — цель предлагаемого исследования. Материалом исследования послужили колоризмы, зафиксированные в специальной литературе по орнитологии, зоологии, ихтиологии и лингвистике цвета. Результатом исследования явился перечень процессов, отражающих явление терминологизации колоризмов в современных условиях. В статье отмечено, что изменение традиционной структуры цветообозначений русского языка за последние десятилетия свидетельствует о расширении лексико-семантических возможностей колористической терминосистемы. Процесс «наделения» цветообозна-

чения функциями термина или включение колоризма в терминологическое сочетание является и результатом речевой деятельности носителей языка, и меняющимися условиями экономической сферы.

Е.А. Kosykh. Terminologization of Colorisms in the Russian Language.

The article examines the color designation's semantical and structural transformations in the Russian language in the process of their use in the special field and in the Russian language in general, as well as the acquisition of colorism as a term. The purpose of this study is to examine the path of colorism into the terminological system and its consolidation within the system of terms. The study is based on colorisms found in the special literature on ornithology, zoology, ichthyology, and color linguistics. The result of the study is a list of processes that reflect the phenomenon of colorism terminologization in modern conditions. The article mentions that the change in the traditional structure of color designations in the Russian language over the past decades indicates an expansion of the lexical and semantic possibilities of the coloristic term system. The process of "endowing" a color designation with the functions of a term or incorporating a colorism into a terminological combination is both a result of the speech activity of language users and a reflection of changing conditions.

Т.В. Чернышова, Х.Н. угли Самадов. Функционально-стилевая и эмоционально-экспрессивная градация оценочных значений зооморфизмов в русском языке. Статья посвящена описанию наиболее употребительных зооморфизмов современного русского языка с точки зрения их функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной маркированности на основе лингвостилистического и лексикографического анализа языковых единиц. Основу исследования составили двенадцать наиболее употребительных зооморфизмов русского языка. Для решения поставленных задач использован метод научного описания, приемы стилистического и текстового анализа, прием статистических подсчетов. Особое внимание уделено моделированию «шкалы стилистических противопоставлений» (О.А. Крылова), на основе двух вариантов которой (функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной) получены сопоставительные данные о видах стилистической окраски зооморфизмов по данным словарных источников. Проведенный стилистический анализ показал, что зооморфизмы, с одной стороны, обладают высоким эмоционально-оценочным потенциалом (преимущественно негативным), а с другой — балансируют на грани разговорного литературного языка и русского экспрессивного про-

стореция, их оценочный потенциал в исследовании конкретизирован с помощью обеих шкал стилистических противопоставлений.

T.V. Chernyshova, Kh.N. ugli Samadov. Functional-Stylistic and Emotional-Expressive Gradation of Evaluative Meanings of Zoomorphisms in the Russian Language. The article is devoted to the description of the most commonly used zoomorphisms of the modern Russian language from the point of view of their functional-stylistic and emotional-expressive marking based on the linguostylistic and lexicographic analysis of language units. The study is based on twelve of the most commonly used zoomorphisms of the Russian language. To solve the tasks, the method of scientific description, stylistic and textual analysis techniques, and statistical calculations were used. Particular attention is paid to modeling the "scale of stylistic oppositions" (O. A. Krylova), on the basis of two versions of which (functional-stylistic and emotional-expressive) comparative data on the types of stylistic coloring of zoomorphisms were obtained according to dictionary sources. The conducted stylistic analysis showed that zoomorphisms, on the one hand, have a high emotional-evaluative potential (mostly negative), and on the other hand, they balance on the edge of colloquial literary language and Russian expressive vernacular; their evaluative potential in the study is specified with the help of both scales of stylistic oppositions.

Г.В. Ануфриева. Тропеическая система в идиостиле Е.Д. Айпина (на материале романа «В поисках Первоземли»). Статья посвящена анализу изобразительно-выразительных средств как важнейшей идиостилевой черты хантыйского писателя Е.Д. Айпина. Материал исследования — роман «В поисках Первоземли». В работе использованы имманентный анализ и методика лингвопоэтического описания средств выразительности. В результате исследования выявлены и описаны ключевые тропы: метафора, сравнение, гипербола. Установлено, что данные средства выразительности могут использоваться как самостоятельно, так и в структуре гипертропа. Источником большинства тропов служит этнонациональная составляющая. Метафора в романе выступает своеобразным смысловым кодом, объединяющим в единое целое главы, хронотопы, судьбы персонажей. Сравнение лежит в основе описания портрета или характера персонажа. Гипербола используется при создании ментального мира. Гипертроп как результат контаминации тропов и стилистических фигур работает в качестве приема при изображении кризисных событий, пропускаемых через сознание главного героя. В работе сделан вывод о том, что тропеическая система лежит

в основе формирования образности, поэтичности и мифологичности художественного мира Е.Д. Айпина.

G.V. Anufrieva. The System of Tropes in the Idiostyle of E.D. Aipin (Based on the Novel *In Search of the First Earth*). The article is devoted to the analysis of figurative and expressive means as the most important idiostyle feature of the Khanty writer E.D. Aipin. The research material is the novel *In Search of the First Earth*. The work used the immanent analysis and the method of linguapoetic description of expressive means. As a result of the study, key tropes were identified and described: metaphor, comparison, hyperbole. It has been established that these means of expression can be used both independently and in the structure of hypertrope. The source of most tropes is the ethno-national component. Metaphor in the novel acts as a kind of semantic code, uniting chapters, chronotopes, and destinies of characters into a single whole. Comparison is the basis for describing a portrait or character of a character. Hyperbole is used to create a mental world. Hypertrope as a result of contamination of tropes and stylistic figures works as a device in depicting crisis events passing through the consciousness of the protagonist. The work concludes that the system of tropes underlies the formation of imagery, poetry and mythology in the artistic world of E.D. Aipin.

М.В. Румянцева. Концепт-колоратив жёлтый в художественной картине мира В. Личутина: многообразие смыслов. Статья посвящена изучению алгоритма смыслопорождения через моделирование ментальных пространств метафорически переосмысленных колоративов в художественном дискурсе В. Личутина. Цель исследования — описание номинативных связей концепта-колоратива *жёлтый* и выявление его дополнительных смыслов в художественной картине мира писателя-современника В. Личутина. Исследование проводилось с помощью методов концептуального анализа, концептуального моделирования, контекстологического анализа. В ходе анализа выделены и описаны семь образно-символических и эмоционально-оценочных значений концепта-колоратива *жёлтый*: «нижний мир и нечистая сила», «чужой», «непристойность поведения», «непривлекательность», «болезнь», «старость», «смерть», который не только участвует в колористическом описании окружающего мира, но и становится символом нечистой силы, физических и душевных заболеваний, актуализирует мотив бренности всего сущего на земле, служит способом распознавания «чужого» среди «своих», маркером непристойности поведения

в социуме, а также средством создания отрицательных характеристик литературных героев.

M.V. Rumyantseva. Concept Color Name *Yellow* in the Artistic Worldview of V. Lichutin: Variety of Senses. The article considers the algorithm of sense generation through modeling mental spaces of metaphorically reinterpreted color names in the artistic discourse of V. Lichutin. The purpose of the study is to describe the nominative relations of the concept-color name *yellow* and to identify its additional senses in the artistic worldview of the contemporary writer V. Lichutin. The study was conducted using the methods of conceptual analysis, conceptual modeling, contextual analysis. In the course of the analysis, seven figurative-symbolic and emotional-evaluative meanings of the concept-color *yellow* were identified and described: “lower world and evil spirits”, “alien”, “indecency of behavior”, “unattractiveness”, “illness”, “old age”, “death”, thus, the concept does not only participate in the coloristic description of the surrounding world, but also becomes a symbol of evil spirits, physical and mental illnesses, actualizes the motive of the frailty of everything on earth, serves as a way of recognizing the “alien” among “our own kind”, a marker of indecency of behavior in society, as well as a means of creating negative characteristics of literary characters.

Ван Чуньму. Сопоставление музыкально-исполнительской терминологии в русском и китайском языках. Статья посвящена изучению этимологии и внутренней формы музыкально-исполнительских терминов русского и китайского языков. Материалом для исследования послужили лексические единицы, представленные в русском и китайско-русском словарях музыкальных терминов. Применялись следующие методы исследования: описательный, индуктивно-дедуктивный, сравнительно-сопоставительный и компонентный анализ, направленная выборка материала. Выявлено, что итальянский язык является главным источником заимствования музыкальных терминов как для русского, так и для китайского языка, однако в русском языке в качестве главного способа заимствования используется транслитерация, в то время как в китайском преобладает семантическое калькирование. Транслитерированные термины русского языка имеют неясную для носителя внутреннюю форму и употребляются в основном в сфере музыкального исполнительства. Музыкальные термины китайского языка состоят из общеупотребительных лексических единиц и могут включать в свою структуру слова-маркеры, указывающие на отне-

сённость термина к определенной тематической группе, что делает их внутреннюю форму прозрачной для носителя.

Wang Chunmu. Matching Music and Performance Terminology in the Russian and Chinese Languages. The article focuses on studying the etymology and inner form of musical and performance terms in the Russian and Chinese languages. Lexical units taken from the Russian and Chinese-Russian dictionaries of musical terms served as the research basis. The author applied the following research methods: descriptive, inductive-deductive, comparative and componential analysis, and specific material sampling. It was ascertained that the Italian language was the main source of borrowed musical terms for both Russian and Chinese. However, in the Russian language the predominant method of borrowing is transliteration, whereas in Chinese it is semantic loan translation. Transliterated Russian terms present an unclear inner form to the native speaker, and they are mostly used in the sphere of musical performance. Chinese musical terms are comprised of common lexical units and may include markers indicating that the given term is related to a certain subject group, which makes their inner form obvious to the native speaker.

В.С. Коваленко. Профессиональные англицизмы в общении ИТ-специалистов (на материале опроса тестировщиков). В статье рассматриваются вопросы англоязычных заимствований в русском компьютерном дискурсе. Цель исследования — выявить особенности языковой адаптации англицизмов и оценить правомерность их обилия в профессиональном общении ИТ-специалистов. Лексический материал исследования был получен методом опроса тестировщиков одной из российских ИТ-компаний. В ходе работы была констатирована актуальность глаголов. Фонетико-графическая адаптация была представлена транскрипцией, грамматическая выразилась в приобретении существительными категории рода, глаголами — соответствующего набора флексий, словообразовательная — в возможности соединения с англицизмами исконно русских деривационных аффиксов, семантическая — в четком толковании опрошенными значений англицизмов. Основной причиной употребления профессиональных англицизмов опрошенными назвали отсутствие краткого русского эквивалента. В результате был сделан вывод об уместности употребления профессиональных англицизмов русскоговорящими ИТ-специалистами.

V.S. Kovalenko. Professional Anglicisms in IT-Professional Communication (Case-Study of IT-Professionals Poll). The article discusses the issue of English loan words in the Russian computer discourse.

The purpose of the study was to identify the features of their linguistic adaptation and to assess the relevancy of their abundance in professional communication of IT-specialists. The lexical material of the study was obtained by interviewing testers of one of the Russian IT-companies. During the research the relevance of verbs was established. Phonetic and graphic adaptation was represented by transcription, grammatical — in acquisition of gender category by nouns and set of inflections by verbs, word-formation adaptation was represented in combining native Russian derivational affixes with anglicisms and semantic adaptation was expressed in clear interpretation of anglicisms meanings by the respondents. The lack of the short Russian equivalent was the main reason for professional anglicisms usage. As a result, it was concluded that the use of professional anglicisms by Russian IT-specialists was relevant.

С.М. Пашков. Репрезентация категории сакральности в гомилетических текстах (на материале английского языка). Цель статьи — описать семантику, структуру и функциональную направленность гомилетического текста в контексте его текстообразующей категории — сакральности. Категориальное содержание сакральности, репрезентируемое разноуровневыми языковыми средствами, определяется как тип знания (сакральное знание), инкорпорирующий оноματοлогию, императивность и эсхатологию. Данные сегменты сакральности предопределяют семантическое своеобразие гомилетических текстов и служат основанием их лингвистической классификации. Основой структурной организации гомилетического текста является базовый текстовый контраст (сакральное знание vs. несакральное знание). Его реализация осуществляется посредством языковых средств, репрезентирующих три категориальных сегмента сакральности и семантически соотносимых с ними языковых средств, противоположной эмоционально-оценочной направленности. Предлагаемая концепция сакральности позволяет избежать экстралингвистических оснований в процессе классификации гомилетических текстов.

S.M. Pashkov. Representation of the Category of Sacredness in Homiletic Texts (as Exemplified in the English Language). The purpose of the article is to describe the semantics, structure and function of the homiletic text in the context of its text-forming category — sacredness. The categorial content of sacredness, represented by multi-level linguistic means, is defined as a type of knowledge (sacred knowledge), incorporating onomatology, imperative slant and eschatology. These segments of sacredness predetermine the semantic distinction of homiletic texts and serve as the basis for their

linguistic classification. The basis of the structural organization of the homiletic text is manifested through the basic text contrast (sacred knowledge vs. non-sacred knowledge). Its implementation is carried out through linguistic means representing three categorical segments of sacredness and semantically correlated with them linguistic means of the opposite emotional-evaluative slant. The proposed concept of sacredness allows us to avoid extralinguistic grounds in the process of classifying homiletic texts.

Ю.М. Коняева. Искусственный интеллект как медийная персона: речевая репрезентация. В статье исследуются механизмы речевой репрезентации искусственного интеллекта (ИИ) как медийной персоны. Актуальность работы обусловлена стремительным проникновением нейросетей в медиакommunikation и дискуссиями о возможности замены человека ИИ. Целью исследования является выявление проблем и перспектив такой замены через анализ речевой репрезентации антропоморфных ИИ. На основе концепции языковой личности и авторской методики, экстраполирующей категорию личности с человека на ИИ, анализируется корпус из более 1000 постов нейросетей и 1500 пользовательских комментариев к ним. Анализ показал, что речевая репрезентация ИИ характеризуется внутренней противоречивостью. Антропоморфные черты (имя, визуальный образ, стиль общения) носят преимущественно прагматический характер для повышения лояльности аудитории, а не для воссоздания подлинной языковой личности. Ключевым выводом является доказательство невозможности полноценной замены человека ИИ в медиасфере на современном этапе из-за отсутствия у нейросетей устойчивой рефлексивной идентичности и подлинной субъектности.

Yu.M. Konyaeva. Artificial Intelligence as Media Personality: Speech Representation. The article examines the mechanisms of speech representation of artificial intelligence (AI) as a media personality. The relevance of the study stems from the rapid integration of neural networks into media communication and ongoing discussions about the potential replacement of humans with AI. The research aims to identify the challenges and opportunities of such a replacement through analysis of the speech representation of anthropomorphic AI systems. Using the concept of the linguistic persona and author's methodology, which extrapolates the category of personality from humans to AI, the study analyzes a corpus comprising over 1000 AI-generated posts and 1500 corresponding user comments. The analysis showed that the speech representation of AI is characterized by internal inconsistency. Anthropomorphic features (such as names, visual

image, and communication styles) serve primarily pragmatic purposes aimed at increasing audience loyalty, rather than reconstructing an authentic linguistic persona. The key conclusion is the evidence that a full replacement of humans by AI in the media sphere is currently impossible due to neural networks' lack of stable reflexive identity and genuine subjectivity.

А.В. Марков, О.А. Штайн. Зеркало Гоголя: скрытый мотив книги М.М. Бахтина о Рабле. Интерпретация М.М. Бахтиным городской карнавальной культуры включает в себя две модели отражения: как репрезентации и как обеспечения предметного единства. Бахтин искусно совмещает эти две модели, чтобы доказать два тезиса: а) что любой участник городской карнавальной культуры противостоит официальным нормам культуры и б) что гротеск является устойчивым эстетическим принципом порождения текстов, отличающимся от поэтико-риторической нормы. Гоголь соединил обе модели как проповедник, доказывая и способность текста отражать реальность социальной жизни, и способность ритуала поддерживать онтологическую полноту на каждом участке высказываний о происходящем. В двух эпизодах, где у Бахтина появляется мотив отражения, при анализе фамиллярности городской карнавальной культуры и при анализе гротеска как особого механизма закрепления фамиллярности, существуют явные отсылки к речевым стратегиям Гоголя, выявленным В.В. Бибихиным. Интерпретация гоголевского подтекста аналитической работы М.М. Бахтина может быть востребована и в изучении публичного пространства в современной урбанистике.

A.V. Markov, O.A. Shtayn. Gogol's Mirror: Hidden Motif of M.M. Bakhtin's Book on Rabelais. Mikhail Bakhtin's interpretation of urban carnival culture includes two reflective mechanisms: as representation and as the provision of subject unity. Bakhtin deftly reconciles these two patterns to prove two theses: a) that any participant in urban carnival culture opposes the official norms of culture and b) that the grotesque is a sustainable aesthetic principle of text generation different from the poetic-rhetorical rule. Gogol conflated both models as a preacher, demonstrating both the capacity of the text to reflect the reality of social life and the power of ritual to maintain ontological plenitude at every stage of utterances about what is happening. In the two episodes where Bakhtin's reflection motif appears, in analyzing the familiarity of urban carnival culture and in analyzing the grotesque as a special mechanism for fixing familiarity, there are clear references to Gogol's speech strategies identified by Vladimir Bibikhin. The interpretation of Gogol's underlying message in M.M. Bakhtin's analytical work can be in demand in the study of public space in urban studies.

М.В. Устинова. Образ перцептивного автора в новостном контенте официального сайта (на материале лингвистического эксперимента). Статья посвящена моделированию репрезентированного в новостном дискурсе официального сайта образа перцептивного автора, который нами рассматривается как один из видов виртуального автора. Исследование выполнено в контексте интернет-лингвистики, объектом которой является виртуальная коммуникация, реализующаяся посредством сайта. Новизна исследования заключается в дифференцировании понятия образа автора и исследовании перцептивного автора. Цель статьи — выявить типы перцептивных авторов новостного текста, размещенного на официальном сайте компании. Методом исследования послужил лингвистический эксперимент, который позволяет на материале результатов анкетирования выявить образ перцептивного автора и его виды. Доказывается, что перцептивный автор характеризуется дуальными свойствами и оценивается адресатом как в позитивном, так и негативном модусе. Результаты исследования представляют практическую ценность, поскольку позволяют оптимизировать процесс создания контента с учетом восприятия целевой аудитории.

M. V. Ustinova. The Image of a Perceptual Author in the News Content of the Official Website (Based on a Linguistic Experiment). The article considers modeling the image of a perceptual author represented in the news discourse of the official website, which we regard as one of the types of a virtual author. The study was carried out in the context of Internet linguistics, the subject of which is virtual communication implemented through a website. The novelty of the research lies in differentiating the concept of the author's image and the study of the perceptual author. The purpose of the article is to identify the types of perceptual authors of the news text posted on the company's official website. The research method was a linguistic experiment, which allows us to identify the image of the perceptual author and its types based on the results of the survey. It is proved that the perceptual author is characterized by dual properties and is evaluated by the addressee in both positive and negative modes. The research results are of practical value, as they allow optimizing the content creation process, taking into account the perception of the target audience.

А.Д. Цкрилашвили. Фрейминг, речевые стратегии и тактики американских политических лидеров (на примере президентских кампаний электорального цикла 2020–2024). Фрейминг, речевые стратегии и тактики, ранее используемые в журналистике, стали успешно применяться в политическом дискурсе. Журналисты, освещающие пре-

зидентскую кампанию в электоральный период, стремятся придерживаться принципов свободы слова. При этом с учетом того, что выступления праймеризов публикуются в дальнейшем на новостных сайтах и подвергаются анализу как со стороны оппонентов, так и электората, необходимо использовать инструменты персуазивной (убеждающей) коммуникации. Для придания политическому дискурсу большей яркости и привлекательности, а также наделения его манипулятивными свойствами используются фрейминг, речевые стратегии и тактики, которые позволяют избирателям запоминать цитаты из политического текста того или иного кандидата как положительные ассоциаты его предвыборной программы. Речевые стратегии политиков США включают в себя стратегии на повышение и понижение, «театральные спичи», а также концептуальные метафоры, выступающие в роли фрейминга американского политического дискурса. В статье рассматриваются лингвистические особенности построения политических текстов и ключевых концептуальных фраз американского политического деятеля — Дональда Трампа.

A.D. Tskrialashvili. Framing, Speech Strategies and Tactics of American Political Leaders (Case Study of the Presidential Campaigns of the Electoral Cycle 2020–2024). Framing, speech strategies and tactics previously used in journalism have been successfully applied in political discourse. Journalists covering the presidential campaign during the electoral period strive to adhere to the principles of freedom of speech. At the same time, taking into account the fact that the speeches of the primaries are published later on news sites and are analyzed by both opponents and the electorate, it is necessary to use the tools of persuasive communication. Framing, speech strategies and tactics are used to make political discourse more vivid and attractive, as well as to endow it with manipulative properties, which allow voters to remember quotes from the political text of a candidate as positive associates of their election program. The speech strategies of US politicians include strategies to enhance image and deform image, "theatrical speeches", as well as conceptual metaphors (acting as a framing of American political discourse). The article examines the linguistic features of the construction of political texts and key conceptual phrases of the American politician Donald Trump.

Е.С. Кара-Мурза, Т.В. Чернышова. Правовые и коммуникативные риски в современном медиадискурсе: о взаимодействии медиалингвистического и лингвоэкспертного подходов к анализу конфликтных

медiateкстов (обзор итогов пленарной сессии «Коммуникативные риски в медиапространстве и их актуализация в образовательном, просветительском и лингвоэкспертном дискурсах», Санкт-Петербург, 2025). Обзор посвящен итогам работы пленарной сессии «Коммуникативные риски в медиапространстве и их актуализация в образовательном, просветительском и лингвоэкспертном дискурсах», проведенной на IX Международной научной конференции «Язык в координатах масс-медиа». Цель обзора — познакомить научное сообщество с деятельностью исследовательской группы «Лингвистическая экспертиза медiateкстов» Международной Ассоциации исследователей языка медиакоммуникации, при участии которой впервые в этом году прошла конференция. Материалом исследования послужили научные источники, заложившие теоретико-практические основы формирования лингвоэкспертной деятельности филологов-практиков в сфере медиакоммуникации. В обзоре представлены итоги работы пленарной сессии, а также отмечены приоритетные направления лингвистических исследований, среди которых — изучение взаимосвязи медиалингвистического и лингвоэкспертного подходов к медiateкстам, способствующим распространению коммуникативных и правовых рисков.

E.S. Kara-Murza, T.V. Chernyshova. Legal and Communicative Risks in Modern Media Discourse: on the Interaction of Media-Linguistic and Linguistic Expert Approaches to the Analysis of Conflict Media Texts (on the Results of the Plenary Session "Communicative Risks in the Media Space and Their Urgency in Educational, Enlightening and Linguistic Expert Discourses", St. Petersburg, 2025). The review covers the results of the plenary session "Communicative risks in the media space and their urgency in educational, enlightening and linguistic expert discourses" held at the IX International Scientific Conference "Language in mass media coordinates". The purpose of the review is to introduce the scientific community to the work of the research group "Linguistic examination of media texts" of the International Association of Media Communication Language Researchers, with whose participation the conference has been held for the first time this year. The material of the study was scientific sources that laid the theoretical and practical foundations for linguistic expert work of philologists-practitioners in the field of media communication. The review presents the results of the plenary session, and also notes the priority areas of linguistic research, including the study of the relationship between media linguistic and linguistic expert approaches to media texts that contribute to the spread of communicative and legal risks.

НАШИ АВТОРЫ

АНУФРИЕВА,
Галина
Васильевна

— доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул)
E-mail: agvbarnaul@inbox.ru

КАРА-МУРЗА,
Елена
Станиславовна

— кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
E-mail: kara-murza@mail.ru

КЛИМУК,
Юлия
Васильевна

— старший преподаватель кафедры иностранных языков
для инженерных направлений Института филологии
и языковой коммуникации Сибирского федерального
университета (Красноярск)
E-mail: Juliana.86@mail.ru

КОВАЛЕНКО,
Виктория
Сергеевна

— преподаватель кафедры иностранных языков
Саратовского государственного медицинского университета
им. В.И. Разумовского
E-mail: v.s_17@mail.ru

КОНЯЕВА,
Юлия
Михайловна

— доцент кафедры медиалингвистики,
кандидат филологических наук
Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: j.konyaeva@spbu.ru

КОСАРЕВА,
Анна
Александровна

— кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и профессиональной
коммуникации на иностранных языках
Уральского федерального университета им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
E-mail: kosareva.anna@urfu.ru

КОСЫХ,
Елена
Анатовьевна

— кандидат филологических наук, доцент кафедры общего
и русского языкознания Алтайского государственного
педагогического университета (Барнаул)
E-mail: veko@mail.ru

ЦЗЕ,
Лин

— аспирант кафедры русской зарубежной литературы
Российского университета дружбы народов (Москва)
E-mail: 1042235156@pfur.ru

ЛУШНИКОВА,
Галина
Игоревна

— доктор филологических наук, профессор кафедры
филологии и методики преподавания
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского в г. Ялта
E-mail: lushgal@mail.ru

МАЛИКОВА,
Юлия
Владимировна

— преподаватель кафедры общих гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Кемеровского государственного университета
E-mail: malikova_94@vk.com

МАРКОВ,
Александр
Викторович

— доцент, доктор филологических наук,
кандидат философских наук, профессор (Москва)
E-mail: markovius@gmail.com

ОСАДЧАЯ,
Татьяна
Юрьевна

— кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории
и практики перевода и зарубежной филологии
Севастопольского государственного университета
E-mail: osadchaya_ta@mail.ru

ПАШКОВ,
Сергей
Михайлович

— доцент, кандидат филологических наук
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
E-mail: s.p.n1980@mail.ru

РУМЯНЦЕВА,
Марина
Васильевна

— доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры
филологических дисциплин Тюменского государственного
медицинского университета
E-mail: m.rumjanzewa@gmail.com

САМАДОВ,
Хумойиддин
Норкобил угли

— аспирант Алтайского государственного университета;
преподаватель Денауского института предпринимательства
и педагогики (Узбекистан)
E-mail: humoh4944@gmail.com

СПАЧИЛЬ,
Ольга
Викторовна

— доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии Кубанского государственного
университета (Краснодар)
E-mail: spachil.olga0@gmail.com

УСТИНОВА,
Мария
Владимировна

— аспирант Кемеровского государственного университета;
начальник пресс-службы Кузбасского института
Федеральной службы исполнения наказаний
E-mail: pressa@kifsins.ru

ЦКРИАЛАШВИЛИ,
Анна
Давидовна

— аспирант Московского государственного университета
(МГУ) им. М.В. Ломоносова
E-mail: atskry@mail.ru

ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна

— доктор филологических наук, профессор кафедры общей
и прикладной филологии, литературы и русского языка
Алтайского государственного университета (Барнаул)
E-mail: chernyshova@filo.asu.ru

ЧУНЬМУ,
Ван

— Сианьский нефтяной университет
E-mail: wanchunmu@yahoo.com

ШТАЙН,
Оксана
Александровна

— кандидат философских наук,
доцент Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
E-mail: shtaynshtayn@gmail.com

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 45 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, LucidaSansUnicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется с указанием издательства, индекса DOI (при наличии), страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т.п.), количества страниц и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987a]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого

в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (1000 знаков с пробелами каждая); в аннотации указываются тема, цель, материал, методы, краткие результаты исследования). Далее следует **основной текст статьи**: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, Библиографический список литературы (не менее 15 единиц) и References.

К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта.

Примечания

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности

темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 3 2025

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Т.Б. Беломестнова
Подготовка оригинал-макета Д.А. Басманова

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс с 36795 в каталоге Урал-Пресс
Цена свободная

Подписано в печать 30.09.2025.
Дата выхода издания в свет 17.10.2025.
Формат 60×84/16. Гарнитура Minion 3. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 16,74. Тираж 500 экз. Заказ №653.

Издательство Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Типография Алтайского государственного университета 656049,
Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66